

Дуглас Престон Каньон Тираннозавра

Пролог

Декабрь 1972 года

Луна

Море Спокойствия

Район Таурус-Литтроу

11 декабря 1972 года космический корабль «Аполлон» доставил на Луну последнюю экспедицию, совершив посадку в Таурус-Литтроу – живописной, окаймленной горами долине на краю Моря Спокойствия. Эта территория сулила геологические чудеса в виде возвышенностей, нагорий, воронок, обломков пород и оползневых отложений. Особый интерес представляли несколько необычных ударных кратеров. Метеориты, которые когда-то проделали глубокие выбоины в основании долины, вдобавок засыпали ее брекчиями и стеклянной крошкой. Участники экспедиции твердо рассчитывали вернуться с драгоценными находками – образцами лунного грунта.

Юджин Сернан был командиром корабля, Харрисон Шмитт по прозвищу Весельчак – пилотом лунного модуля. Оба идеально подходили для полета «Аполлона-17»: Сернан – закаленный ветеран экспедиций на «Джемини-9» и «Аполлоне-10», Шмитт – блестящий геолог, получивший докторскую степень в Гарварде и участвовавший в разработке программы исследований, которые ранее проводились в рамках проекта «Аполлон». В течение трех дней Сернан и Шмитт на лунном вездеходе изучали район Таурус-Литтроу. Первая же их вылазка на поверхность Луны продемонстрировала, что в геологическом плане там будет чем поживиться. Одно из наиболее волнующих открытий, косвенно приведшее к таинственной находке близ кратера Ван Серга, было совершено на второй день, близ небольшого глубокого кратера под названием Шорти. Шмитт, сошедший с лунного вездехода для обследования внешнего края Шорти, с изумлением заметил, как в отпечатках его ботинок сквозь серую лунную пыль проступает слой ярко-оранжевого фунта. Пораженный Сернан поднял козырек светофильтра на своем скафандре: а вдруг увиденное – всего лишь оптическая иллюзия? Сделав небольшое углубление, Шмитт обнаружил, что дальше оранжевая порода переходит в ослепительно-красную.

Падкие на тайны специалисты из Хьюстонского центра пилотируемых полетов живо обсудили, откуда бы мог взяться необычно окрашенный грунт и как вообще все это объяснить, после чего астронавтам поручили доставить на Землю пробу найденной породы. Шмитт захватил контрольный образец, а затем вместе с Сернаном пешком обогнул внешний край Шорти. Там астронавты увидели тот же оранжевый пласт, обнажившийся на склонах кратера в результате удара метеорита.

Представители Хьюстонского центра не желали довольствоваться образцами оранжевого фунта, найденными лишь на одном участке. Поэтому астронавты включили в свой маршрут маленький безымянный кратер неподалеку от Шорти, намереваясь исследовать его на третий день и рассчитывая обнаружить там аналогичную оранжевую породу, вышедшую на поверхность. Шмитт окрестил неизвестный кратер кратером Ван Серга, в честь своего гарвардского приятеля, профессора геологии Ван Серга, сочинявшего юмористические рассказы, под которыми так и подписывался: «Профессор Ван Серг».

Третий день экспедиции оказался долгим и изнурительным. Пыль забивалась в приборы и мешала работать. Утром Сернан и Шмитт подвели лунный вездеход к подножию гор, окружающих долину Таурус-Литтроу, дабы изучить гигантскую глыбу под названием Скала Трейси, которая, очевидно, откололась от основного горного массива много геологических эпох назад и сместилась в сторону, оставив за собой борозду. После Скалы

Трейси астронавты исследовали территорию, известную как Рельефные Холмы, и не обнаружили там ничего интересного. С огромным трудом Сернан и Шмитт взобрались, не доходя до вершины, на один из холмов, чтобы осмотреть странной формы валун. На поверку камень оказался всего-навсего «обломком древних поверхностных отложений Луны», который на склон холма забросило взрывом от давнишнего падения метеорита. Астронавты спускались по крутому, крошащемуся под ногами склону, прыгая, как настоящие кенгуру. Шмитт пыхтел, косыми скачками продвигаясь вниз, и делал вид, будто съезжает по неровной лыжне. Он шутил: «Меня заносит. Ох, как пыль-то хрустит! Трудновато переставлять ноги!» Из-за низкой гравитации Сернан живописно слетел с порядочной высоты и упал, целым и невредимым, в глубокий рыхлый грунт.

Когда астронавты достигли кратера Ван Серга, оба были вымотаны. На подходе к нему им пришлось вести лунный вездеход по площадке, усыпанной осколками размером с футбольный мяч, вылетевшими когда-то из кратера. Геологу Шмитту они показались странными.

– Не могу сказать с уверенностью, что именно здесь произошло¹, – проговорил он.

Все вокруг покрывал толстый слой пыли. Искомой оранжевой породы нигде не было видно.

Астронавты остановили луноход и стали пробираться к внешнему краю кратера по участку, засыпанному осколками пород. Шмитт преодолел расстояние первым. Вот как геолог описал кратер сотрудникам Хьюстонского центра: «После беглого осмотра стало ясно следующее: кратер обширный, края значительно изрезаны и сплошь усыпаны обломками породы. Пыль повсюду, даже по краям. Она частично покрывает осколки. Насколько я могу судить, пыль лежит и на дне кратера, и на его склонах. В самом кратере – насыпь диаметром, наверное, метров в пятьдесят... нет, это, пожалуй, чересчур... диаметром в тридцать метров».

Подошел Сернан.

– Святые угодники! – воскликнул он, окинув взглядом величественный кратер.

– Камни здесь очень повреждены, как и те, что на склонах, – продолжал Шмитт.

Он огляделся, ища глазами оранжевый грунт, и не увидел ничего, кроме сплошной серой лунной породы, растрескавшейся во многих местах в результате падения метеорита. Самый обычный кратер, и возраст его не превышает 60 – 70 миллионов лет. В Хьюстонском центре были разочарованы. Тем не менее, Шмитт и Сернан принялись собирать образцы и раскладывать их по специальным нумерованным пакетикам.

– Так, эти камни очень сильно потрескались, – сказал Шмитт, повертев в руках один из экземпляров. – От них отслаиваются небольшие пластинки. Давай возьмем вот этот, он лучше всего подойдет для коллекции. И почему бы не захватить также вон тот, который лежит в углублении?

Сернан извлек камень, а Шмитт с помощью своего черпака подобрал еще один.

– Пакет есть?

– Да, номер 568.

– Думаю, это осколок крупного валуна, зарегистрированного здесь Джином.

Шмитт достал очередной пустой пакет.

– А мы прихватим и другой образец – из недр валуна.

– Я могу легко достать его щипцами, – ответил Сернан.

Шмитт огляделся и увидел еще один нужный образец, причудливый камень, напоминающий пиллюлю около двух с половиной метров длиной.

– Его ломать нельзя, берем как есть, – предупредил он Сернана, хотя камень нипочем не поместился бы ни в один пакет для образцов.

Они взяли находку щипцами.

¹ Все цитируемые здесь беседы взяты из подлинных источников, документально фиксирующих ход экспедиции «Аполлона-17» и приведенных в «Журнале лунных экспедиций» под редакцией Эрика М. Джоунса. – Примеч. авт.

– Дай-ка мне один конец, – сказал Сернан, когда астронавты принялись паковать образец. – Я подержу, а ты натягивай пакет. – Он умолк, поднеся камень к глазам. – Ага, видишь? Видишь белые вкрапления? – Сернан показал на белые точки, уходящие в глубь камня.

– Да, – ответил Шмитт, пристально разглядывая вкрапления. – Знаешь, может статься, это мельчайшие частички метеорита, хотя вряд ли. В принципе не похоже... Это же не осадочная порода. Ладно. Пакуй.

Когда камень благополучно уложили, Шмитт спросил:

– А номер какой?

– Четыреста восемьдесят, – прочитал Сернан цифры на пакете.

Тем временем хьюстонцы стали досадовать на то, что астронавты зря теряют время в кратере Ван Серга, раз уж никакой оранжевой породы там нет. Сернана попросили покинуть кратер и сделать несколько фотографий Северного массива, пока его коллега будет производить «радиальную съемку» окружающих вулканических пород. Вылазка Шмитта и Сернана длилась уже почти пять часов. Шмитт работал медленно, а в процессе съемки у него вышел из строя черпак – все из-за пыли. Из Хьюстона поступило распоряжение прекратить радиальную съемку и приготовиться к завершению работы. Уже находясь в лунном вездеходе, астронавты проделали итоговый гравиметрический замер и взяли последнюю пробу грунта, покончив с данным участком. Затем они вернулись к кораблю. На следующий день Сернан и Шмитт вылетели из долины Таурус-Литтроу, став последними представителями рода человеческого (на настоящий момент по крайней мере), побывавшими на Луне. «Аполлон-17» вернулся на Землю, приводнившись 19 декабря 1972 года.

Образец лунного грунта № 480 вместе с 842 фунтами прочих лунных пород, доставленных другими «Аполлонами», поступил в лабораторию по приему лунных образцов, которая находится в Центре пилотируемых полетов имени Джонсона в Хьюстоне, штат Техас. Восемь месяцев спустя, по завершении программы «Аполлон», лабораторию закрыли, а ее содержимое перевезли в заново отстроенное помещение со сверхвысокотехнологичным оборудованием там же, в Центре полетов. Помещение называлось Хранилищем-лабораторией по переработке образцов, сокращенно ХЛПО.

В течение тех восьми месяцев, когда пробы лунного грунта еще не успели перевезти в новоиспеченное хранилище, камень, известный как «образец № 480», в определенный момент буквально испарился. Примерно тогда же все имеющие к нему отношение записи исчезли из компьютерного каталога; не стало даже машинописных листов, содержавших упоминания о находке и хранившихся в картонных папках.

Сейчас, если заглянуть на электронную страницу ХЛПО и подать запрос по номеру 480 в базу данных, где зарегистрированы образцы лунного грунта, появляется следующее сообщение об ошибке:

ЗАПРОС: АО 480

НОМЕР ЯВЛЯЕТСЯ ЗАПРЕЩЕННЫМ ИЛИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

ПРОСЬБА ПРОВЕРИТЬ НОМЕР ОБРАЗЦА И ПОВТОРИТЬ ПОПЫТКУ

Часть первая Лабиринт

1

С тем Уэзерс с трудом вскарабкался на вершину столовой горы Меса-де-Лос-Вьехос, привязал осла к засохшему кусту можжевельника и опустился на пыльный валун. Тяжело дыша, отер цветным платком пот с шеи. Здесь, наверху, все время дул ветер; он трепал Стому бороду и освежал его после пути по раскаленным каньонам с их неподвижным воздухом.

Уэзерс высморкался, сунул платок в карман. Осматривая знакомые ориентиры, Стем

мысленно произносил названия: каньон Даггетта, Закатные Скалы, Навахское Кольцо, столовая гора Сирот, столовая гора дель Йесо, каньон Мертвого Глаза, Голубая Земля, Ла-Кучилья, Эхо-Бэдлендс, Белая площадка, Красная площадка и каньон Тираннозавра. Таившийся в Уэзерсе художник-абстракционист видел фантастическое царство розового, золотого, пурпурного. Взору же Стема-геолога представал комплекс позднемеловых плато, ограниченных нагромождениями валунов, голых, неровных, размытых от времени и изрезанных трещинами, словно сама вечность опустошила эти земли, оставив руины – кричаще яркие камни.

Из засаленного нагрудного кармана Уэзерс вытащил пачку сигарет «Дархемский бык», достал одну мозолистыми, почерневшими от грязи пальцами с желтыми растрескавшимися ногтями. Чиркнул деревянной спичкой о штанину, прикурил, глубоко затянулся. В последние две недели он расходовал табак экономно, но теперь можно не жаться.

Вся жизнь Уэзерса служила прологом к этой волнующей неделе.

Его судьба должна измениться в мгновение ока. Он помирится с дочкой, с Робби, привезет ее сюда и покажет свою находку. Дочь простит ему завиральные идеи, неустроенную жизнь, бесконечные отлучки. Находка искупит все. Стему никогда не удавалось дать Робби то, чем другие отцы балуют дочерей: он не в состоянии оплатить девочке учебу в колледже, купить машину, помочь снять квартиру. Теперь Робби не придется работать официанткой. И художественную студию с галереей, о которой дочка мечтает, Стем сможет ей подарить.

Уэзерс прищурился на солнце. Через два часа закат. Нужно отправляться в путь, иначе к реке Чама до темноты не успеть. Осел по кличке Солт с утра не поен, а с издохшим животным Стему возиться не хотелось. Уэзерс посмотрел, как ишак дремлет в тени: уши прижаты, губы мелко дрожат – ему снилось что-то жуткое. Стем ощутил чуть ли не симпатию к старой упрямой скотине.

Он затушил сигарету и, не выбрасывая, спрятал в карман. Глотнул из фляги, намочил платок, отер шею и лицо для прохлады. Потом закинул флягу за плечо, отвязал осла и по бесплодному песчанику столовой горы поехал на восток. Через четверть мили открылся каньон Хоакина: головокружительная расселина, живописным ущельем перерезавшая столовую гору Меса-де-Лос-Вьехос, или столовую гору Древних. Каньон Хоакина разветвлялся и вился до самой Чамы, образуя запутанную сеть мелких ущелий, которая носила название Лабиринт.

Уэзерс внимательно посмотрел вниз. Дно каньона тонуло в синей дымке, словно находилось под водой. В том месте, где каньон сворачивал и дальше уходил на запад, протянувшись между столовой горой Сирот и Собачьей столовой горой, Стем разглядел, милях в пяти от себя, широкий проход в Лабиринт. Солнце как раз ярко освещало косые спиралевидные камни и пальцевидные останки древних скал – худуз, будто указывающих на вход.

Уэзерс обследовал край каньона, пока не нашел едва заметную тропу, сбегавшую на дно. Она представляла собой коварный спуск, поскольку во многих местах порода осела, и приходилось преодолевать впадины не менее тысячи футов глубиной. Эта единственная дорога от Чамы на восток, где было много столовых гор, отпугивала всех, кроме самых отчаянных смельчаков.

«Вот и отлично», – подумал Уэзерс.

Он осторожно пробирался вниз, берегся сам и берег осла. Стем почувствовал облегчение, лишь заведя на дне каньона высохшее русло реки. Двигаясь вдоль русла Хоакина, Уэзерс минует вход в Лабиринт и оттуда дойдет до Чамы. В ее излучине есть самой природой устроенное место стоянки: там река резко меняет направление течения и близ песчаной отмели можно выкупаться... Поплывать... У Стема возникла одна мысль. Завтра после полудня он будет в Абикию. Первым делом надо позвонить Гарри Дирборну (аккумулятор на мобильнике Уэзерса сел несколько дней назад) и просто рассказать... Стем задрожал, представив, как сообщает сногшибательную новость.

Вот наконец и дно каньона. Уэзерс посмотрел вверх. В самом ущелье было темно, однако на его верхнем крае пылало заходящее солнце. Стем замер. Там, на расстоянии всего в тысячу футов, стоял человек, силуэт которого четко вырисовывался на фоне неба, и смотрел вниз, прямо на Уэзерса.

Стем тихонько выругался. Это тот, кто две недели назад шел за ним по пятам от Санта-Фе до диких земель в районе Чамы. Люди такого сорта знали об исключительном мастерстве Уэзерса, а сами были чересчур ленивы или слишком тупы, чтобы производить самостоятельную разведку, и надеялись незаконно воспользоваться плодами его труда. Стем помнил своего преследователя: тощий тип на мотоцикле «харли», косящий под байкера. Он не отставал от Уэзерса на протяжении всего пути через Эспаколу, мимо Абикию и Ранчо Привидений, держась позади на расстоянии двухсот ярдов и даже не пытаясь маскироваться. Стем заметил этого прохвоста, когда только начал свой путь к пустынным землям. Не снимая байкерской банданы, тот тип пешком шел за Уэзерсом от Чамы вверх по руслу Хоакина. Стем оторвался от преследователя в Лабиринте и взобрался на вершину столовой горы Древних до того, как «байкер» нашел выход.

И вот, две недели спустя, он снова здесь, упрямый паршивец.

Уэзерс пристально рассмотрел ленивые изгибы русла Хоакина, затем – каменные спирали, указывающие на вход в Лабиринт. От назойливого типа надо оторваться, причем опять в Лабиринте. Может, на сей раз сукин сын там и останется.

Уэзерс продолжал спускаться в каньон, время от времени оглядываясь на преследователя, который, однако, не пошел следом, а куда-то скрылся. Наверное, возомнил, что найдет более короткий путь вниз.

Уэзерс усмехнулся, поскольку никакой другой дороги не существовало.

Через час пути вниз по руслу Хоакина тревога и гнев Стема улеглись. Тот тип – дилетант. Глупцы вроде него не раз ходили за Уэзерсом по пустыне и в конце концов просто пропадали. Хотели быть как Уэзерс, но где уж им! Он всю жизнь посвятил своему делу, у него есть непостижимое шестое чувство. Не то чтобы Стем начитался каких-то неведомых учебников или ему помогла аспирантура. Не помогут ни книжки, ни занятия и этим докторишкам наук с их геологическими картами и комплексной широкополосной радарной съемкой. Стему удавалось то, на чем они терпели неудачу, хоть у него и не было ничего, кроме ишака да самодельного радара, излучение которого могло проникать в земную толщу. Радар этот Стем смастерил из деталей старого «двести восемьдесят шестого» компьютера. Еще бы тем умникам не презирать Уэзерса...

Стем опять разнервничался. Болвану преследователю не испортить эти величайшие в жизни Уэзерса дни. Осел заартачился, и Стем, налив воды в свою шляпу, дал ему попить, затем с руганью погнал дальше. Лабиринт как раз впереди, туда-то он и пойдет. В глубине Лабиринта есть источник – настоящая редкость в этих местах: заросший папоротником-адиантумом выступ скалы, с которого вода ручейками стекает в углубление, выдолбленное в песчанике древними индейцами, – они жили тут в доисторические времена. Уэзерс решил устроить стоянку там, а не в излучине Чамы, где он станет легкой мишенью. Лучше уж перестраховаться.

Стем обогнул огромную каменную колонну у входа в Лабиринт. С обеих сторон вздымался каньон, его гигантские склоны состояли из золотого песчаника – это пески Энтрада, спрессованные останки величественной юрской пустыни. В каньоне, точно в готическом соборе, царила безмолвная прохлада. Уэзерс вдохнул воздух, наполненный ароматом кедра. Солнечный свет в щелях между пальцевидными скалами становился мягче, золотистее, по мере того как солнце спускалось к горизонту.

Стем двинулся дальше, туда, где ущелья переплетались между собой, и приблизился к месту слияния Висячего каньона с Мексиканским. Вот первое из многочисленных ветвлений, образуемых сразу несколькими каньонами. В Лабиринте нельзя рассчитывать ни на какую карту. Вдобавок из-за значительной глубины от спутниковых навигационных систем и мобильных телефонов мало проку.

Первая пуля угодила Стому в плечо. Было больше похоже на сильный удар, чем на выстрел. Уэзерс упал на четвереньки, от неожиданности ничего не соображая. Только когда вокруг зазвенело, отдаваясь во всех ущельях, эхо, Стем осознал, что ранен. Боль пока не чувствовалась, онемевшее плечо просто гудело, но Уэзерс увидел раздробленную кость, торчащую из разорванного рукава, и кровь, толчками вытекающую из раны и брызжущую на песок.

Господи Иисусе!

Стем, шатаясь, приподнялся, и тут совсем близко прогремел второй выстрел. Палили справа, сверху. Надо отойти на двести ярдов, вернуться в каньон и спрятаться под каменной колонной. Другого укрытия нет. Уэзерс бросился бежать изо всех сил.

Третий выстрел взметнул песок прямо перед Стемом. Он бежал, понимая, что шанс еще есть. Нападавший устроил засаду на краю каньона, наверху, и возвращение к тропе, а затем спуск займут у него несколько часов. Если Уэзерс доберется до каменной колонны, то, вероятно, ему удастся спастись бегством. Возможность выжить есть. Он петлял, его легкие пронзала боль. Пятьдесят ярдов, сорок, тридцать...

Звук выстрела дошел до Стема только после того, как пуля угодила ему в поясницу, и он увидел собственные внутренности, вываливающиеся на песок. Уэзерс, пробежав по инерции еще немного, рухнул лицом вниз. Он пытался подняться, всхлипывая и царапая песок, в ярости от того, что кто-то может завладеть его находкой. Стем корчился, громко стонал и стискивал у себя в кармане записную книжку, желая выбросить ее, потерять, уничтожить, спрятать от убийцы, но было негде. А потом, словно во сне, Уэзерс уже не мог больше думать, не мог шевелиться...

2

Том Бродбент осадил коня. Звук четырех выстрелов докатился до русла Хоакина от глубоких каньонов, расположенных к востоку от реки. Тому захотелось узнать, в чем дело. Сезон охоты еще не наступил, и ни одному человеку в здравом уме не придет в голову отправиться в каньоны пострелять.

Том посмотрел на часы. Восемь. Солнце только опустилось за горизонт. Эхо, по-видимому, донеслось от пальцевидных скал у входа в Лабиринт. Верхом туда ехать минут пятнадцать, не больше. Можно пуститься и в объезд, время есть. Скоро взойдет полная луна, а жена, Салли, все равно ждет Тома не раньше полуночи.

Он развернул своего коня Тука и поехал вверх по руслу, к устью каньона, по следам человека и осла. За поворотом Бродбент увидел перед собой темный силуэт – мужчину, распростертый на песке лицом вниз.

Том подъехал ближе, соскочил с коня и опустился на колени. Сердце его колотилось. Пули поразили беднягу в спину и плечо, и кровь из ран все еще сочилась на песок. Бродбент нащупал сонную артерию – пульсации не чувствовалось. Он перевернул человека, остатки внутренностей которого тут же оказались на земле.

Том поспешно смахнул песок с губ пострадавшего и стал делать ему искусственное дыхание. Склонившись над раненым, попробовал непрямой массаж сердца, с силой надавливая на грудную клетку и чуть ли не ломая ребра, раз, другой, затем – опять искусственное дыхание. Воздух толчками выходил из раны. Еще несколько вдохов, и Том снова пощупал пульс раненого.

Невероятно – сердце начало биться.

Вдруг веки незнакомца дрогнули, и с запыленного загорелого лица на Бродбента взглянули ярко-синие глаза. Раненый еле слышно вздохнул, из его горла вырвался хрип, а губы приоткрылись.

– Нет... Ты, ублюдок... – Глаза несчастного чуть не выкатились из орбит, на губах выступила кровь.

– Подождите, – сказал Том, – это не я стрелял в вас.

Раненый пристально всмотрелся в Бродбента, и ужас его сменился чем-то иным. Надеждой. Человек посмотрел на свою руку, как бы куда-то указывая.

Том проследил за взглядом и увидел, что раненый сжимает маленький блокнот в кожаном переплете.

– Возьми... – прохрипел несчастный.

– Не разговаривайте, не надо.

– Возьми его...

Том взял блокнот. Обложка была липкой от крови.

– Это для Робби... – выдохнул раненый, и его рот от неимоверного усилия исказился судорогой. – Для дочки моей... Обещай, что отдашь... Она узнает, как найти...

– Что найти?

– Клад...

– Не надо сейчас об этом. Мы скоро выберемся отсюда. Просто потерпите...

Дрожащей рукой человек с силой ухватил Тома за рубашку.

– Это для нее... для Робби... больше ни для кого... Бога ради, только не в полицию... Ты должен мне обещать... – Он отчаянно рванул рубашку Тома, это было последнее судорожное усилие умирающего.

– Я обещаю.

– Скажи Робби... что я... люблю...

Взгляд раненого блуждал. Рука ослабела и соскользнула вниз. А еще – Том сразу почувствовал – человек перестал дышать.

Снова искусственное дыхание. Безрезультатно. Через десять минут бесплодных попыток Том снял с шеи незнакомца платок и закрыл ему лицо.

И тут Бродбента осенило: убийца наверняка где-то поблизости. Том осмотрел верхний край каньона и груды щебня вокруг. Стояла глубокая тишина, будто насторожились сами скалы. Где же убийца? Кругом никаких следов, кроме тех, что оставили кладоискатель и его ишак. Животное, все еще навьюченное, стояло ярдах в ста от места гибели хозяина. Преступник наверху, он вооружен. Может, и Том сейчас в поле зрения негодяя, а у него из оружия только нож.

Надо выбирать. Том поднялся, оседлал коня и пришпорил его. Тук галопом понесся вниз по каньону, миновал вход в Лабиринт. Только когда они доскакали до середины русла Хоакина, Том пустил коня рысью. На востоке, озаряя песчаное дно ущелья, поднималась огромная масляно-желтая луна.

Если гнать Тука во весь опор, можно добраться до Абикию за два часа.

3

Джимсон Мэддокс по прозвищу Доходяга шагал по дну каньона, насвистывая мотивчик из «Лихорадки субботней ночи», и чувствовал себя на седьмом небе. Винтовка 22-го калибра разобрана, все детали вычищены и аккуратно спрятаны в расщелине, укрытой камнями.

Пустынный каньон свернул раз, потом другой. Уэзерс пытался дважды воспользоваться одной уловкой, хотел, чтобы Мэддокс потерял его в Лабиринте. Паршивый старикан мог одурачить Джимсона Э. Мэддокса один раз. Но второй – нет уж!

Он быстро спускался по руслу, размашисто шагая. Несмотря на карту и навигационную систему, Мэддокс проплутал тут добрых пять дней, блуждая и в Лабиринте, и над ним. Однако не зря: он изучил Лабиринт и приличный кусок гористой местности наверху. У Мэддокса было полно времени, чтобы устроить засаду на Уэзерса, и все вышло просто отменно.

Мэддокс вдохнул легкий ароматный воздух каньона. Чем-то напоминает воздух Ирака – там Джимсон служил артиллерийским сержантом во время операции «Буря в пустыне». Если где и есть место, ни капли не похожее на тюрьму, то вот оно, здесь: никто тебя не толкает, не мельтешит перед глазами, не действуют на нервы никакие гомики, латиносы и

ниггеры. Сухо, тихо и пусто.

Мэддокс обошел песчаниковую колонну у входа в Лабиринт. Темнеющий в сумерках силуэт на земле – вот он, застреленный.

Джимсон остановился. Свежие следы копыт на песке шли по направлению к телу и потом обратно.

Мэддокс кинулся к труп.

Убитый лежал на спине, руки вытянуты, лицо аккуратно накрыто платком. Кто-то здесь побывал. Может, даже свидетель. Он верхом и наверняка намылитесь напрямик к легавым.

Мэддокс заставил себя успокоиться. Верхом? Ну и ладно, все равно до Абикию скакать пару часов, да еще сколько времени пройдет, пока тот тип вызовет полицию и вернется. Если копы и отрядят вертолет, то лететь от Санта-Фе все восемьдесят миль к югу. Есть как минимум три часа, чтобы забрать блокнот, спрятать тело и смотреть ко всем чертям.

Он обшарил труп, вывернул карманы, обыскал рюкзак убитого. В одном из карманов нащупал камень, вытащил его и внимательно рассмотрел, посветив фонариком. Явно какой-то образец, Корвус все о них долдонил.

Остается блокнот. Не обращая внимания на кровь и вывалившиеся внутренности, Мэддокс снова обыскал тело, перевернул, обыскал с другой стороны, сердито пнул. Огляделся. Ярдах в ста – навьюченный осел, спит стоя.

Мэддокс ослабил подпругу, стянул с животного седло. Щелчком согнал богомола, отцепил брезентовые вьюки и вытряхнул их содержимое прямо на песок. По земле рассыпалось много всего: какая-то хиленькая на вид электронная штукovina, молотки, зубила, геологические карты, ручная навигационная система, кофейник, сковородка, пустые пакетики от продуктов, пара мотков веревки, грязное белье, старые аккумуляторы и свернутый кусок пергамента.

Его-то Мэддокс и схватил. Это оказалась грубо нарисованная карта с топорно намалеванными горными вершинами, реками, скалами, пунктирными линиями и старинными испанскими буквами, а посередине стоял, нанесенный чернилами, опять же испанским шрифтом, жирный «икс».

Карта сокровищ, дело ясное.

Странно, что Корвус о ней молчал.

Мэддокс свернул ветхий пергамент и затолкал его в карман рубашки, затем возобновил поиски блокнота. Ползая на четвереньках и шаря по земле, перетряхивая рассыпанное снаряжение, Мэддокс находил все, что только может понадобиться разведчику-старателю, кроме той записной книжки.

Он еще раз осмотрел электронную штукovину. Вещица самодельная, дерьмовая – помятый металлический ящик с какими-то переключателями, круглыми шкалами и маленьким светодиодным экраном. Корвус ни о чем подобном не упоминал... впрочем, фиговина, похоже, важная, тоже надо прихватить.

И снова Мэддокс перетряхнул скарб убитого. Он открывал брезентовые мешки, высыпал муку и сушеные бобы, ощупью искал во вьюках потайные отделения. Отодрал от седла обивку из овечьей шерсти. Потом вернулся к труп, в третий раз ощупал намокшую от крови одежду, нашаривая прямоугольный бугорок. И нашел только замусоленный огрызок карандаша в правом кармане.

Мэддокс сел, в голове у него стучало. Неужели тот, кто приехал верхом, забрал книжку? Он объявился здесь просто по совпадению, или дело в другом? Мэддокса поразила ужасная мысль: тот тип на коне – соперник. Он занят тем же, что и Мэддокс: отслеживает Уэзерса в надежде наложить лапу на его открытие. Может, чужак и прикарманил блокнот?

Ладно, Мэддокс все-таки нашел карту. И кажется, она чуть ли не поважнее записной книжки будет.

Он посмотрел по сторонам, на мертвое тело, на кровь, на ишака, на кучу разбросанных вещей. Скоро объявятся копы. Огромным усилием воли Мэддокс овладел дыханием и унял колотящееся сердце с помощью медитативных техник, освоенных в тюрьме. Он выдыхал и

вдыхал, сводя частые удары в груди к мягкой пульсации. Постепенно спокойствие вернулось. У него уйма времени. Он достал из кармана образец породы, повертел при свете луны, потом вытащил карту. Вот это, да еще самодельный аппарат – все вместе более чем устроит Корвуса.

А пока нужно закопать труп.

4

Лейтенант Джимми Уиллер, детектив, расположился на заднем сиденье полицейского вертолета. Уиллер чертовски устал, и гудение винтов отдавалось у него во всем теле. Он посмотрел на призрачный ночной пейзаж, проплывавший внизу. Маршрут пролегал по направлению течения реки Чама, и каждая ее излучина тускло мерцала, как клинок ятагана. Вертолет миновал маленькие населенные пункты на побережье – гроздь огней, только и всего: Пуэбло Сан-Хуан, Меданалес, Абикию. Тут и там одинокий автомобиль проползал по 84-му шоссе, отбрасывая в крошечную тьму крошечный желтый лучик. К северу от резервации, что неподалеку от Абикию, огни исчезали, дальше простирались каньоны и высились горы – это были дикие земли в районе Чама, а еще дальше огромную территорию занимали Высокие Плоскогорья. Там никто не жил по обе стороны границы с Колорадо.

Уиллер покачал головой. И угораздило же кого-то найти свою смерть в таком месте...

Он тронул пальцем пачку «Мальборо» у себя в нагрудном кармане. Уиллер был раздражен тем, что его разбудили посреди ночи, и тем, что пришлось поднять в воздух вертолет, единственный на весь полицейский участок Санта-Фе. Злило и отсутствие помощника – тот, отключив мобильный, просаживал свой жалкий заработок за игорным столом какого-нибудь местного казино. Помимо прочего, вертолет «съедал» 600 долларов в час, и било это непосредственно по карману Уиллера. А ведь летать придется еще не раз. Хочешь не хочешь, надо доставить на место преступления судебно-медицинского эксперта и следственную группу. Только тогда можно будет увезти тело и начать собирать улики. А там и огласка... Если повезет, это просто очередное убийство из-за наркотиков, заслуживающее лишь краткого упоминания в сводке новостей «Нью-Мексикан».

Да, лишь бы это оказалось убийство из-за наркотиков.

– Вон там, в русле Хоакина. Летите на восток, – сказал пилоту Бродбент.

Уиллер взглянул на человека, испоганившего ему вечер. Высокий, поджарый, в изношенных ковбойских сапогах, один замотан обрывком провода.

Вертолет сделал вираж, оставив реку позади.

– Вы можете чуть-чуть снизиться?

Вертолет спустился, одновременно сбавив скорость, и Уиллеру стали видны края каньона, залитые лунным светом. Сам каньон казался бездонной трещиной в земле. Черт, ну и жуткое местечко.

– Лабиринт как раз под нами, – объяснил Бродбент. – Тело лежало в том самом месте, где Лабиринт соединяется с каньоном Хоакина.

Вертолет полетел еще медленнее, сделал круг. Луна стояла почти прямо над головой, освещая практически все дно каньона. Уиллер видел только серебристый песок, больше ничего.

– Спускайтесь вот на ту открытую площадку.

– Спустимся, ясное дело.

Вертолет на мгновение завис в воздухе и пошел на посадку, взметнув целый вихрь пыли из сухого русла, прежде чем коснуться земли. Через минуту он замер, пылевые облака рассеялись, и пульсирующий шум винтов затих.

– Я останусь в машине, – сказал пилот. – А вы идите, делайте, что там надо.

– Спасибо, Фредди.

Бродбент выбрался наружу, за ним последовал Уиллер. Детектив, пригнув голову и прикрыв глаза рукой от пыли, отошел на такое расстояние, куда не доходил воздушный

поток от двигателя вертолета. Уиллер остановился, достал из кармана сигареты, закурил.

Бродбент зашагал впереди. Уиллер включил фонарь «маглайт» и посветил кругом.

– Обходите все следы! – крикнул он Бродбенту. – Не хочу, чтобы ребята из следственной группы меня потом запылили.

Уиллер направил луч фонаря на вход в каньон. Там ничего не было, лишь ровный слой песка лежал между двумя песчаниковыми склонами.

– А впереди что?

– Лабиринт, – ответил Бродбент.

– Как он идет?

– Множество каньонов поднимаются к столовой горе Меса-де-Лос-Вьехос. Детектив, там потеряться – пара пустяков.

– Ясно. – Он скользнул лучом фонарика туда-сюда по песку. – Не вижу никаких следов.

– Я тоже. Но они где-то здесь.

– Ведите.

Уиллер медленно двинулся вслед за Бродбентом. Свет фонаря едва ли требовался при такой яркой луне, он, скорее, мешал. Детектив выключил его.

– Все равно никаких следов не видно. – Уиллер посмотрел вперед. Весь каньон от одного склона до другого тонул в лунном сиянии и казался пустым: насколько хватало глаз – ни скалы, ни кустарника, ни следов, ни тела.

Бродбент остановился в неуверенности, огляделся.

Происходящее нравилось Уиллеру все меньше.

– Тело лежало именно здесь. И вон там должны быть хорошо видны следы моего коня...

Уиллер промолчал. Он нагнулся, затушил сигарету о песок, положил окурочек в карман.

– Тело было именно здесь, я уверен.

Уиллер включил «маглайт», посветил вокруг. Ничего. Детектив убрал фонарь, снова закурил.

– Вон там стоял осел, – продолжал Бродбент, – примерно в ста ярдах отсюда.

Не было ни отпечатков копыт, ни тела, ни осла, только освещенный луной пустой каньон.

– Вы уверены, что это то самое место? – спросил Уиллер.

– Совершенно уверен.

Уиллер заложил большие пальцы за ремень и стал наблюдать, как Бродбент ходит и внимательно разглядывает землю. Бродбент – высокий, подвижный, с рыжеватыми растрепанными волосами, одет в джинсы и хлопчатобумажную рубашку. В городе говорили, он сказочно богат, однако при ближайшем рассмотрении... Какое уж тут богатство: сапоги разваливаются на глазах, да еще рубашка явно из Армии Спасения!

Уиллер сплюнул. Там, наверное, тысяча этих каньонов, а сейчас ночь, и Бродбент ошибся.

– Может, каньон не тот?

– Нет.

Черт возьми, Уиллер видел собственными глазами: каньон пуст от края до края. Луна светила не хуже полуденного солнца.

– Ну, теперь ясно – не здесь. Ни следов нет, ни тела, ни крови, – ничего.

– Детектив, здесь лежало тело.

– Пора заканчивать, мистер Бродбент.

– Вы хотите все бросить?

Уиллер сделал медленный глубокий вдох.

– Я просто говорю, что нам лучше вернуться сюда утром, когда каньон примет более привычные очертания.

Нет, этому типу не вывести его из себя.

– Идите сюда, – позвал Бродбент, – тут песок как будто разровняли.

Уиллер посмотрел на Бродбента. Да кто он такой, чтобы указывать детективу?

– Я не вижу никаких улик. Наш полицейский участок платит шестьсот долларов в час за эксплуатацию вертолета. Завтра мы вернемся с картами, с навигационной системой и найдем нужный каньон.

– Вы, кажется, меня не расслышали, детектив. Я никуда не пойду, пока все не разъяснится.

– Как хотите. Дорогу к выходу вы знаете. – Уиллер развернулся, пошел к вертолету, влез внутрь.

– Улетаем.

Пилот снял наушники.

– А он?

– Он сумеет выбраться.

– Он вам машет.

Уиллер тихо выругался, увидел темную фигуру в ста ярдах от вертолета. Фигура размахивала руками, жестикулировала.

– Как будто нашел что, – сказал пилот.

– Боже всемогущий. – Уиллер вылез из вертолета, подошел к Бродбенту.

Тот разгреб сухой песок, добравшись до нижнего слоя – черного, мокрого, липкого.

Уиллер проглотил слюну, достал фонарь, щелкнул выключателем.

– Ох, Господи, – проговорил детектив, отступая. – Ох, Господи.

5

Доходяга Мэддокс купил синюю шелковую рубашку, шелковые трусы, а в магазине «У Селигмана» на Тридцать четвертой улице – серые брюки, белую майку, шелковые носки и итальянские ботинки. Во все это он облачился в примерочной. Расплатился при помощи карточки «Американ экспресс», своей первой законной карты, на которой значилось «Джимсон Э. Мэддокс», и вышел на улицу. Обновки помогли ему избавиться от беспокойства перед скорой встречей с Корвусом. Любопытно: в новеньких шмотках становишься прямо другим человеком. Мэддокс поиграл мышцами спины, чувствуя, как ткань шелестит и натягивается. Да, так лучше, гораздо лучше.

Он поймал такси, назвал адрес, и машина помчалась по направлению к «крутым» кварталам города.

Через десять минут Мэддокса уже проводили в обшитый панелями кабинет доктора Айэна Корвуса. Там было шикарно. В углу красовался камин, отделанный розовым мрамором, и сразу несколько окон выходило на Центральный парк. Сам британец стоял у стола, беспокойно роясь в каких-то бумагах.

Мэддокс, стиснув руки перед собой, остановился в дверях, ожидая, пока его заметят. Корвус страшно нервничал: тонкие-претонкие губы поджаты, подбородок выставлен вперед и торчит, точно нос корабля. Черные волосы зачесаны назад – наверняка по последней лондонской моде, думал Мэддокс. На Корвусе был отличный темно-серый костюм и новехонькая рубашка от «Тернбулл энд Эссер»², в которой кончики воротника пристегиваются пуговицами. Ко всему этому полагался алый шелковый галстук.

Вот уж кому медитация сейчас не помешает, решил Мэддокс.

Корвус оставил свои бумаги и глянул поверх очков.

– А-а, уж не Джимсон ли Мэддокс вернулся с поля боя! – Британский акцент прозвучал заметнее, чем обычно.

Корвус был примерно одного возраста с Мэддоксом – тоже чуть старше тридцати, но мужчины настолько отличались друг от друга, что казались обитателями разных планет.

² «Тернбулл энд Эссер» – британская фирма-изготовитель мужских сорочек. – Здесь и далее примеч. пер.

Странно – вместе их свела какая-то татуировка.

Корвус протянул руку, Мэддокс взял ее и ощутил уверенное пожатие, ни слишком длительное, ни чересчур короткое, не слабое, но и не напористое. Мэддокс подавил нахлынувшие чувства.

Это человек, вытащивший его из тюрьмы.

Корвус взял Мэддокса под руку и провел к креслам, занимавшим дальний угол кабинета, прямо перед бесполезным сейчас камином. Британец отошел к входу, что-то сказал секретарю, потом запер дверь и сел напротив Мэддокса, беспокойно меняя положение ног, пока наконец не устроился более менее удобно. Корвус наклонился вперед; лицо его буквально рассекло воздух, глаза горели.

– Сигару?

– Это я раньше курил, а теперь бросил.

– Молодчина. Не возражаешь, если я?..

– Черт, конечно, нет.

Корвус вынул сигару из специальной коробочки с увлажнителем, отрезал кончик. Прикурил, подождал, пока сигара хорошенько разгорится, затем опустил ее и сквозь клубы дыма посмотрел на Мэддокса.

– Рад тебя видеть, Джим.

Мэддоксу нравилась манера Корвуса: тот всегда относился к Джимсону с безраздельным вниманием и разговаривал с ним на равных, как и подобает птице высокого полета. Корвус горы свернул, чтобы выволить его, Мэддокса, из тюрьмы, и, сделав один-единственный телефонный звонок, мог бы упечь обратно. Вот два факта, которые вызывали у Мэддокса сильные и противоречивые чувства, в которых он и сам пока не разобрался.

– Итак, – проговорил Корвус, откидываясь назад и выпуская струйку дыма.

Что-то в манере Корвуса всегда беспокоило Мэддокса. Он вытащил из кармана карту и протянул собеседнику.

– Вот, нашел среди барахла, которое тот тип тащил с собой.

Корвус, нахмурившись, развернул карту. Мэддокс ожидал радостных возгласов. Их не последовало. Лицо Корвуса побагровело. Он резко швырнул карту на стол. Мэддокс наклонился, хотел взять ее.

– Оставь, – бросил Корвус. – Кому она нужна? Где блокнот?

Мэддокс начал издали:

– Вот как вышло... Я шел за Уэзерсом к Высоким Плоскогорьям, и он меня просто доконал. Я две недели прождал, пока он покажется. Ну, появился в итоге. Я устроил засаду, пристрелил его.

Воцарилась напряженная тишина.

– Ты его убил?

– Да. А по-вашему, лучше бы он побежал к легавым и растрезвонил всем и каждому, что вы урвали его кусок или как это там говорится? Уж поверьте мне, Уэзерса нельзя было не грохнуть.

Продолжительная пауза.

– А блокнот?

– В том-то и дело, что не нашел я блокнота. Только карту. И еще вот это. – Мэддокс достал из сумки металлический ящик с переключателями и светодиодным экраном, выложил на стол.

На ящик Корвус даже не взглянул.

– Ты не нашел записную книжку?

Мэддокс сглотнул.

– Нет.

– При нем должна была быть записная книжка.

– Не было ее там. Я застрелил его сверху, с края каньона, потом тащился пять миль до

самого дна. Два часа почти. Когда добрался до места, оказалось, там уже кто-то побывал – видно, другой кладоискатель хотел нагреть руки. Он приехал верхом, его следы были повсюду. Я обшарил труп, обыскал ишака, все вверх дном перевернул – нету никакой книжки. Я ценные вещи прихватил, следы уничтожил и тело закопал.

Корвус смотрел в сторону.

– Закопал, значит, Уэзерса и пошел сперва по следам того неизвестного типа, да сбился с пути. Правда, его фамилия появилась на следующий день в газетах. Он живет на ранчо к северу от Абикию, вроде бы ветеринар, лечит лошадей. Бродбентом звать. – Мэддокс замолчал.

– Записную книжку взял Бродбент, – монотонно проговорил Корвус.

– Вот и я так думаю, потому и разузнал о нем кое-что. Он женат, часто ездит верхом по тамошней глуши. Все его знают. Говорят, Бродбент богатый, хотя с виду нипочем не догадаться.

Корвус неотрывно смотрел на Мэддокса.

– Достану я вам этот блокнот, доктор Корвус. А что с картой? Я хочу сказать...

– Карта – фальшивка.

Опять мучительная пауза.

– А металлический ящик? – спросил Мэддокс, показав на штурковину, вытряхнутую из выюка. – Сдается мне, там компьютер внутри. Может, на винте...

– Это основной блок самодельного радара, излучение которого проникает в земную толщу. Винчестера здесь нет, нужные сведения – в блокноте. Вот почему мне нужен именно блокнот, а не дурацкая карта.

Мэддокс отвел глаза, чтобы не встретить пристальный взгляд Корвуса, сунул руку в карман и, вытащив обломок породы, положил его на стеклянный стол.

– Вот еще что было у него в кармане.

Корвус уставился на камешек. Выражение лица доктора менялось на глазах. Он осторожно протянул руку и аккуратно взял кусочек породы. Достал из ящика стола лупу и внимательнее рассмотрел образец. Медленно прошла минута, потом другая. Наконец Корвус поднял глаза. Мэддокс с удивлением заметил, как сильно изменилось его лицо. Напряженность ушла, глаза больше не сверкали. Почти человеческий вид.

– Это... очень ценная вещь. – Корвус поднялся, прошагал к своему рабочему столу, достал из выдвижного ящика пластиковый пакет с замочком и поместил камень внутрь так осторожно, будто тот был драгоценным.

– Образец породы? – спросил Мэддокс.

Корвус наклонился, отпер какой-то шкафчик и вынул перевязанную резинкой пачку сто долларовых купюр толщиной в целый дюйм.

– Не надо, доктор Корвус. У меня деньги еще остались...

Тонкие губы доктора дрогнули.

– На непредвиденные расходы. – Он протянул Мэддоксу пачку. – Что делать, тебе известно.

Мэддокс засунул деньги в карман куртки.

– До свидания, мистер Мэддокс.

Джимсон повернулся и неловко зашагал к двери, которую Корвус уже отпер и придерживал открытой. Выходя, Мэддокс ощутил жаркое покалывание где-то в затылке. Секунда – и Корвус остановил его, крепко сдавив плечо, пожатие было несколько более сильным, нежели просто дружеское. Мэддокс почувствовал, как доктор наклонился и зашептал прямо в ухо, преувеличенно отчетливо выговаривая каждый слог:

– *Блок-нот.*

Он отпустил плечо Мэддокса, дверь мягко затворилась. Джимсон прошел через пустой кабинет секретаря в просторный гулкий коридор.

«Бродбент... Ну, держись, сукин сын!»

Том сидел за кухонным столом. Он откинулся назад и вытянул ноги, дожидаясь, пока сварится кофе в жестяном кофейнике на плите. На улице июньский ветерок шелестел листьями тополей, срывая пух, снежными хлопьями круживший в воздухе. В загонах на другом конце двора стояли лошади, они жевали тимофеевку, которую утром им насыпала Салли.

Вот и она, все еще в ночной сорочке. Освещенная восходящим солнцем, Салли прошла мимо раздвижных стеклянных дверей. Они с Томом были женаты меньше года, отношения их еще не утратили новизны. Том наблюдал, как она сняла с плиты кофейник, заглянула туда, состроила гримаску и водворила его на прежнее место.

– Не пойму, как это ты так варишь кофе.

Том с улыбкой смотрел на нее.

– Сегодня утром ты прелестна.

Салли мельком взглянула на мужа, смахнула с лица золотистые волосы.

– Хочу оставить лечебницу на Шейна, – сказал Том. – Всего-то и дел – одна лошадка с несварением желудка в Эспаколе.

Он оперся ногами о табурет и следил, как Салли тщательно готовит кофе для себя: кипятит молоко до образования пены, добавляет ложечку меда, затем присыпает сверху измельченным темным шоколадом из специальной баночки с отверстиями в крышке, вроде солонки.

– Шейн поймет. Я почти всю ночь пробыл на ногах из-за того... происшествия в Лабиринте.

– У полиции никаких версий?

– Ни одной. Нет ни тела, ни мотива преступления. И без вести никто нигде не пропадал. Есть только пять ведер песка, пропитанного кровью.

Салли поморщилась.

– Так чем же ты сегодня будешь заниматься? – спросила она.

Том придвинулся к ней, чуть приподняв табурет и затем с пристуком опустив его. Полез в карман, достал истрепанную записную книжку и положил ее на стол.

– Собираюсь отыскать Робби, где бы она ни находилась, и отдать ей вот этот блокнот.

Салли нахмурилась.

– Том, я все-таки думаю, надо было сдать его в полицию.

– Я дал слово.

– Скрывать улики от полиции безответственно.

– Он заставил меня пообещать, что я не стану отдавать блокнот полицейским.

– Вероятно, он учинил что-то противозаконное.

– Может быть, но я дал обещание умирающему. А кроме того, я просто не могу себя заставить передать записную книжку тому детективу, Уиллеру. Он явно звезд с неба не хватает.

– На тебя надавили, вот ты и дал слово. Такие обещания не в счет.

– Если б ты видела, какое отчаяние было на лице того человека, ты бы меня поняла.

Салли вздохнула.

– И как же ты намерен искать таинственную дочку?

– Думаю начать с магазина на бензоколонке «Сансет-март», узнаю, не останавливался ли он там, чтобы заправиться или купить чего по мелочи. Обследую несколько трасс, идущих по горам через лес, поищу его машину.

– И поедешь на своем любимом древнем грузовике.

– Именно.

Непрощеное воспоминание об убитом снова заняло мысли Тома. Эта картина никогда не изгладится из его памяти. Она напомнила Тому о смерти отца, который отчаянно пытался ухватиться за жизнь в последние мучительные и жуткие минуты, когда не осталось уже

никакой надежды.

– Еще можно сходить к Бену Пику, – продолжал Том. – Бен много лет исследовал те каньоны. Вдруг ему что-то известно об этом человеке – кто он, какое сокровище искал...

– Я тут подумала... В блокноте нет, случайно, ничего такого?..

– Там одни цифры. Ни имени, ни адреса, шестьдесят страниц сплошных цифр и в конце два восклицательных знака.

– Ты считаешь, он и вправду нашел сокровища?

– По глазам было видно.

Отчаянная мольба умирающего до сих пор звучала у Тома в ушах. Происшествие глубоко потрясло его, наверное, потому, что впечатление от смерти отца было еще столь свежо. Отец Тома, великий и ужасный Максвелл Бродбент, тоже был своего рода разведчиком-старателем. Он и древние захоронения, случалось, грабил, и коллекционированием увлекался, и артефактами приторговывал. Хотя Максвелл был далеко не образцовым родителем, после кончины Бродбента-старшего в душе Тома образовалась огромная пустота. Тот умирающий старатель, бородатый, с пронизывающим взглядом синих глаз, чем-то напоминал Тому отца. Вряд ли человек в здравом уме стал бы проводить подобные параллели, но Том, неизвестно почему, чувствовал: слово, данное незнакомцу, нельзя нарушить.

– Том?

Бродбент заморгал.

– Ты какой-то потерянный...

– Извини.

Салли допила кофе, сполоснула чашку.

– Ты знаешь, что прошел ровно год с тех пор, как мы сюда переехали?

– Я и забыл.

– Тебе тут пока еще нравится?

– Этот домик – предел моих мечтаний.

Вдвоем в дикой местности близ Абику, у подножия горы Педернал, Том и Салли обрели жизнь, к которой стремились: небольшое ранчо с лошадьми, садом и манежем, где могли ездить верхом дети. Том работал ветеринаром. Вот она, сельская жизнь без городской суеты, пыли, грязи и долгой тряски в транспорте. Практиковал Том успешно. К нему стали обращаться даже ворчливые пожилые фермеры. Трудился он в основном на воздухе, в лошадях души не чаял, да и люди кругом были приятные.

Разве что место здесь глуховатое – этого Том не мог не признать.

Он снова вспомнил об искателе сокровищ. Улаживать дело того человека с блокнотом куда интереснее, чем силой вливать галлон касторки в заскорузлую глотку какой-нибудь клячи на эспакольском ранчо-пансионате Гилдеруса, человека, известного отвратительным характером и отвратительными лошадьми.

Одно из преимуществ начальника – возможность перепоручить неприятную работу подчиненному. Том нечасто грешил этим, а потому не чувствовал себя виноватым. Может, только самую чуточку...

Он опять просмотрел записную книжку. Ясно, что в ней содержится некий код: каждая страница с маниакальной аккуратностью исписана рядами и столбцами цифр. Нигде ничего не подтерто, ни одного исправления и ни единой пометки, словно цифры одну за другой откуда-то переписали.

Салли встала и обняла Тома. Волосы жены упали ему на лицо, и он ощутил их благоухание, в котором свежий запах шампуня смешивался с ее собственным теплым бисквитным ароматом.

– Пообещай мне кое-что, – попросила Салли.

– Что же?

– Что будешь осторожен. Какое бы сокровище ни нашел тот человек, оно уже толкнуло кого-то на убийство.

Мелоди Крукшенк, техник-специалист первой категории, откинулась на спинку кресла и открыла банку колы. Сделала глоток, задумчиво оглядела лабораторию, расположенную в подвальном помещении. Когда Мелоди училась в аспирантуре Колумбийского университета по специальности «геофизическая химия», карьера рисовалась ей в совершенно ином свете: молодая женщина представляла, как будет пробираться сквозь тропические леса Кинтана-Роо, составляя карту кратера Чиксулуб, или как разобьет палатку на знаменитых Горячих Скалах в пустыне Гоби, чтобы раскапывать гнезда динозавров, а то и на безупречном французском выступит с докладом перед восхищенной аудиторией в Парижском музее естественной истории. И вот ничего этого нет. Она здесь, в подвальной лаборатории без окон, производит рутинные исследования для нерадивых ученых, которые и имени-то ее запомнить не могут – у половины из них коэффициент интеллекта вдвое меньше, чем у Мелоди. Она стала работать в лаборатории, еще будучи аспиранткой, убеждая себя, что это временно, до защиты диссертации и получения хорошей штатной должности. Однако Мелоди была обладательницей ученой степени уже пять лет, в течение которых разослала сотни, тысячи экземпляров своего резюме, а в ответ не получила ни одного предложения. На этом жестоком рынке около шестидесяти молодых ученых ежегодно пытались занять одно из шести вакантных мест – такая вот игра в музыкальные стульчики: музыка замолкает, а сесть почти никто не успел. Дела шли из рук вон плохо, и Мелоди ловила себя на том, что в свежем номере «Минералоджи куотерли» первым делом открывает страничку с некрологами и, трепеща, с надеждой читает, как некий профессор, сотрудник университета – обладатель заветной штатной должности, – разумеется, любимец студентов, лауреат премий и наград, истинный первопроходец в своей области, трагически и безвременно ушел из жизни. Самое то.

С другой стороны, Мелоди была неисправимой оптимисткой и в глубине души чувствовала: ее обязательно ждет нечто грандиозное. Потому она продолжала сотнями рассылать резюме и подавать заявления о приеме на все мало-мальски подходящие места.

В настоящий момент жизнь казалась ей сносной: идет дежурство, в лаборатории тихо, и надо лишь прикрыть глаза, чтобы вступить в будущее, словно в огромную и прекрасную страну, где она переживет приключения и совершит замечательные открытия, заслужит похвалы и получит постоянную штатную должность.

Мелоди открыла глаза и спустилась с небес на землю, в лабораторию со слабо гудящими лампами дневного света, постоянным шипением системы принудительного охлаждения, шлакоблочными стенами, целыми полками справочников и стеклянными шкафами, в которых помещаются образцы. Даже оборудование стоимостью миллион долларов, однажды потрясшее Мелоди, давным-давно опостылело ей. Она с раздражением обвела взглядом огромный сверхчувствительный электронно-зондовый рентгеновский микроанализатор JEOL JXA-733, установку для рентгенографического анализа «Эпсилон-5» с трехмерной поляризующей оптикой, 600-ваттную рентгеновскую трубку с анодом для измерения гравиметрической плотности, 100-кило-вольтный генератор, просвечивающий электронный микроскоп «Уотсон-55», «Макинтош G5», двоянные центральные процессоры которого имеют тактовую частоту в 2,5 гигагерца и оборудованы водяным охлаждением, два микроскопа для петрографических исследований, поляризационный микроскоп «Мейджи», установки для цифровой съемки, полный комплект оборудования для работы с образцами, включающий алмазные распилочные ножи, ручные и автоматические шлифовальные и полировочные устройства, углеродные напылители...

И на кой все это, если ей вечно дают сплошную чепуху на анализ?

Низкий гул, означающий, что кто-то вошел в пустую лабораторию, вывел Мелоди из задумчивости. Наверняка очередной помощник смотрителя музея поручит исследовать какой-нибудь невзрачный камешек для научной работы, которую никто не станет читать.

Водрузив ноги на стол и не выпуская из рук колу, Мелоди ждала, когда незванный гость появится из-за угла.

Вскоре она услышала уверенные шаги – чьи-то ботинки ступали по линолеуму. Показался стройный элегантный мужчина. Его шикарный синий костюм зашелестел совсем рядом. Доктор Айэн Корвус.

Мелоди проворно сняла ноги со стола, отчего ножки стула громко стукнули, опускаясь на пол. Она покраснела, смахнула волосы с лица. Смотрители музея практически не бывали в лаборатории, предпочитая не унижаться до общения с техническим персоналом. Но вот – невероятное дело – сам Корвус. Он всегда выглядел впечатляюще в костюмах с Сэвил-роу³ и ботинках ручной работы от «Уильямс и Крофт». Да и вообще Корвус был не лишен привлекательности – демонической, как у Джереми Айронса.

– Мелоди Крукшенк?

Надо же, он и имя ее знает!.. Мелоди взглянула на худое улыбающееся лицо, прекрасные зубы и черные как смоль волосы. Костюм Корвуса слегка шуршал при каждом движении.

– Верно, – наконец ответила она, стараясь говорить непринужденно. – Я Мелоди Крукшенк.

– Как я рад, что нашел вас, Мелоди. Я вам не мешаю?

– Нет-нет, вовсе нет. Я тут просто сижу. – Она попыталась овладеть собой, вспыхивая от смущения и чувствуя себя идиоткой.

– Можно мне прервать ваши занятия и подкинуть вам образец для анализа? – Корвус помахал из стороны в сторону пластиковым пакетиком, который держал в руке, и вновь ослепительно улыбнулся.

– Разумеется.

– У меня для вас небольшое... м-м-м... заданье. Согласны взяться?

– Ну конечно.

Корвус прослыл невероятно равнодушным и даже высокомерным типом, но сейчас он вел себя чуть ли не игриво.

– Пусть все останется строго между нами.

Мелоди выдержала паузу и осторожно поинтересовалась:

– Что вы имеете в виду?

Корвус протянул ей пакетик, она взглянула на камень. К нему прилагалась бирка с надписью: «Нью-Мексико, образец №1».

– Я прошу вас проанализировать этот образец. Не нужно никаких предвзятых догадок относительно того, откуда он появился и что может собой представлять. Требуется полный минералогический, кристаллографический, химический и структурный анализ.

– Без проблем.

– Я хочу все оставить в тайне, вот в чем дело. Не делайте записей от руки и ничего не сохраняйте на жестком диске. Когда будете проводить анализ, записывайте информацию на компакт-диски и стирайте данные с винчестера. Диски постоянно держите в шкафчике для образцов, шкафчик запирайте. Никому не рассказывайте об этой работе и ни с кем не обсуждайте своих изысканий. Докладывать станете непосредственно мне. – Снова белозубая улыбка. – Согласны?

Интригующее задание и тот факт, что Корвус оказал доверие именно ей, взволновали Мелоди.

– Не знаю. Отчего такая секретность?

Корвус наклонился вперед. Она уловила легкий запах твида и сигар.

– А вот отчего это, дорогая моя Мелоди, вы узнаете после того, как завершите анализ. Говорю же вам, мне не нужны предвзятые домыслы.

³ Сэвил-роу – улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

Поручение очень заинтересовало, даже взволновало ее. Корвус был одним из тех мужчин, которые излучают силу и производят впечатление, будто им достаточно лишь протянуть руку, дабы получить желаемое. В то же время прочие посетители музея недолюбливали и побаивались его, и все это показное дружелюбие лишь укрепило Мелоди в мысли, что он достаточно мерзкий тип, пусть даже красивый и обаятельный.

Корвус мягко положил руку ей на плечо:

– Что скажете, Мелоди? Организуем маленький *заговор*?

– Хорошо. – Черт, а почему бы и нет? По крайней мере она знает, куда ввязывается. – Я должна завершить работу к какому-то определенному времени?

– Как можно скорее. Но без халтуры. Делайте все тщательно.

Она кивнула.

– Отлично. Я и высказать не могу, насколько это важно. – Брови Корвуса взметнулись вверх, он поднял подбородок. Снова расплылся в улыбке, заметив, что Мелоди вертит в руках образец. – Давайте, приглядитесь к нему.

Она всмотрелась внимательнее, ей становилось все любопытнее. Коричневый каменный обломок, тянет грамм на триста – четыреста. Мелоди сразу определила, что это такое, по крайней мере в общих чертах. Структура действительно необычная. Мелоди ощутила, как сердце ее забилось быстрее и пульс участился. «Нью-Мексико, образец №1». При анализе скучать не придется.

Она положила пакетик на стол и встретила взглядом с Корвусом. Доктор пристально смотрел на Мелоди, его светло-серые глаза казались почти бесцветными при лампах дневного освещения.

– Поразительно, – сказала Мелоди. – Если я не ошибаюсь, это...

– Тсс! – Он осторожно приложил палец к ее губам и подмигнул. – Это наша маленькая тайна.

Корвус убрал руку, поднялся, будто собираясь идти, потом обернулся, словно о чем-то вспомнил. Достал из кармана пиджака продолговатую бархатную коробочку. Протянул ее Мелоди.

– Небольшая благодарность.

Мелоди взяла коробочку. На крышке было написано «ТИФФАНИ».

«Ага, сейчас», – тут же подумала женщина. Она щелкнула замочком, и ее ослепил блеск драгоценных камней, напоминавших синие звездочки. Мелоди заморгала, словно ослепнув на мгновение. Звездчатые сапфиры. Браслет из звездчатых сапфиров, оправленных в платину. Она поднесла его к глазам и сразу же определила: камни настоящие, не искусственные. Все они отличались друг от друга, каждый чуть-чуть неправильной формы, каждый со своими, совершенно особыми оттенками и переливами. Мелоди повернула коробочку к лампам и увидела, как звездочки в каждом камне задвигались, как свет отразился от их потаенных глубин.

Мелоди проглотила комок, внезапно застрявший в горле. Никто не дарил ей ничего подобного, никогда. Никогда. Глазам стало горячо и щекотно, она сморгнула набежавшие слезы, придя в ужас от того, что может показаться чересчур ранимой.

– Миленький наборчик оксидов алюминия, – бросила Мелоди.

– Я надеялся, вам понравятся звездчатые сапфиры.

Она опять сглотнула, отвернувшись и продолжая смотреть на браслет, чтобы Корвус не увидел слез. Наверное, ей в жизни ничего так не нравилось, как это украшение. Шри-ланкийские звездчатые сапфиры, ее любимые, каждый по-своему уникален. Они рождены в земных глубинах, при огромной температуре и чудовищном давлении – вот вам минералогия в действии. Мелоди понимала, что ею манипулируют, беззастенчиво, в открытую, но одновременно думала: а почему нет? Почему она не должна принимать подарок? Разве не на этом стоит мир?

Мелоди почувствовала руку Корвуса у себя на плече, ощутила нежное пожатие. Точно удар током. Вот досада: слеза выкатилась из глаза, обжигая щеку. Мелоди часто заморгала,

будучи не в силах произнести ни слова. Она радовалась, что Корвус стоит сзади и ничего не видит. На другое ее плечо легла вторая рука, точно так же мягко сжала его. Затылком Мелоди осязала близкое тепло тела Корвуса. Эротический заряд молнией прошел сквозь нее, она вспыхнула и вся затрепетала.

– Мелоди, я страшно благодарен вам за помощь. Я знаю, какой вы замечательный специалист. Именно поэтому я не доверил образец никому другому. И именно поэтому я подарил вам браслет. Это не просто какая-нибудь взятка, хотя, конечно, в некотором роде и взятка. – Он хихикнул, ласково потрепав ее по плечу. – Браслет выражает мою веру в вас, Мелоди Крукшенк.

Она кивнула, все еще не поворачивая головы.

Руки Корвуса обнимали, массировали, ласкали плечи женщины.

– Спасибо, Мелоди.

– Ага, – прошептала она.

8

Когда после смерти отца Том унаследовал огромное состояние, то пошел навстречу собственным прихотям лишь в одном: купил себе грузовичок, пикап «Шевроле-3100» 1957 года с бирюзовым кузовом и белым верхом, с хромированной решеткой, защищающей радиатор, и трехскоростной коробкой передач. Когда-то грузовик принадлежал коллекционеру старинных автомобилей из Альбукерке. Истинный фанатик, он любовно восстановил двигатель и трансмиссию, изготовил отсутствующие запчасти и заново хромировал все, вплоть до переключателей на радио. В качестве финального штриха коллекционер отделал кабину мягкой-премягкой и самой что ни на есть молочно-белой лайкой. Не успев вкусить плоды своего труда, бедняга умер от сердечного приступа, и Том приобрел грузовик по газетному объявлению. Он выплатил вдове пять тысяч пятьсот до последнего цента и все равно чувствовал: автомобиль куплен по дешевке. Пикап был настоящим памятником на колесах.

Уже перевалило за полдень. Куда только Том не заезжал, у кого только в магазине «Сансет-март» не наводил справки; он побывал на всех известных ему лесных дорогах близ Высоких Плоскогорий – бесполезно. Бродбент лишь узнал, что просто повторяет путь полицейских из Санта-Фе, которые тоже пытались выяснить, не встречал ли кто убитого незадолго до его смерти.

Безрезультатно. Похоже, тот человек старательно заметал следы.

Том решил навестить Бена Пика, жившего в Серильосе, захолустном поселке. Серильос, бывший золотодобывающий городок, знал и лучшие дни. Он находился в заросшей тополями низине вдали от главной дороги на Санта-Фе и являл собой скопление старых деревянных и глинобитных построек, разбросанных вдоль пересохшего ручья Галистео. Прииски истощились несколько десятков лет назад, однако Серильос не стал городом-призраком, поскольку в шестидесятые годы его вернули к жизни хиппи: они скупили лачужки золотодобытчиков и устроили в них гончарные мастерские и мастерские макраме, а также открыли магазинчики кожгалантереи. Теперь население Серильоса представляло собой гремучую смесь испанских старожилов, когда-то работавших на приисках, стареющих хиппи и забавных чудаков.

Бен Пик был одним из последних, и обиталище его выглядело соответствующе. Старый, отделанный деревянными планками дом не красили лет двадцать пять. Земляной двор, обнесенный покосившимся частоколом, загромождало ржавое горняцкое снаряжение. В углу лежала груда зеленых и фиолетовых стеклянных изоляторов от телеграфных столбов. На табличке, прибитой к стене дома, значилось:

МАГАЗИН «ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА»

ПРОДАЕТСЯ ВСЕ,

не исключая хозяина.

Принимаются любые разумные предложения

Том вылез из пикапа. Бен Пик сорок лет был профессиональным разведчиком-старателем, пока мул не сломал ему бедро. Без особой охоты Бен обосновался в Серильосе, располагая кучей хлама да запасом завиральных историй. Несмотря на кажущуюся эксцентричность, Бен имел магистерскую степень по геологии, полученную в Колорадском горном институте. Он свое дело знал.

Том поднялся на ветхое крыльцо и постучал. Несколько секунд спустя в полутемном доме зажегся свет, в окошке возникло лицо, черты которого искажало старое рифленое стекло, потом открылась дверь и звякнул колокольчик.

– Том Бродбент! – Заглубившей лапищей Бен крепко пожал Тому руку. Ростом Пик был не больше пяти футов и пяти дюймов, однако энергичность и громовой голос с избытком компенсировали приземистость. Его лицо заросло пятидневной щетиной, в уголках живых черных глаз обозначились «гусиные лапки», а из-за непомерно наморщенного лба Пик казался вечно удивленным.

– Как поживаешь, Бен?

– Ужасно, просто ужасно. Проходи давай.

Он провел Тома по магазину. У стен стояли полки, ломившиеся от груды старых камней, металлических инструментов и стеклянных бутылок. Продавалось-то все, но, похоже, так ничего и не было продано. Пожелтевшие ценники сами по себе стали антикварными штучками. Бен и Том прошли в заднюю комнату, служившую кухней и столовой. На полу повсюду спали собаки Пика, громко вздыхая во сне. Бен снял с плиты старый-престарый кофейник, разлил кофе по двум кружкам и проковылял к деревянному столу, приглашая Тома сесть напротив.

– Сахару? Молока?

– Нет, я буду черный.

Том смотрел, как Бен насыпал себе три столовые ложки сахара, добавил три ложки сухих сливок «Кремора» и перемешал все это до образования густой и вязкой массы. Том осторожно глотнул свой кофе, оказавшийся на удивление вкусным: горячим, крепким, сваренным по-ковбойски, именно так, как ему нравилось.

– Как Салли?

– Превосходно.

Пик кивнул.

– Просто чудо, а не женщина, Том.

– Да я знаю, знаю.

Бен выбил трубку о край камина и принялся вновь набивать ее табаком «Боркум рифф».

– Вчера утром я прочел в «Нью-Мексикан», что ты нашел убитого в Высоких Плоскогорьях.

– Газетчики написали не обо всем. Могу я рассчитывать на твое молчание?

– Конечно.

Том рассказал Пикку о случившемся, не упомянув лишь записную книжку.

– Вот так чертовщина.

– Кто же тот человек, у тебя никаких догадок не появилось?

Бен фыркнул.

– Кладоискатели – народ глуповатый и доверчивый. За всю историю Запада никому никогда не случалось обнаружить настоящие, подлинные сокровища.

– А этому человеку удалось.

– Когда увижу клад, тогда и поверю. А вообще я не слыхал, чтобы здесь появлялся какой-нибудь кладоискатель, но это не важно, они ребята скрытные.

– Как думаешь, какой же клад он нашел? Если клад вообще существует.

Бен проворчал:

– Я был разведчиком-старателем, я за кладами не гонялся. Тут большая разница.

Том глотнул кофе.

– Но ты бывал в тех местах.

– Я там двадцать пять лет провел.

– Ты слышал разные истории.

Пик чиркнул спичкой и поднес ее к трубке.

– А как же.

– Расскажи-ка что-нибудь, а?

– Говорят, когда эти земли еще принадлежали испанцам, к северу от Абикию, в горах, был золотой прииск, он назывался Эль-Капитан. Знаешь эту историю?

– Нет.

– Так вот, в нем добыли почти десять тысяч унций золота и наделали слитков с оттиском Льва и Замка⁴. В то время поселенцам не давали покоя апачи, совершавшие набеги, поэтому слитки не вывезли, а, наоборот, замуровали в пещере, ожидая, пока все более менее успокоится. Случилось так, что однажды апачи налетели на сам прииск. Они убили всех, кроме человека по имени Хуан Кабрильо, который ушел в Абикию за провизией. Кабрильо вернулся и увидел своих товарищей мертвыми. Он отправился в Санта-Фе и пришел за золотом уже с группой вооруженных людей. Однако через пару недель начались сильные дожди, был паводок. Рельеф местности изменился. Прииск-то нашли, нашли и скелеты убитых старателей. А вот пещеру так и не обнаружили. Хуан искал ее долгие годы, пока не сгинул бесследно среди плоскогорий. Так по крайней мере рассказывают.

– Интересно.

– И это еще не все. Где-то в тридцатые годы малому по имени Эрни Килпатрик случилось разыскивать убежавшего теленка в одном из тамошних каньонов. Килпатрик устроил стоянку недалеко от Английских Скал, как раз к югу от Эхо-Бэдлендс. Потом он рассказывал, будто на закате увидел место, прямо над каньоном Тираннозавра, где недавно упавшая со скалы порода приоткрыла вход в какую-то пещеру. Килпатрик взобрался на скалу и проник внутрь. Он оказался в коротком и узком тоннеле, на стенах там были оставлены метки. Эрни шел по тоннелю, пока тот не привел его в грот. Килпатрик чуть Богу душу не отдал, когда свечка озарила высившуюся до потолка грудку необработанных золотых слитков с оттисками Льва и Замка. Он положил один слиток в карман и помчался в Абикию. В ту ночь Эрни нахлестался в салуне и как последний дурак стал показывать добычу кому ни попадя. Кто-то выманил Эрни на улицу, застрелил его и ограбил. Ясное дело, тайна пещеры умерла вместе с ним, а слиток больше никто и никогда не видел.

Бен сплюнул крупинку табака.

– Все истории о сокровищах одинаковые.

– Ты в нее не веришь?

– Не верю ни одному слову. – Пик наклонился к огню и, словно в награду самому себе за рассказ, снова раскурил трубку и сделал пару затяжек. Он ждал, что скажет Том.

– Бен, я ведь говорил с тем человеком. Он отыскал что-то грандиозное.

Пик пожал плечами.

– Что еще ценного там можно найти, кроме запасов Эль-Капитана? – спросил Бродбент.

– Много чего. В тех местах встречаются различные минералы и драгоценные металлы – если он был геологом-разведчиком. А если убитый был археологом-любителем и раскапывал развалины индейских поселений? Ты его снаряжение видел?

– В снаряжении, навьюченном на осла, я не заметил ничего необычного.

Пик засопел.

– Если тот человек был геологом-разведчиком, он, возможно обнаружил уран или молибден. Уран иногда встречается в верхних пластах формации Чинле, которая выходит на поверхность в каньоне Тираннозавра, в Хакбее и на всем низинном участке каньона

⁴ Часть герба Испании, символ объединенного королевства Леон и Кастилия.

Хоакина. Еще в пятидесятые годы я искал уран и не нашел ни шиша. Но опять же, у меня не было нужного снаряжения, сцинтилляционных счетчиков и прочего.

– Ты дважды упомянул каньон Тираннозавра.

– Это каньон громадных размеров, с миллионом ветвлений и расселин, они проходят по всей территории Эхо-Бэдлендс и идут выше, к Высоким Плоскогорьям. Раньше там находили черт знает сколько урана и молибдена.

– В наши дни уран какую-нибудь ценность представляет?

– Только если есть частное лицо, покупающее его на черном рынке. Федералов он не интересует, у них и без того забот хватает.

– А уран может понадобиться террористам?

Пик покачал головой:

– Сомневаюсь. Кто ж им ссудит миллиард долларов на его приобретение?

– А вдруг они решат изготовить бомбу с радиоактивными компонентами?

– И урановая руда, и даже чистый уран практически не радиоактивны. Многие уверены, будто уран радиоактивен, но это лишь популярное заблуждение.

– Ты еще назвал моли...

– А-а, молибден. На тыловом склоне каньона Тираннозавра обнажился трахиандезитовый порфирит олигоценовой эпохи, считается, что в нем есть молибден. Да, немножко я находил, но к тому времени месторождение уже давно разрабатывали, и накопал я с гульки нос. Хотя добыча могла быть и покрупнее – всегда ведь существует место, где залежей больше...

– Почему тот каньон называется каньоном Тираннозавра?

– Прямо в его устье помещается огромная базальтовая интрузия, ветер и солнце поработали над ней так, что ее вершина напоминает череп тираннозавра. Апачи не желали заходить туда, веря, будто в каньоне бродят призраки. Именно в том месте мой мул чего-то испугался и сбросил меня. Тогда-то я и сломал бедро. Провалился на земле целых три дня. В общем, если там и нет призраков, то место для них все равно очень подходящее. С тех пор я в каньоне Тираннозавра не бывал.

– А золото? Я слышал, ты обнаружил что-то ценное.

Бен захихикал:

– А как же! Золото становится проклятием для каждого, кто его находит. В восемьдесят шестом году в сухом русле Мэйз я отыскал кварцевую глыбу сплошь в золотых прожилках. За девять тысяч продал ее торговцу минералами, а потом вдсятеро больше денег угробил на поиски месторождения. Понятно же, что тот проклятый булыжник откуда-то взялся, но я так и не узнал откуда. Разве только он скатился с гор Канхилон – там много истощившихся приисков и бывших старательских городков. Я же говорю, золото ведет к беде. Я к нему с тех пор и не притрагивался. – Бен усмехнулся, выпустив клуб дыма.

– А еще что из себя может представлять клад?

– «Кладом», о котором вел речь тот тип, могли быть руины индейских поселений. В горах есть множество развалин, оставшихся от жилищ индейцев анасази. Я, когда был молодой и глупый, копался в тех развалинах, а потом продавал найденные горшки и наконечники стрел. Сейчас хороший кубок из каньона Чако⁵ с росписью черным по белому потянет на пять или даже на десять тысяч. Штука стоящая. И потом, есть же еще Затерянный Град Отцов.

– А это что такое?

– Том, мальчик мой, я ведь тебе рассказывал.

– Нет.

Пик громко пососал трубку.

– В конце позапрошлого века французский священник по имени Юсбио Бернар

⁵ Каньон Чако в штате Нью-Мексико – родина древнейших индейских культур.

заблудился где-то на Меса-де-Лос-Вьехос по пути из Санта-Фе к Чаме. Пока Бернар кружил по окрестностям в поисках верной дороги, он нашел огромное высокогорное поселение индейцев анасази. Размером оно было, наверное, с национальный парк Меса-Верде и находилось в горной долине, так что Бернар очутился как раз над ним. Священник насчитал там четыре укрепления, сотни жилищ – настоящий затерянный город. Больше никто и никогда тот город не находил.

– Это правдивая история?

Пик усмехнулся:

– Сомневаюсь.

– А нефть, газ? Может, тот человек искал их?

– И в этом я сомневаюсь. Да, дикие земли в районе Чамы действительно прилегают к Сан-Хуанскому бассейну, одному из богатейших на юго-западе месторождений природного газа. Только тогда твоему разведчику понадобилась бы целая бригада рабочих-буровиков с сейсмическими зондами. Одинокому старателю там делать нечего. – Пик поковырял пепел в трубке, примял его, снова поджег. – А если он искал призраков, то, говорят, их в тех местах будь здоров. Апачи будто бы слышали, как там ревет тираннозавр рекс.

– Бен, ты уходишь от темы.

– Сам же просил историй.

Том поднял руку.

– Но не про динозавров-привидений.

– Есть вероятность, что этот твой неизвестный старатель нашел запасы Эль-Капитана. Десять тысяч унций золота будут стоить... – Пик наморщил лоб, – почти четыре миллиона. Но надо еще учитывать нумизматическую ценность старинных испанских слитков с оттиском Льва и Замка. Черт, да тут стоимость каждого бруска возрастает в двадцать, тридцать раз!

– Да, от такого даже тираннозавр вззоет.

– Приходи еще, расскажешь мне поподробнее про убийство. А я тебе – про привидение Ла-Льорона, Плакальщицу.

– Договорились.

9

Доходяга Мэддокс удобно расположился в салоне первого класса самолета, летящего внутриконтинентальным рейсом № 450 из нью-йоркского аэропорта Ла-Гуардиа в Альбукерке. Мэддокс опустил спинку кресла, включил ноутбук и в ожидании, пока тот загрузится, сделал несколько глотков минеральной воды «Сан-Пеллегрини». «Смешно, – подумал Джимсон, – до чего я похож на прочих типов, одетых в дорогие костюмы и стучащих по клавишам компьютеров». Вышло бы обалденно, просто обалденно, если б вот этот вице-президент или вон тот исполнительный директор видел, какой работой занят он, Мэддокс.

Джимсон принялся разбирать пачку писем – безграмотных, старательно выведенных от руки тупым карандашом на дешевой линованной бумаге. На многих письмах виднелись жирные пятна и следы пальцев. К каждому письму прилагалась фотография его автора, какого-нибудь мерзкого недоноска. Целое сборище пропащих людишек.

Мэддокс вытащил первое письмо, расправил лист бумаги на откидном столике рядом с ноутбуком и стал читать.

«Уважаемый мистер Медокс!

Миня звать Лонделлом Франклином Лжеймсом 34 лет. Я белый мушина из Арунделя, штат Арконзас. У миня член в 9 дюймав и очинь твердый и я ишу бландинку и чтоп у нее была ни очинь большая заднеца. Мне ненужны всякие там балтливые стервы мне пожалуйста женьшену каторая любит чтоп 9 дюймав а еще ростом я 6 футов и очинь накачанный и с наколкой черипа на правом плече и

дрокона на груди. Мне нужна стройная женьшена с самых южных штатов. Не надо чирнамазых, мулатак и фиминистак стирвозных с НьюЙорка, просто белую дивченку с Юга которая умеет убложить мушину и жарить ципленка и варить кашу. У миня от пети до петнацати лет за вооруженное аграбление. Акружной пракурор чегото сказал про сделку о презнании вины но у миня слушание по дасрочному асвабждению через два года и 8 мес. Мне нужна горячая женьшена чтоп ждала миня на воли и уж давала так давала».

Мэддокс усмехнулся. Этот полудурок пробудет за решеткой до конца дней, какое уж там досрочное освобождение. Некоторым просто на роду написано мотать срок.

Мэддокс начал набирать на клавиатуре:

«Меня зовут Лонни Ф. Джеймс, мне тридцать четыре года, я белый родом из Арунделя, штат Арканзас. Отбываю срок от пяти до десяти лет за вооруженное ограбление, однако менее чем через три года будет рассматриваться вопрос о моем досрочном освобождении. Я в прекрасной физической форме, мой рост – шесть футов два дюйма, вес – сто девяносто фунтов. Увлекаюсь тяжелой атлетикой и бодибилдингом, а еще – обратите внимание, дамы, – природа меня не обидела. Родился я под знаком Козерога. На правом плече у меня вытатуирован череп, а на груди – святой Георгий, убивающий дракона. Я хотел бы познакомиться с невысокой симпатичной голубоглазой блондинкой с Юга для переписки, романтических встреч и серьезных отношений. Ищу женщину спортивную, с хорошей фигурой, лет двадцати девяти или моложе, одним словом – милашку, сладкую, как конфетка. Еще хочется, чтобы это была женщина, которая сразу распознает настоящего мужчину. Люблю музыку кантри, хорошую деревенскую кухню, профессиональный футбол и долгие прогулки по сельским дорогам: идти бы вот так туманным утром, взявшись за руки...»

Теперь самое оно, подумал Мэддокс, перечитав набранный текст. *«Милашка, сладкая, как конфетка»*. Он снова просмотрел письмо, убрал кусок про «туманное утро» и сохранил его в компьютере. Потом взглянул на снимок, прилагавшийся к письму.

Очередной ублюдок, на сей раз – с круглой башкой и настолько близко посаженными глазами, что, казалось, кто-то сдавил ему голову в висках. Все равно Мэддокс отсканирует и отошлет фотографию. В его работе внешность ничего не значит. Важно лишь одно: Лонделл Франклин Джеймс сейчас там, а не здесь, на воле. В общем-то он предлагает идеальные отношения той женщине, для которой они окажутся подходящими. Дама может ему писать, они будут обмениваться пикантными посланиями, обещаниями, клятвами в вечной любви, болтать о детишках и будущей свадьбе, но Лонделл Франклин Джеймс все равно будет оставаться за решеткой, а женщина – на воле. Она хозяйка положения, вот в чем дело. Да еще в эротическом угаре, ведь некоторых дамочек возбуждает переписка с накачанным парнем, отбывающим большой срок за вооруженное ограбление и заявляющим, будто у него член в девять дюймов длиной. Ну а кто докажет, что все это выдумки?

Мэддокс открыл новый файл и перешел к следующему письму.

«Уважаемый мистер Мэддокс!

Я ищу женщину, которой можно было бы отправить мое семя, чтоб она выносила моего ребенка».

Мэддокс скривился, скомкал письмо и засунул его в кармашек впереди стоящего кресла. Господи, он же службой знакомств заведует, а не банком спермы. Эту службу под названием «Время невзгод» Джимсон учредил, работая в тюремной библиотеке за старым «Ай-би-эм-486», в памяти которого хранилась картотека. Еще в бытность артиллерийским сержантом Мэддокс неплохо освоил компьютер, и теперь полученных навыков ему вполне хватало. В наши дни без технических знаний и из пушки-то мало-мальски прилично не

пальнешь.

Мэддокс с удивлением обнаружил у себя недюжинные способности к работе с машинами. В отличие от людей они чистенькие, не воняют, слушаются и от труда не отлынивают. Мэддокс начал с того, что стал собирать по десять долларов с заключенных, чьи фамилии и адреса помещал на веб-сайте, созданном им для привлечения женщин, которые хотят вступить в переписку. И дело пошло. Вскоре Мэддокса осенило: главный доход приносят не заключенные, а дамочки. Джимсон поражался количеству женщин, мечтающих закрутить роман с преступником. Он взимал двадцать девять долларов девяносто девять центов за членство во «Времени невзгод». В год выходило сто девяносто девять долларов с человека, и все посетительницы сайта получали неограниченный доступ к частным объявлениям, а значит, к адресам и фотографиям более четырехсот заключенных, отбывающих значительные сроки за любые преступления – от убийств и изнасилований до похищения людей, вооруженных ограблений и нанесения тяжких телесных повреждений. Теперь на каждого преступника приходилось уже по три женщины, в общей сложности почти тысяча двести дамочек. Подсчитав расходы, Мэддокс выяснил, что три сотни в неделю он имеет без всяких.

Попросили приготовиться к посадке, между рядами кресел просеменила стюардесса. Она кивала, улыбалась и вполголоса напоминала деловым людям выключить компьютеры. Мэддокс убрал свой ноутбук под сиденье и посмотрел в окно, за которым проплывал коричневый ландшафт Нью-Мексико. Самолет приближался к Альбукерке с востока, внизу виднелись склоны гор Сандия, на них темные полосы леса резко сменялись участками, покрытыми снегом. Самолет пролетел над горой и, оказавшись над городом, приступил к снижению. Мэддокс мог разглядеть все: и реку, и шоссе, и большую междуштатную магистраль, и маленькие домики, сгрудившиеся у подножия гор. Столько никому не нужных людишек, прозябающих в своих хибарах... Картина действовала на Джимсона угнетающе. Он почувствовал себя так, будто снова оказался в тюрьме.

Нет, это, пожалуй, чересчур. С тюрьмой ничто не может сравниться, даже отдаленно.

Мэддокс вспомнил о насущной проблеме, и его внезапно охватило раздражение. Бродбент. Должно быть, там, в Лабиринте, он дожидался подходящего момента. Да, он просто выжидал. Джимсон все сделал, прикончил того типа, а тут пожаловал Бродбент, прикарманил блокнот и смылся. Неплохо устроился, сукин сын.

Мэддокс глубоко вдохнул, закрыл глаза, несколько раз повторил про себя мантру, пытаясь медитировать. Ни к чему себя накручивать. Ничего в предстоящем деле трудного нет. Если Бродбент прячет записную книжку дома, Мэддокс ее отыщет. А если не дома, тогда Мэддокс все равно как-нибудь да вытрясет блокнот из Бродбента. Тот просто не знает, с кем связался. И раз Бродбент влез в эти дела по самое не могу, он вряд ли пойдет в участок. Они с Мэддоксом все уладят по-тихому.

Он ведь в таком долгу перед Корвусом... Господи, да он Корвусу просто жизнью обязан.

Джимсон откинулся в своем кресле, и «Боинг-747» совершил чудесную мягкую посадку, едва ощутимо коснувшись земли. Мэддокс решил, что это хороший знак.

10

На следующее утро Том застал своего помощника Шейна Макбрайда у ходунка. Помощник внимательно наблюдал, как гнедой четвертьмильный⁶ конек ковыляет по кругу. Шейн был ирландцем из южного Бостона, учился в Йельском университете, однако фамилией и усвоенными привычками уже настолько сильно походил на уроженца Запада, что больше, нежели местные жители, напоминал настоящего ковбоя. Он разгуливал в

⁶ Четвертьмильная лошадь отличается быстротой на коротких дистанциях.

плетеных веревочных ботинках и щеголял густыми усами, нахлобучив на голову поношенную ковбойскую шляпу с загнутыми сверху полями и повязав вокруг шеи выгоревший черный платок. А еще Макбрайд вечно жевал табак. Шейн разбирался в лошадях, имел хорошее чувство юмора, серьезно относился к своей работе и был человеком невероятно преданным. Лучшего помощника Том и не желал.

Шейн повернулся к Бродбенту, снял шляпу, вытер пот со лба, прищурил один глаз и спросил:

– Что скажешь?

Том присмотрелся к походке коня.

– И давно он в ходунке?

– Десять минут.

– Ножной остит.

Шейн перестал щуриться.

– Не-а. Тут ты не прав. Это сесамоидит.

– Щеточные суставы не опухли. И ранка слишком симметричной формы.

– В начальной стадии сесамоидита язвочка тоже может быть симметричной.

Том внимательнее посмотрел на коня.

– Чей он?

– Хозяев соседнего ковбойского домика. Коня зовут Благородный Никс. Раньше у него вообще никаких болячек не было.

– Это пастуший конь или на нем охотиться ездят?

– Он участвует в скачках.

Том нахмурился.

– Тогда, может, ты и прав.

– Может? Да какой там «может»! Он только что из Амарильо, со скачек, седло выиграл. Утомительные тренировки да долгий переезд – и вот тебе результат.

Том остановил ходунок, опустился на колени, ощупал лошадиную ногу сзади, над копытом. Она была горячей. Бродбент поднялся.

– Я все же утверждаю, что это ножной остит, однако признаю: вероятно, остит затронул сесамовидные кости.

– Излагаешь прямо как юрист.

– В обоих случаях лечение одинаковое. Полный покой, промывание холодной водой плюс диметилсульфоксид и кожаные накладки.

– Да знаю я, знаю.

Том положил руку Шейну на плечо.

– А ты делаешь успехи, а, Шейн?

– Есть такое дело, босс.

– Значит, и сегодня сможешь подежурить в лечебнице?

– А ведь в городе куда лучше – и пиво тебе холодное, и музыканты, и девочки в коротких юбках...

– Ну ладно, подежурь. И, смотри, осторожно, не устрой тут пожар.

– Ты все ищешь ту девицу, у которой отца застрелили в Лабиринте?

– Я бы не сказал, что поиски продвигаются успешно. И полиция никак не найдет тело.

– Не мудрено. Там же территория огромная, на ней черт ногу сломит.

Том кивнул.

– Если б я выяснил, что именно написано в его блокноте, то сразу бы понял, кто он.

– Наверное.

Том уже обо всем рассказал Шейну, настолько они были близки. А Шейн, несмотря на свою разговорчивость, на самом деле умел держать язык за зубами.

– У тебя этот блокнот с собой?

Том вынул записную книжку из кармана.

– Дай-ка взглянуть. – Шейн полистал блокнот. – Что это? Шифр?

– Да.

Шейн закрыл блокнот, осмотрел обложку.

– Его кровь?

Том кивнул.

– Бог ты мой. Бедняга. – Шейн отдал Тому книжку. – Если легавые узнают, что ты ее утаил, у тебя будут неприятности.

– Понимаю.

Том обошел свою ветеринарную лечебницу, осмотрел лошадей в стойлах. Каждую погладил, каждой сказал что-то ласковое, проверил, всё ли в порядке. Затем перебрал счета у себя на рабочем столе – некоторые оказались просроченными. Дело тут было даже не в безденежье, Том просто поленился их оплатить. Ни он, ни Шейн терпеть не могли бумажной возни. Том сунул конверты со счетами в пластмассовую коробку, так ни один и не распечатав. Для всей этой бумажной тягомотины не худо бы нанять счетовода, вот только дополнительные траты оставят их в убытке, а они только-только, после года тяжелого труда, достигли уровня нулевой прибыли. И не важно, что у Тома условно депонировано сто миллионов долларов; в отличие от отца он хотел пользоваться плодами собственного труда.

Том отодвинул бумаги и достал ноутбук. Цифры в блокноте не давали ему покоя. Он был уверен: именно цифры скрывают тайну личности того человека. И найденного им клада.

Шейн просунул голову в дверь.

– Как там наш участник скачек? – спросил Том.

– Я ему ногу обработал и отвел в конюшню.

Шейн все не уходил.

– Ты чего?

– Помнишь, в прошлом году в монастыре, в верховье Чамы, овца заболела?

Том кивнул.

– И мы еще узнали, что один из тамошних монахов раньше был дешифровщиком и работал в ЦРУ, а потом все бросил и ушел в монастырь.

– Да, что-то такое припоминаю.

– Не хочешь попросить его расшифровать цифры в блокноте?

Том уставился на Шейна.

– Это лучшая твоя мысль за всю неделю!

11

Мелоди Крукшенк настроила алмазный резец на нужный угол и увеличила количество оборотов. Что за прекрасный образчик точной техники! Его совершенство угадывалось в издаваемом им чистом музыкальном звуке. Мелоди поместила пробу в распилочное гнездо, укрепила ее, затем включила ламинарный поток воды. Тонкое завывание резца перекрылось бульканьем: вода омывала образец, и становились видны цветные крапинки – желтые, красные, темно-багровые. Мелоди завершила настройку, поставила направление и скорость на «автомат», и резец заработал вовсю.

Как только алмазное лезвие соприкоснулось с поверхностью камня, послышалась самая настоящая музыка. Через секунду образец был уже распилен надвое, показалась его драгоценная внутренняя часть. С ловкостью, приобретенной за годы работы, Мелоди промыла и высушила половинки, перевернула их и поместила тыльной стороной на стальной манипулятор в эпоксидную смолу.

Пока смола затвердевала, Мелоди рассматривала свой сапфировый браслет. Подругам она сказала, что это дешевая бижутерия, и они поверили. А почему бы им не поверить? Кому может прийти в голову, будто она, Мелоди Крукшенк, техник-специалист первой категории с зарплатой 21 000 долларов в год и жалкой квартиркой в конце Амстердам-авеню, без мужчины и без денег, станет разгуливать с синими звездчатыми сапфирами в десять карат? Мелоди прекрасно понимала, что Корвус ее использует – такой мужчина никогда бы не

заинтересовался ею всерьез. С другой стороны, он доверил работу именно ей, и не случайно. Мелоди – классный, по-настоящему классный специалист. Браслет – составляющая строго безличного соглашения, плата за мастерство и за молчание. Ничего тут постыдного нет.

Смола вокруг образца застыла. Мелоди снова положила его в распилочное гнездо и сделала новый надпил с обратной стороны. Вскоре получился тонкий срез камня толщиной приблизительно в полмиллиметра, без единой трещинки или зазубринки. Мелоди проворно растворила смолу, включила воду и разделила полупрозрачную каменную пластинку на двенадцать частей, – все они предназначались для разных тестов. Взяв один из получившихся кусочков, Мелоди укрепила его в смоле на другом манипуляторе и с помощью шлифовального круга и полировочного устройства сделала еще тоньше, довела до совершенной прозрачности и толщины человеческого волоса. Положила на предметное стекло, а то, в свою очередь, – на предметный столик поляризационного микроскопа «Мейджи». Затем включила микроскоп и приблизила глаза к окулярам.

Быстрое регулирование фокусировки – и вот уже в поле зрения цветная радуга, целый мир кристальной красоты. От великолепия, которое являл поляризационный микроскоп, у Мелоди всегда захватывало дыхание. Даже самый невзрачный камешек раскрывал свою потаенную душу.

Мелоди установила тридцатикратное увеличение и постепенно стала прибавлять по тридцать градусов к углу поляризации, причем с каждым прибавлением образец словно выбрасывал новый цветовой поток. Первый осмотр носил исключительно эстетический характер; женщина будто заглядывала в окно из цветного стекла, более прекрасное, чем розетка Шартрского собора.

По мере приближения к углу поляризации в 360 градусов сердце Мелоди билось быстрее. Образец и впрямь невиданный. Установив максимальный угол, Мелоди дала сто двадцатикратное увеличение. Структура образца столь тонка, столь совершенна – просто поразительно. Теперь Мелоди понимала, отчего такая секретность. Если есть еще подобные камешки там, откуда взяли этот, – а они, вероятно, есть, – тогда сохранить их наличие в тайне становится делом первостепенной важности. Удача неслыханная, даже для такой известной личности, как Корвус.

Мелоди отвела глаза от окуляров, и ее посетила новая мысль. Может быть, и она нашла именно то, что нужно ей для получения штатной должности? Только бы верно и безошибочно разыграть свои карты.

12

Монастырь Христа в Пустыне находился в диких землях в районе Чамы, до него было пятнадцать миль пути вверх по реке. Совсем рядом с монастырем возвышался величественный склон столовой горы Меса-де-Лос-Вьехос, а дальше начинались бескрайние территории, занятые плоскогорьями. Том ехал по Монастырской дороге страшно медленно, не желая, чтобы его драгоценный «шеви» пострадал на одной из самых отвратительных трасс во всем штате. Из-за многочисленных рытвин впечатление было такое, будто ее бомбили; на отдельных неровных участках у автомобиля грозили вылетать заклепки, а у Тома – зубы, все до единого. Говорили, впрочем, что монахов эта дорога вполне устраивает.

В конце переезда, который уже начал представляться Тому чуть ли не путешествием на край света, над можжевельником и чамисой показалась башенка глинобитной церкви. Постепенно стал виден весь монастырь, когда-то основанный бенедиктинцами: группа коричневых глинобитных построек, разбросанных на уступе над поймой, как раз над тем местом, где речушка Таллина сливалась с Чамой. По многим свидетельствам, это был один из наиболее отдаленных христианских монастырей в мире.

Том припарковал грузовичок на земляной площадке и по тропинке добрался до монастырской лавки. Снизу, из церкви, доносился слабый отголосок пения, сливавшегося с хриплыми криками сосновых соек.

Лавка была пуста, однако когда Бродбент отворил дверь, звякнул колокольчик, и навстречу гостю вышел молодой монах.

– Здравствуйте, – сказал Том.

– Добро пожаловать. – Монах опустился на высокий деревянный стул, стоявший за прилавком.

Том нерешительно оглядывал скромный монастырский ассортимент: мед, засушенные цветы, самодельные открытки, изделия с резьбой по дереву.

– Меня зовут Том Бродбент, – представился он, протягивая руку.

Монах ответил ему рукопожатием. Он был невысок, худощав и носил очки с толстыми стеклами.

– Рад познакомиться.

Том кашлянул. До чего же неловко...

– Я ветеринар, в прошлом году лечил здесь больную овцу.

Монах кивнул.

– Тогда я услышал о монахе, бывшем сотруднике ЦРУ.

Снова кивок.

– Вы знаете, кто это?

– Брат Форд.

– Да. Я хотел спросить, можно ли мне поговорить с ним?

Монах посмотрел на большие спортивные часы с кнопками и массивным циферблатом, выглядевшие на его руке удивительно неуместно, хотя Том даже не понимал почему – ведь монахам тоже нужно узнавать время.

– Час шестой только что истек. Я приведу брата Форда.

Монах вышел на тропинку и вскоре скрылся из виду. Пять минут спустя изумленный Том заметил, как с горы спускается какой-то гигант: на огромных ногах – пыльные сандалии, в руке – длинный деревянный посох, за спиной трепещут складки коричневой сутаны. Через секунду дверь распахнулась, великан в сутане размашисто прошагал в лавку, сразу подошел к Тому и удивительно бережно пожал ему руку своей лапищей.

– Брат Уайман Форд, – пророкотал он явно не монашеским голосом.

– Том Бродбент.

Брат Форд отличался поразительным уродством. У него была большая голова и грубое лицо, похожее на лицо Авраама Линкольна и одновременно напоминавшее ноздреватый германский сыр. Форд не казался особенно благочестивым, по крайней мере внешне. Отнюдь не по-монашески смотрелись высокая внушительная фигура, борода и непослушные черные волосы, закрывавшие уши.

Наступило молчание. Том вновь почувствовал неуместность своего визита.

– Не найдется ли у вас свободной минутки?

– По уставу на территории монастыря мы должны соблюдать обет молчания, – ответил монах. – Может, прогуляемся?

– Хорошо.

Он быстро зашагал по тропинке, что сбегала от монастырской лавки к реке и вилась вдоль берега. Том изо всех сил старался не отставать. Был чудесный июньский день. Оранжевые края каньона ярко выделялись на фоне голубого неба, над головой проплывали пушистые облака, похожие на величественные корабли.

Минут десять Том с монахом шли, не говоря ни слова. Тропинка привела их к высокому утесу. Брат Форд подобрал края сутаны и сел на ствол поваленного можжевельника. Том опустился рядом и молча восторженно оглядел каньон.

– Надеюсь, я не отвлек вас от каких-нибудь важных дел, – проговорил он, все еще не зная, с чего начать.

– Я пропускаю страшно важное заседание в палате прений. На нем разбирается случай богохульства одного из братьев во время всенощной. – Форд усмехнулся.

– Брат Форд...

– Прошу, зовите меня Уайманом.

– Вы что-нибудь слышали о позавчерашнем убийстве в Лабиринте?

– Я уже давно не читаю газет.

– Вы знаете, где Лабиринт?

– Да, он мне хорошо знаком.

– Два дня назад там застрелили кладоискателя. – Том рассказал, как нашел умирающего, как тот отдал ему блокнот и как потом тело исчезло.

Некоторое время Форд молча смотрел на реку. Затем повернул голову и спросил:

– Ну... а при чем же здесь я?

Том достал из кармана блокнот.

– Вы не отнесли его в полицию?

– Я дал слово.

– Но вы наверняка передали копам копию.

– Нет.

– Это неразумно.

– Полицейский, который ведет расследование, не внушает мне особого доверия. И потом, я обещал.

Том чувствовал, как монах, не мигая, смотрит на него своими серыми глазами.

– Чем я могу вам помочь?

Том протянул монаху записную книжку, но тот и не думал ее брать.

– Чего я только не испробовал, чтобы установить личность того человека и отдать блокнот его дочери. Все без толку. У полицейских нет ни единой улики; по их словам, на поиски тела может уйти несколько недель. Записная книжка все расскажет о погибшем, я уверен. Проблема в одном: записи в ней зашифрованы.

Пауза. Монах не отрывал от Тома пристального взгляда.

– Я слышал, вы работали дешифровщиком в ЦРУ.

– Да, верно.

– И что же? Вам не хотелось бы подумать над этим кодом?

Форд внимательно посмотрел на блокнот, однако опять не сделал ни единого движения.

– Взгляните, – попросил Том, протягивая книжку.

Поколебавшись, Форд ответил:

– Нет, спасибо.

– Почему же нет?

– Потому что я предпочитаю отказаться.

От такого высокомерного ответа Том начал злиться:

– Разве это причина? Дочь того человека, вероятно, понятия не имеет, что ее отец погиб. Может, она с ума сходит от беспокойства. Я дал слово умирающему, и я сдержу свое обещание, а вы единственный из известных мне людей, способный помочь.

– Прошу прощения, Том, но помочь я вам не могу.

– Не можете помочь или не станете помогать?

– Не стану.

– Боитесь ввязываться, потому что здесь замешана полиция?

Монах сухо улыбнулся, и его грубое лицо испещрили складки.

– Вовсе нет.

– Тогда почему?

– Я оказался в монастыре не случайно: я хотел уйти именно от такого рода вещей.

– Не уверен, что понимаю вас.

– Меньше чем через месяц я приму монашеский обет. Быть монахом не значит просто носить соответствующее одеяние. Речь идет о начале новой жизни. А вот это, – Форд показал на блокнот, – отбросит меня в мое прошлое.

– В ваше прошлое?..

Уайман посмотрел куда-то за реку, нахмутив морщинистый лоб и задвигая костлявой челюстью.

– Да, в мое прошлое.

– Туго вам, наверное, пришлось, раз вы скрылись в монастыре.

Форд сдвинул брови.

– Монахи не стремятся скрыться, убежать от чего-то, они, наоборот, стремятся к чему-то – к живому Богу. Но пришлось мне туго, это верно.

– Что произошло? Ничего, что я спрашиваю?

– Ничего... Я, кажется, отвык от докучных вопросов, которые в миру слывят неотъемлемой частью беседы.

Такой отпор уязвил Тома.

– Извините. Я позволил себе лишнее. Жена называет меня упрямым, и она права. Прицеплюсь к чему-нибудь, вот как сейчас, и никак не могу отвязаться. Правда. Извините.

– Не извиняйтесь. Вы делаете то, что кажется вам правильным, и это верно. Просто я не тот человек, который в состоянии вам помочь.

Том кивнул, они поднялись. Монах отряхнул пыль с сутаны.

– Уж простите, что так вышло. По-моему, вам не составит труда расшифровать тот код. Большинство самодельных кодов – это так называемые «шифры для идиотов»: идиот зашифровал, идиот и расшифрует. Цифры заменяются буквами. Вам понадобится таблица частотности английского языка.

– Что это такое?

– Список наиболее часто и наиболее редко встречающихся букв. Нужно сличить таблицу с наиболее частыми и наиболее редкими цифрами кода.

– Вроде несложно.

– Это в самом деле несложно. Готов поспорить, вы в момент взломаете код.

– Спасибо.

Форд замялся:

– Дайте-ка мне взглянуть одним глазком. Может, сумею расшифровать прямо сейчас.

– Вы точно не против?

– Ну, не укусит же он меня.

Том дал монаху блокнот. Форд полистал его, подолгу вглядываясь в каждую страницу. Прошло пять долгих минут.

– Странно, он кажется мне гораздо более мудреным, чем какой-нибудь подстановочный шифр.

Солнце опускалось в каньон и заливало бесчисленные арройо⁷ ярким золотистым светом. Вокруг носились ласточки, их крики отражались от каменистых склонов. Внизу тихо журчала река.

Форд захлопнул блокнот.

– Я подержу его несколько дней. Циферки занятные, есть над чем подумать.

– Так вы все-таки меня выручите?

Монах пожал плечами.

– Мы поможем той девушке узнать, почему погиб ее отец.

– После того, что вы мне сказали, я себя довольно неловко чувствую – этот блокнот...

Форд махнул огромной рукой.

– Иногда я слишком все абсолютизирую. Ничего страшного не случится, если я чуток поломаю голову над шифром. – Монах прищурился на солнце. – Ну, я, наверное, пойду.

Он пожал Тому руку.

– Восхищаюсь вашим упорством. В монастыре нет телефона, зато есть выход в Интернет через спутниковую антенну. Я вам напишу, когда расшифрую код.

⁷ Арройо – сухое русло.

Доходяга Мэддокс помнил, как впервые несся по Абикию на угнанном мотоцикле «харли». Теперь Джимсон сделался одним из многих типчиков, сидящих за рулем «рейнджроверов» в брюках цвета хаки и рубашке поло от Ральфа Лорана. Да, Мэддокс и впрямь преуспел в этой жизни. За пределами Абикию дорога шла вдоль реки, мимо зеленых полей люцерны и тополиных рощиц, затем выходила в долину. На 96-м шоссе Джимсон свернул налево, миновал насыпь и поехал, держась западного края долины, над которой возвышалась гора Педернал. Еще через несколько минут показался другой поворот, а там до жилища Бродбента оставалось уже совсем немного. На ветхой деревянной дощечке было намалевано от руки: «Кацонес».

Грунтовая дорога выглядела запущенной. Параллельно ей бежал ручеек. По обеим сторонам виднелись небольшие коневодческие фермы, занимавшие от сорока до восьмидесяти акров и носившие броские названия вроде «Друзья» и «Оленья ложбина». Мэддокс слышал, что ранчо Бродбента называется очень странно: «Сакия Тара». У ворот Джимсон притормозил, проехал еще четверть мили и припарковал машину в зарослях каменного дуба. Вылез, тихонько прикрыв дверцу. Вернулся к дороге и убедился: автомобиль оттуда не просматривается. Три часа дня. Бродбента наверняка нет, он на работе или вообще уехал. Говорят, у него есть жена Салли, которая занимается скаковыми лошадьми. Интересно, какая она из себя?

Мэддокс перекинул через плечо рюкзак. Первым делом надо разузнать, что да как. Он свято верил в необходимость предварительной разведки. Допустим, никого нет, тогда он обыщет дом, заберет книжку и смотается. Если же дома женушка, то задача даже облегчится. Мэддокс еще не встречал людей, которые проявляли бы несговорчивость под дулом пистолета.

Сойдя с дороги, Джимсон пошел вдоль ручья. Тонкая струйка воды, постоянно исчезая, мелькала среди белых камней. Ручей сворачивал налево, протекал через рощицу, состоявшую из тополей и дубов, затем скрывался за углом старой конюшни. Двигаясь медленно и осторожно, чтобы не оставлять следов, Мэддокс перелез через колючее проволочное ограждение и пробрался за конюшню. Скорчившись, раздвинул кроличьи кусты. Он хотел увидеть дом сзади.

Мэддокс смотрел внимательно, запоминал: низкое саманное строение, несколько загонов, пара лошадей, кормушки, корыто. За загонами помещался манеж. Жена Бродбента крепко держала корду, висевшую у нее на локте, – по манежу кругами ходила лошадь, на которой катался ребенок.

Мэддокс поднес к глазам бинокль, навел его на Салли. Джимсон смотрел, как она поворачивается вслед за лошастью: лицом, боком, спиной, снова и снова. Ветер растрепал ее длинные волосы, и Салли подняла руку, смахивая их с лица. Эге, да она просто куколка!

Мэддокс перевел бинокль на ребенка. Какой-то умственно отсталый, даун, что ли.

Мэддокс принялся оглядывать заднюю часть дома. Рядом с дверью – венецианское окно кухни. В городе говорили, что Бродбент при деньгах, – называли его толстосумом. Будто ветеринар вырос в особняке с прислугой и всякими там дорогими картинами да старинной мебелью. Папаша Бродбента умер год назад и оставил сыночку сто миллионов. Глядя на дом, никогда не подумаешь. Какое уж тут богатство – ну, дом, конюшня, лошади, пыльный двор и садик, ну, «интернэшнл скаут» в открытом гараже и еще старый фургон «Форд-350» под отдельным навесом. Имей Мэддокс сто миллионов, черта с два он жил бы в такой дыре.

Мэддокс положил рюкзак на землю. Достал записную книжечку и остро отточенный карандаш, из тех, какими пользуются художники, принялся набрасывать план двора и дома. Через десять минут он ползком обогнул конюшню и продрался через какой-то куст, чтобы с другой точки зарисовать передний двор и боковые дворики. Сквозь приоткрытые дверцы,

ведущие в патио, осмотрел скромную гостиную. Сам дворик был вымощен плиткой; там стоял мангал и несколько стульев. Чуть дальше – газон. Никаких наворотов вроде бассейна. Дом казался пустым. Мэддокс надеялся, что Бродбент уехал, по крайней мере его «шевроле» 57-го года в гараже не стоял, а этот тип вряд ли доверит свою колымагу кому-нибудь другому. Мэддокс не заметил ни конюха, ни работников, а ближайшие соседи жили в четверти мили отсюда.

Он внимательно рассмотрел набросок. В доме три двери: задняя, ведущая на кухню, парадная и еще двери патио, выходящие на боковой дворик. Если все они заперты, а Джимсон отнюдь не исключал эту возможность, то в дом легче будет попасть через двери патио. Они старые, а Мэддоксу в свое время помогла открыть немало замков парочка клиньев – их он носил в рюкзаке. Минута – и готово.

Он услышал, как подъехала машина, пригнулся. Через несколько секунд автомобиль, «мерседес-универсал», заехал за дом и остановился. Из него вышла женщина. Она направилась к манежу, махая рукой и что-то крича ребенку, катавшемуся верхом. Ребенок тоже замахал ей, издав радостный нечленораздельный вопль. Лошадь замедлила шаг, а Салли Бродбент помогла ребенку слезть. Он бросился к матери, обнял ее. Урок верховой езды наконец закончился. Женщины перекинулись парой слов, потом мать с ребенком сели в автомобиль и уехали.

Женушка Бродбента осталась одна.

Мэддокс следил за каждым движением Салли, пока она расседлывала и привязывала лошадь, чистила ее, нагибаясь, чтобы достать до брюха и ног. Потом Салли отвела лошадь в загон, бросила в кормушку немного люцерны и направилась к дому, отряхивая приставшие к бедрам и ягодицам травинки. Неужели впереди еще один урок? Вряд ли – не в четыре же часа.

Салли прошла на кухню сквозь заднюю дверь, которая осталась приоткрытой. Через минуту Мэддокс увидел, как женщина идет к плите мимо окна, начинает варить кофе.

Пора.

Мэддокс в последний раз посмотрел на свой набросок, убрал его в рюкзак и стал доставать снаряжение. Сначала натянул поверх ботинок полиэтиленовые хирургические тапочки, потом надел на голову сетку, резиновую шапочку и, наконец, чулок. Затем настал черед прозрачного дождевика из магазина «Уолмарт» – такие продают в маленьких упаковочках по четыре доллара. Мэддокс надел резиновые перчатки и извлек автоматический 10-миллиметровый «глок-29», полностью заряженный – с десятью патронами в магазине, весом всего в 935 граммов. Крутая пушка.

Мэддокс потер ствол о штанину и убрал оружие в карман брюк. Напоследок он вытащил упаковку презервативов, оторвал две штуки и спрятал их в нагрудный карман.

На месте преступления следов его ДНК не будет.

14

Детектив Уиллер вылез из машины и бросил окурок на асфальт. Затаптал его носком ботинка, прошел через задний вход главного полицейского управления в фойе, имевшее помпезный вид. Затем, миновав стеклянные двери и коридор с фикусом в кадке, оказался в зале заседаний отдела по расследованию убийств.

Уиллер приехал вовремя. Все уже собрались, и с приходом детектива голоса в зале стихли. Лейтенант терпеть не мог заседаний, однако деваться от них было некуда. Уиллер кивнул своему помощнику Эрнандесу и еще паре человек, взял один из пластиковых стаканчиков, пирамидкой возвышавшихся на столе, налил себе кофе, положил портфель и сел. На минуту он забыл обо всем, кроме кофе, который вопреки ожиданиям оказался свежим. Затем поставил стаканчик, расстегнул портфель и выложил папку с надписью «ЛАБИРИНТ», хлопнув ею по столу достаточно громко, чтобы привлечь всеобщее внимание.

Уиллер открыл папку, тяжело опустил на нее руку, оглядел присутствующих.

– Все здесь?

– Думаю, да, – ответил Эрнандес.

В зале закивали, слышался шепот.

Уиллер шумно отхлебнул кофе, поставил стаканчик.

– Как вам известно, дамы и господа, в Лабиринте, на необитаемой территории в районе реки Чама, совершено убийство, привлекающее к себе значительное внимание прессы. Я хочу знать, на какой стадии находится расследование и как оно продвигается. Если у кого-нибудь появились стоящие идеи, прошу их изложить.

Он оглядел зал.

– В первую очередь предлагаю выслушать отчет патологоанатома. Доктор Фейнинджер?

Патологоанатом – элегантная седая женщина в костюме, не вписывавшаяся в обстановку обшарпанного зала заседаний, – открыла тоненькую кожаную папку. Доктор Фейнинджер делала свой доклад не вставая, и голос ее звучал негромко, суховато и слегка иронично.

– С места преступления было изъято десять с половиной литров песка, пропитанного кровью. Каких-либо человеческих останков не обнаружено. Проведены все возможные тесты: на определение группы крови, на присутствие в крови наркотических веществ и некоторые другие.

– И что же?

– Кровь первой группы, резус положительный, алкоголь и наркотические вещества отсутствуют, содержание лейкоцитов относительно нормальное. Инсулин и содержание общего белка в сыворотке крови тоже в норме. Мужчина был вполне здоров.

– Мужчина?

– Да. Мы обнаружили хромосому игрек.

– Вы исследовали ДНК?

– Да.

– И?..

– Мы сверили результат со всеми базами данных, совпадений нет.

– Как так – совпадений нет? – вмешалась дама, окружной прокурор.

– Мы не имеем доступа к национальной базе данных, – терпеливо, будто разговаривая с умственно отсталой, ответила доктор Фейнинджер. По мнению Уиллера, она была недалеко от истины, избрав подобную манеру. – Обычно определить личность человека по его ДНК не представляется возможным, по крайней мере в настоящее время. Результаты анализа ДНК полезны лишь при сличении. Пока не будет найдено тело, или не объявится какой-нибудь родственник погибшего, или не обнаружатся следы крови на одежде подозреваемого, от ДНК проку нет.

– Ясно.

Уиллер глотнул кофе.

– У вас все?

– Предоставьте мне тело, и я скажу вам больше.

– Сейчас мы именно в этом направлении и работаем. Так, слушаем «К-9»⁸.

Уитли, нервный и рыжеволосый, торопливо расправил какие-то бумаги.

– Четвертого июня наши люди с шестью собаками осмотрели район совершения убийства...

Уиллер перебил его:

– Через два дня – после сильнейшего дождя, который затопил все сухие русла, смыл следы и уничтожил запахи. – Детектив замолчал, враждебно глядя на Уитли. – Я об этом

⁸ Кинологическая служба в полиции США.

упомянул для внесения в протокол нашего заседания.

– Лабиринт – территория удаленная и труднодоступная. – Уитли слегка повысил голос.

– Продолжайте.

– Четвертого июня собаки взяли след, их вели трое кинологов из Альбукерке... – Уитли поднял глаза. – У меня с собой карты. Если хотите...

– Мне от вас нужен только отчет.

– Собаки взяли след, который вполне мог оказаться верным. Они шли через каньон до Меса-де-Лос-Вьехос. Далее след стал практически неразличим вследствие недостаточной плотности почвенного покрова...

– А также вследствие выпадения нескольких миллиметров осадков.

Уитли замолчал.

– Продолжайте.

– Дальше собаки идти по следу не могли. Были предприняты три последовательные попытки...

– Спасибо, мистер Уитли, нам все ясно. Что у вас имеется на настоящий момент?

– Задействовали собак, специально обученных отыскивать трупы. Сейчас мы разбиваем район совершения преступления на квадраты, начиная непосредственно с места убийства. Для ориентирования на дне каньона используем глобальную систему навигации. Одновременно продвигаемся в глубь Лабиринта и вниз по направлению к реке. Далее по плану – обследование возвышенных участков.

– Ясно. Теперь о результатах поисков в районе реки. Джон?

– Уровень воды в реке низкий, скорость течения небольшая. Наши водолазы, двигаясь вниз по течению, обследуют все впадины и разломы. На данный момент не обнаружено ни человеческих останков, ни других следов. Мы практически достигли озера Абикию. Маловероятно, что преступник сбросил тело в реку.

Уиллер кивнул.

– Что скажут криминалисты?

Команду экспертов-криминалистов представлял Колхаун из Альбукерке, лучший сотрудник во всем штате. С ним по крайней мере отделу по расследованию убийств повезло. Колхаун в отличие от ребят из «К-9» прибыл на место преступления по первому сигналу.

– Мы провели исчерпывающее исследование обнаруженных частиц и волокон, но знаете, лейтенант, сделать это было весьма проблематично, ведь работать нам пришлось в самой настоящей грязной песочнице. Наши люди собрали все, что хотя бы отдаленно напоминало предметы искусственного происхождения, в радиусе ста футов вокруг места преступления. Прочесали и второй участок, в двухстах двадцати ярдах к северо-востоку, где, по-видимому, стоял осел, – там найден помет животного. И еще мы осмотрели третий участок – отвесные утесы, те, что наверху.

– Третий участок, говорите?

– Сейчас расскажу и о нем, лейтенант. Убийца превосходно уничтожил следы и стер отпечатки, однако удалось обнаружить довольно большое количество волос, искусственные волокна и засохшую пищу. Скрытых отпечатков не имеется. Найдены две пули.

– Ну-ка, ну-ка. – Уиллер слышал о пулях, однако еще ничего не знал о результатах экспертизы.

– Стандартные натовские пули калибра 5,56 миллиметра, в металлической оболочке, сердцевина – из свинцового сплава, стабилизатор стальной. Их легко распознать по зеленой головке. Вероятно, наш стрелок использовал винтовку М-16 или сходное военное оружие.

– Возможно, он сам бывший военный.

– Не обязательно. Есть немало любителей, предпочитающих эту игрушку. – Колхаун заглянул в свои записи. – Одна пуля засела в земле, мы отыскиали, где именно она вошла в почву, что дало нам представление о том, под каким углом был сделан выстрел. Убийца стрелял сверху, под углом тридцать пять градусов к горизонту. Определив угол, мы смогли установить, где находился стрелявший: в засаде на верхнем крае каньона. Это и есть третий

участок, о котором вы спрашивали. Наши ребята обнаружили несколько полустертых следов, пару хлопчатобумажных волокон, возможно, от платка или легкой рубашки. Гильз нет. Мы потратили уйму времени, добираясь до места засады. Преступник знал местность и наверняка планировал убийство заранее.

– Тогда можно предположить, что он местный житель.

– Или кто-нибудь, кто хорошенько изучил территорию.

– А на третьем участке волосы были?

– Нет, мы их не нашли.

– Что со второй пулей?

– Она деформировалась и расщепилась при прохождении сквозь тело жертвы. Кровь на этой пуле та же, что и на песке. Скрытых отпечатков нигде нет.

– Еще что-нибудь?

– Еще шерстяные и хлопчатобумажные волокна, найденные на месте преступления, – их анализ пока не завершен. Также имеется человеческий волос с корнем. Светло-русый, прямой, принадлежит белому.

– Убийце?

– Кому угодно: жертве, убийце, одному из ваших полицейских. Может, даже мне. – Колхаун усмехнулся, провел рукой по своим редеющим волосам. – У нас были подобные случаи. Проанализируем ДНК из волоса, посмотрим, совпадет ли с тем, что показал анализ крови. Возможно, придется действовать методом исключения, тогда понадобятся волосы ваших ребят.

– А Бродбент – человек, который нашел труп? У него прямые светлые волосы.

– И у Бродбента возьмем волос.

Уиллер поблагодарил Колхауна и повернулся к своему помощнику:

– Эрнандес?

– Я разузнал кое-что о Бродбенте. Он много ездит верхом по Высоким Плоскогорьям.

– И почему же он оказался в Лабиринте в тот вечер?

– Бродбент говорит, что ехал по каньону Хоакина, избрав кратчайший путь.

– Избрав путь подлиннее, вы хотите сказать.

– Он утверждает, что любит верховые прогулки по тем местам.

Уиллер хмыкнул.

– Так вот, Бродбент проводит в каньоне много времени.

– И чем же он там занимается?

– Ну, верхом ездит.

– А разве он не ветеринар? Мне казалось, ветеринары – люди занятые.

– У него есть помощник, парень по имени Шейн Макбрайд.

Уиллер снова хмыкнул. Бродбент не понравился ему с самого начала, детектив чувствовал: этот тип что-то скрывает. С трудом верилось, что он случайно оказался в каньоне в момент совершения убийства.

– Эрнандес, поручаю вам разузнать, не интересовался ли Бродбент в последнее время каньоном и Лабиринтом – возможно, он производил там геологическую разведку или индейскую посуду раскапывал, кто знает.

– Есть, сэр.

– Вы рассматриваете его в качестве подозреваемого? – последовал вопрос от окружного прокурора.

– Он, что называется, лицо, представляющее интерес для следствия.

Окружной прокурор издала короткий смешок.

– Ага, ясно.

Уиллер нахмурился. В последнее время не так уж много пойманных и осужденных преступников: неудивительно, когда кресло окружного прокурора занимают подобные личности. Детектив огляделся.

– Ценные предложения имеются?

Колхаун сказал:

– В принципе это вне моей компетенции, но вот интересно – есть в тех каньонах какой-нибудь постоянный источник воды?

– Не знаю. А что?

– Если там есть вода, тогда место отлично подходит для выращивания марихуаны.

– Возьмем это на заметку. Эрнандес?

– Я выясню, лейтенант.

15

Доходяга Мэддокс как раз выбирался из своего укрытия в зарослях чамисы, когда в доме раздался резкий телефонный звонок.

Джимсон поспешно присел и посмотрел в бинокль. Салли поднялась из-за стола и пошла в гостиную – снять трубку. Женщина скрылась из виду. Мэддокс выжидал. Должно быть, она болтает по телефону.

Мэддокс видел телефонный кабель, огибающий угол дома. Джимсон отказался от мысли перерезать провод, поскольку сейчас многие дома снабжены частными системами сигнализации. Нельзя же пожаловать в дом, пока хозяйка треплется по телефону... Мэддокс ждал пять минут. Десять. Зудела голова под чулком, прели руки в резиновых перчатках. Салли вновь появилась в гостиной с чашкой кофе в одной руке, другой она прижимала трубку к уху, что-то говорила и кивала. Никак не закончит свою болтовню! Нетерпение Мэддокса усилилось. Он попытался совладать с ним: закрыл глаза, стал твердить мантру – никакого толку. Чересчур на взводе.

Мэддокс стиснул пистолет. В нос ударил неприятный запах резиновых перчаток.

Салли дважды обошла гостиную. Женщина говорила и смеялась, ее светлые волосы струились по спине. Она взяла щетку и, склонив голову набок, стала их расчесывать. Красота – длинные золотистые волосы, наэлектризовавшись, распушились, да еще солнце подсвечивало их, когда Салли проходила мимо окна. Она поднесла трубку к другому уху и опять стала расчесываться, слегка покачивая бедрами. Потом вышла на кухню.

Мэддокс задрожал от нетерпения. Из своего наблюдательного пункта он не видел ее, однако рассчитывал, что она наконец скоро положит трубку. И оказался прав: Салли появилась в гостиной уже без телефона и, выйдя в прихожую, снова скрылась – похоже, пошла в туалет.

Пора.

Мэддокс поднялся, по газону прокрался к дверям патио, прижался к стене дома. Достал из кармана длинный гибкий клинышек, втиснул его между дверным косяком и самой дверью. Мэддокс не видел, что творится в доме, однако не пройдет и минуты, как он очутится внутри, Салли еще даже в комнату вернуться не успеет.

И вот клин в щели. Мэддокс продвинул его глубже, чуть пустил, нащупал и зацепил задвижку, с силой дернул вниз.

Послышался щелчок, Мэддокс взялся за дверную ручку, готовясь войти.

И вдруг замер. Где-то в доме хлопнула дверь. Кухонная, ведущая на задний двор. Послышался хруст шагов по гравию подъездной аллеи, шаги свернули за угол... Мэддокс пригнулся, сел на корточки, спрятавшись за кустом рядом с дверью патио, и сквозь листву увидел Салли, быстро идущую к гаражу. В руке у нее позвякивали ключи. Женщина скрылась в гараже, а через минуту взревел мотор и показался «интернэшнл скаут». Автомобиль выехал за ворота, взметнув тучу пыли.

Мэддоксом овладела бессильная ярость, смешанная с разочарованием и раздражением. Эта сучка даже не знает, до чего ей повезло. Теперь ему придется обыскивать дом без ее помощи.

Мэддокс подождал минут пять, пока уляжется пыль, потом встал, аккуратно открыл дверь патио, проник внутрь, закрыл дверь за собой. В доме было прохладно, пахло розами.

Мэддокс овладел дыханием и взял себя в руки, сосредоточиваясь на предстоящих поисках.

Он начал с кухни, действуя проворно и методично. Прежде чем притронуться к какой-нибудь вещи, замечал, где она стоит или лежит, и потом возвращал ее точно на прежнее место. Если блокнота в доме нет, ни к чему волновать хозяев понапрасну. Если же блокнот здесь, то Мэддокс его найдет.

16

Доктор Айэн Корвус подошел к окну с видом на Центральный парк. В металлически блестящей поверхности озера отражалось вечернее солнце. Взгляду доктора предстала лодка, медленно скользившая по воде: отец с сыном на прогулке, и тот и другой держат весло. Корвус смотрел, как весла погружаются в воду, и лодка неспешно пересекает озеро. Юный сын, казалось, еле справляется со своим веслом. В конце концов оно выскочило из ключины и, сорвавшись, поплыло прочь.

Отец поднялся, гневно замахал руками. Немая сцена, пантомима, разыгрываемая в отдалении.

Отец и сын... Корвуса слегка затошнило. Очаровательный маленький спектакль, напомнивший доктору о его собственном отце, который был одним из крупнейших английских биологов и до последнего времени сотрудничал с Британским музеем. К тридцати пяти годам – нынешний возраст самого Корвуса – отец уже состоял в Британской Академии, был лауреатом Криппеновской медали и значился в списке тех, кому королева намеревалась вручить по случаю дня рождения орден Британской империи. Корвус задрожал от застарелого гнева, вспомнив отцовское усатое лицо, покрытые сеточкой сосудов щеки, военную выправку, руку в старческих пятнах, неизменно сжимавшую бокал виски с содовой, и голос, изрекающий язвительные замечания. Старый паршивец отправился на тот свет десять лет назад в результате инсульта – грохнулся замертво, рассыпав кубики льда по старинному французскому ковру в их лондонском особняке. Корвус-младший, разумеется, унаследовал много всякой всячины, однако ни огромное наследство, ни имя не помогли ему получить должность в Британском музее, единственном месте, где он хотел работать.

И вот сейчас, в тридцать пять лет, Корвус до сих пор служил помощником смотрителя в отделе палеонтологии, вынужденный в ожидании постоянной штатной должности пресмыкаться перед руководством. Без нее Корвус был ученым лишь наполовину, а значит, каким-то неполноценным. Помощник смотрителя. Он почти чувствовал душок поражения, исходивший от этих слов. Корвус никогда не вписывался в работу того вечного двигателя, который представляла собой американская академическая среда. Доктор слишком выделялся на фоне прочих научных кадров – безликой серой массы. Корвус понимал, что он вспыльчив, язвитель и нетерпелив и не участвует в их играх. Его заявление о приеме на постоянную должность рассматривалось еще три года назад, но принятие окончательного решения отложили. Результаты палеонтологических исследований Корвуса в западном Китае, в долине Тунг-Нор, не помогли. В последние три года он развил бурную деятельность... и все зря. Пока что.

Корвус посмотрел на часы. Пора идти на эту проклятую встречу.

Кабинет доктора Кушмана Пиэла, президента музея, располагался в юго-западной башне; его окна выходили на музейный парк и выполненный в неоклассическом стиле фасад здания нью-йоркского Исторического общества. Секретарь Пиэла проводил Корвуса до двери и вполголоса объявил о его приходе. «Почему так выходит, – думал Корвус, в преддверии высочайшей аудиенции изображавший любезную улыбку, – что люди всегда говорят шепотом при королях и при крестинах?»

Пиэл вышел из-за стола, дабы поприветствовать доктора, твердо, по-мужски пожал ему руку, а другой хлопнул по плечу – так обычно делают коммивояжеры. Затем президент усадил Корвуса в старинное кресло в стиле «шейкер» у отделанного мрамором камина. Там горел огонь, не то что в камине у Корвуса. Лишь удостоверившись, что гостю удобно, Пиэл

сел, демонстрируя старосветскую обходительность. Грива седых волос, зачесанных назад, темно-серый костюм и неспешная старомодная манера говорить – Пиэл выглядел прирожденным директором музея. Все это показное, Корвус знал: за внешней утонченностью кроются изворотливость и нюх хорька.

– Айэн, как поживаете? – Пиэл откинулся на спинку кресла, сложил руки домиком.

– Прекрасно, спасибо, Кушман, – ответил Корвус, кладя ногу на ногу и расправляя стрелки на брюках.

– Чудно, чудно. Что вам предложить? Воды? Кофе? Хересу?

– Ничего, благодарю.

– Лично я позволяю себе стаканчик хересу в пять часов – в этом отношении я порочен.

Ну да, конечно. У Пиэла с супругой была разница в тридцать лет, жена обманывала его с молоденьким смотрителем археологического отдела, и если уж не порок выставить себя стариком-рогоносцем, то жениться на женщине, которая моложе твоей собственной дочери, – порок, вне всякого сомнения.

Секретарь принес на серебряном подносе хрустальный стаканчик, наполненный янтарной жидкостью. Пиэл с изысканным видом отпил из стаканчика.

– "Грэмз тони" урожая шестьдесят первого года. Божественный нектар.

Корвус ждал, сохраняя вежливо-нейтральное выражение лица.

Пиэл поставил стакан.

– Я не буду ходить вокруг да около, Айэн. Как вы знаете, снова поднят вопрос о выделении вам постоянной штатной должности. Кафедра палеонтологии начнет обсуждение в первых числах следующего месяца, процедура известная.

– Естественно.

– И проходит она вторично, это вы тоже знаете. Кафедра выносит свою рекомендацию мне на рассмотрение. Формально последнее слово за мной, однако за десять лет моего президентства я ни разу не выступил против решения кафедры. Так же я намерен поступать и впредь. Мне неизвестно, что решит кафедра относительно вас. Я не говорил на эту тему с ее сотрудниками, да и не собираюсь говорить. Но мне бы хотелось дать вам один совет.

– Всегда рад выслушать ваш совет, Кушман.

– Мы – сотрудники музея. Исследователи. К счастью, здесь у нас не университет, нам не нужно обучать толпу студентшек. Мы можем всецело посвятить себя исследованиям и публикациям. Следовательно, если публикаций недостаточно – это непростительно.

Он умолк, чуть приподняв бровь, словно желая подчеркнуть тонкость своего замечания, которое, как обычно, могло по тонкости сравниться разве что с корабельным канатом.

Пиэл взял лист бумаги.

– Вот список ваших публикаций. Вы являетесь сотрудником музея уже девять лет, а статей я насчитал одиннадцать – приблизительно одна статья в год.

– Главное не количество, а качество.

– Я работаю в другой сфере, нежели вы, – я энтомолог, так что простите, о качестве судить не могу. У вас, разумеется, хорошие работы. Никто еще не поставил под сомнение их качество, и каждому известно: неудача китайской экспедиции – лишь досадная случайность. Однако же всего одиннадцать статей?.. Некоторые наши зрители публикуют по одиннадцать в год.

– Любому под силу накропать статейку только ради публикации. Я предпочитаю дожидаться, пока у меня действительно будет что сказать.

– Ну-ну, Айэн, вы же знаете – это неправда. Да, я согласен, подход «хоть умри, но опубликуйся» порой имеет место. Однако мы – Музей естественной истории, и практически все труды, публикуемые нашими сотрудниками, мирового уровня. Впрочем, я уклонился от темы. За последний год вы не опубликовали ничего, и я пригласил вас сюда, поскольку предполагаю, что вы работаете над чем-то важным.

Президент приподнял брови – дескать, задан вопрос.

Корвус переменял положение ног. Он чувствовал, как от попытки улыбнуться у него напряглись мышцы вокруг рта. Унижение было почти непереносимо.

– Да, я действительно работаю над важным проектом.

– Могу ли я узнать, над каким именно?

– В настоящий момент ситуация с ним достаточно сложная, однако через неделю-другую я смогу представить проект вам и специальной комиссии – разумеется, конфиденциально. Первичные результаты моей работы скажут сами за себя.

Пиэл пристально посмотрел на Корвуса, улыбнулся.

– Отлично, Айэн. Дело в том, что вы, на мой взгляд, прекрасный сотрудник музея и, разумеется, немаловажное значение имеет ваше прославленное имя, у нас в памяти оно неразрывно связано с вашим выдающимся отцом. Я задаю вам вопросы о публикациях лишь постольку, поскольку желаю дать совет. Заметьте, если кафедра не присваивает смотрителю музея постоянной штатной должности, мы воспринимаем эту неудачу весьма болезненно, скорее как свой личный промах. – Пиэл поднялся, широко улыбаясь. – Желаю вам удачи.

Выйдя из кабинета президента, Корвус пошел по длинному коридору пятого этажа. Безмолвная ярость переполняла доктора, и он едва мог вздохнуть. Тем не менее Корвус сохранял на лице улыбку, кивал направо и налево, бормотал приветствия коллегам, покидавшим музей в конце рабочего дня, – стадо возвращается на благоустроенные загоны в безликих американских предместьях Коннектикута, Нью-Джерси и Лонг-Айленда.

17

Обстановка беленой комнаты, помещавшейся позади ризницы монастыря Христа в Пустыне, ограничивалась всего четырьмя предметами: неудобным деревянным табуретом, грубо сколоченным столом, распятием и ноутбуком «Эппл G4», который вместе с принтером работал на универсальном аккумуляторе с солнечной батареей. За компьютером сидел дрожащий от нетерпения Уайман Форд. Он только что загрузил две криптоаналитические программы и готовился применить их к шифру из блокнота, полностью, до последней цифры введенному в ноутбук. Форд уже понял: перед ним не простой код, поскольку обычные приемы расшифровки не сработали. Тут было в самом деле нечто особенное.

Уайман поднял палец и аккуратно нажал на клавишу. Одно движение, и вот первая программа запущена.

Это была не дешифрующая программа как таковая, скорее структурный анализатор, который по системе расположения цифр определял тип кода: подстановочный или перестановочный, с перешифровкой или без, номенклатурный или многоалфавитный. Форд уже выяснил, что данный шифр не является шифром с открытым ключом, основанным на перемножении больших простых чисел. Однако дальше этого Уайману продвинуться не удавалось.

Через каких-то пять минут компьютер дал звуковой сигнал – первая программа завершила анализ. Появившийся на экране результат потряс Форда:

ТИП ШИФРА НЕ ОПРЕДЕЛЕН

Он просмотрел результаты структурного анализа, числовые частотные таблицы, вероятностные распределения. Цифры располагаются не беспорядочно – программа выделила все возможные структуры и случаи отклонения от произвольной комбинации. Значит, в цифрах заключена информация. Но какая именно и каким образом она закодирована?

Форд не был удручен, скорее наоборот. Он испытывал внутренний трепет. Чем мудренее шифр, тем более любопытные сведения в нем скрыты. Уайман запустил следующую программу, частотный анализатор отдельных цифр, числовых пар и триплетов, и одновременно загрузил частотные таблицы наиболее распространенных языков. Но и здесь его постигла неудача: не обнаружилось ни одного соответствия между имеющимися

цифрами и буквами как английского, так и прочих языков.

Он просидел за компьютером пять часов подряд.

Проклятие.

Форд перевел взгляд на экран. Каждое число в шифре состоит из восьми цифр, а восемь цифр образуют байт, следовательно, это машинный код. А ведь его нацарапали карандашом в грязном блокноте, скорее всего – посреди пустыни, где поблизости нет никаких компьютеров. Кроме того, Форд уже пробовал перевести цифры кода, сгруппированные по восемь, в двоичный и шестнадцатеричный коды, а также в ASCII⁹ и применить к полученным результатам дешифрующие программы, однако снова потерпел неудачу.

Дело принимало неожиданный оборот.

Форд взял блокнот, открыл и пролистал его. Старая записная книжка. Кожаная обложка истерта и кое-где порвана, между захватанными страничками набился песок. Блокнот слегка пах дымом от костра. Крупные цифры выведены остро отточенным карандашом, твердо и четко, аккуратными рядами и столбцами, которые представляли собой подобие решетки. Почерк ровный, должно быть, все записи сделаны за один раз. И ни на одной из шестидесяти страниц нет помарок или исправлений. Цифры, несомненно, откуда-то переписаны.

Форд закрыл блокнот. Сзади обложка испачкана, пятно до сих пор немного липкое. Кровь, догадался потрясенный Уайман. Он вздрогнул и быстро положил блокнот. Увидев кровь, Форд вдруг вспомнил, что все это не игрушки, что недавно убили человека и блокнот, вероятно, содержит указания относительно того, как найти сокровища.

«Куда же я ввязываюсь?» – думал Уайман Форд.

Вдруг он почувствовал: сзади кто-то есть. Обернулся – оказалось, вошел настоятель монастыря. Аббат стоял, заведя руки за спину, слегка улыбался и пристально смотрел на Форда живыми черными глазами.

– Нам не хватало вас, брат Уайман.

Форд поднялся.

– Простите, отец мой.

Настоятель взглянул на цифры на экране компьютера.

– Вы, должно быть, заняты неким важным делом.

Уайман промолчал. Он сомневался, представляет ли его занятие важность в том смысле, который подразумевал настоятель. Форду стало стыдно. Именно эта вошедшая в привычку одержимость работой навлекла на Уаймана беду в мирской жизни, именно эта маниакальная поглощенность выполняемой задачей, заставляющая позабыть обо всем на свете. После гибели Джулии Форд так и не смог простить себе бесчисленных вечеров, когда он допоздна засиживался за работой, вместо того чтобы разговаривать с женой, ужинать с ней, ласкать ее.

Форд ощущал пристальный, но доброжелательный взгляд настоятеля, однако был не в силах поднять глаза.

– Ora et labora – молись и работай, – с прохладцей проговорил аббат. – Вот две противоположности. Молясь, мы прислушиваемся к Богу, работая – беседуем с Ним. Монашеская жизнь есть стремление к полному равновесию между первым и вторым.

– Понимаю, отец мой. – Уайман чувствовал, что краснеет. Настоятель всегда поражал его простыми и одновременно мудрыми словами.

Аббат положил Форду руку на плечо. Сказал: «Я рад», – затем повернулся и вышел.

Уайман сохранил результаты работы в памяти компьютера и на компакт-диске, выключил ноутбук. Положил блокнот и диск в карман, а вернувшись в свою келью, убрал их в прикроватную тумбочку. Неужели он с помощью программ вскрыл чьи-то темные делишки? Возможно ли подобное?

Уайман склонил голову и забыл обо всем, кроме молитвы.

⁹ Американский стандартный код обмена информацией.

Том смотрел, как детектив Уиллер меряет шагами гостиную его жилища. Медленная тяжелая поступь лейтенанта непостижимым образом свидетельствовала о бесцеремонном отношении полиции к хозяевам. На детективе была клетчатая спортивная куртка, серые брюки и голубая рубашка. Галстука он не носил. Уиллер размахивал в такт ходьбе короткими руками, на костлявых кистях которых выступили вены. Малорослый детектив выглядел лет на сорок пять; узколицый, плосконосый, с запавшими черными глазами и покрасневшими веками, он имел вид человека, всерьез страдающего бессонницей.

На некотором расстоянии за детективом трусил его товарищ с открытой записной книжкой в руке, пухлый, вежливый и обходительный Эрнандес. Они прибыли в сопровождении толковой седоволосой женщины, представившейся доктором Фейнинджер, судебно-медицинским экспертом. Салли сидела на диване рядом с Томом.

– На месте преступления обнаружен человеческий волос, – сказал Уиллер, медленно повернувшись на каблуках. – Доктор Фейнинджер хочет выяснить, не принадлежит ли он убийце. Для этого требуется исключить возможность того, что волос обронен кем-то, также побывавшим на том участке.

– Понятно.

Том почувствовал: черные глаза детектива буквально просверливают его насквозь.

– В таком случае, если у вас нет никаких возражений, подпишите вот здесь.

Том поставил свою подпись на нужном бланке.

Подошла доктор Фейнинджер с небольшим черным пакетом в руках.

– Присядьте, пожалуйста.

– Со мной будут делать что-то опасное? А я и не знал. – Том попытался улыбнуться.

Последовал резкий ответ:

– Я возьму несколько волосков с вашей головы – выдерну их, придерживая у самого корня.

Том сел, переглянувшись с Салли. Он был абсолютно уверен: к нему пришли не только ради каких-то волосков. Том смотрел, как женщина-патологоанатом достает из черного пакета пару пробирок и несколько клеящихся ярлычков.

– А пока, – сказал Уиллер, – мне хотелось бы прояснить еще некоторые моменты. Не возражаете?

«Ну вот, приехали», – подумал Том.

– Мне требуется адвокат?

– Вы имеете право воспользоваться его услугами.

– Я нахожусь под подозрением?

– Нет.

Том махнул рукой.

– На адвоката уйдет уйма денег. Давайте так.

– Вы говорите, что в ночь совершения убийства ехали верхом вдоль Чамы.

– Да, верно.

Том почувствовал, как пальцы доктора Фейнинджер копошатся у него в волосах, словно примериваясь. В одной руке она держала внушительных размеров пинцет.

– Вы утверждаете, что ехали через каньон Хоакина кратчайшим путем?

– Вообще-то этот путь не такой уж короткий.

– Вот и я о том же. Почему вы поехали именно там?

– Я уже говорил: люблю те места.

Наступило молчание. Было слышно, как Эрнандес чиркает ручкой по бумаге, как шелестит переворачиваемая страница блокнота. Доктор Фейнинджер выдернула у Тома один волосок, другой, третий.

– Все, – объявила она.

– Сколько еще вы проехали в ту ночь? – продолжал Уиллер.

– Миль десять или двенадцать.

– Сколько примерно это заняло времени?

– Часа три-четыре.

– Выходит, вы выбрали короткий путь, который на самом деле оказался длинным, да еще на закате, и вам предстояло ехать в темноте по меньшей мере три часа.

– В ту ночь было полнолуние, и я заранее планировал длительную прогулку. Мне хотелось ехать домой при луне, вот в чем все дело.

– Ваша жена ничего не имеет против поздних возвращений?

– Нет, его жена ничего не имеет против поздних возвращений, – сказала Салли.

Уиллер продолжал по-прежнему бесстрастно:

– И услышав выстрелы, вы пошли посмотреть, что случилось?

– Разве я не отвечал уже на эти вопросы, детектив?

Полицейский упорствовал:

– Вы сказали, что обнаружили неизвестного мужчину, находившегося при смерти. Вы делали ему искусственное дыхание, поэтому на вашей одежде его кровь.

– Да.

– И тот мужчина говорил с вами, просил разыскать свою дочь по имени... Робби, так, кажется?... и сообщить ей о его находке. Однако неизвестный умер, не успев объяснить, что именно он нашел. Правильно?

– Мы все это уже обсуждали. – Том не рассказал, да и не собирался рассказывать, ни о записной книжке погибшего разведчика-старателя, ни об упомянутом им кладе. Он сомневался, что полиция сумеет сохранить все в тайне, а весть о неведомых сокровищах неизбежно повлечет за собой старательский бум.

– Он вам ничего не отдавал?

– Нет. – Том сглотнул слюну. Удивительно, до чего же мерзко лгать.

Тут Уиллер засопел, уставился в пол.

– Вы ведь часто ездите верхом там, среди плоскогорий?

– Да.

– Ищите что-нибудь?

– Да.

Уиллер пробуравил Тома глазами.

– Что?

– Тишину и покой.

Детектив нахмурился.

– Каков же ваш маршрут?

– Я езжу повсюду: к Лабиринту, через Меса-де-Лос-Вьехос, Английские Скалы, Ла-Кучилью, иногда до самых Эхо-Бэдлендс, если выбираюсь на ночь.

Уиллер обратился к Салли:

– Вы ездите с ним?

– Иногда.

– Мне сообщили, что вчера во второй половине дня вы побывали в монастыре Христа в Пустыне.

Том поднялся.

– Кто вам сказал? За мной установлена слежка?

– Спокойнее, мистер Бродбент. Ваш пикап трудно не заметить. И практически вся дорога видна, разрешите вам напомнить, с вершины Меса-де-Лос-Вьехос, где наши люди разыскивают тело и улики. Так вот, вы действительно ездили в монастырь?

– Мне обязательно отвечать на этот вопрос?

– Нет. В случае вашего отказа я пришлю вам повестку, вот тогда-то и понадобится пресловутый адвокат, а на соответствующие вопросы будете отвечать в главном полицейском управлении под присягой.

- Вы мне угрожаете?
- Я констатирую факт, мистер Бродбент.
- Том, – вмешалась Салли, – успокойся.

Том сглотнул.

- Да, я туда ездил.

- С какой целью?

Том замялся.

- Навестить приятеля.

- Его имя?

- Брат Уайман Форд.

Чирк-чирк – Уиллер писал, втягивая воздух сквозь стиснутые зубы.

- Этот брат Форд – монах?

- Послушник.

- Для чего вам понадобилось с ним встречаться?

– Хотел узнать, читал ли он или, может, слышал что-нибудь о том убийстве в Лабиринте.

Опять ложь, ужасно. Том начал понимать: возможно, Салли, Шейн и Форд были правы, и ему не следовало прятать у себя блокнот. Но ведь он, черт возьми, обещал!

- И что же?

- Ему ничего не известно.

- Совсем ничего?

- Совсем ничего. Он даже не знал об убийстве. Он не читает газет.

Если полицейские придут к Форду, интересно, солжет ли Уайман насчет записной книжки? Вряд ли – он, в конце концов, монах.

Уиллер поднялся.

– Вы еще некоторое время будете дома? На тот случай, если нам снова понадобится с вами поговорить?

- Пока я не собираюсь уезжать.

Уиллер кивнул, посмотрел на Салли:

- Извините за беспокойство, мэм.

- Я вам не «мэм»! – отрезала Салли.

– Не хотел вас обидеть, миссис Бродбент. – Он повернулся к доктору Фейнинджер. – Вы взяли все необходимое?

- Да.

Том проводил их до двери. На выходе Уиллер остановился, не сводя с Бродбента своих черных глаз.

– Давать ложные показания офицеру полиции – значит препятствовать осуществлению правосудия. Это уголовное преступление.

- Я в курсе.

Детектив развернулся и вышел. Том убедился, что полицейская машина отъехала, вернулся в дом и закрыл дверь. Салли стояла посреди гостиной, скрестив на груди руки.

- Том...

- Не надо.

- Нет уж, я скажу. Ты завяз по самую шею. Тебе нужно отдать им блокнот.

- Уже слишком поздно.

- Нет, не поздно. Ты можешь все объяснить. Они поймут.

- Черта с два они поймут. И потом, я дал слово, сколько раз повторять!

Она вздохнула, опустила руки.

- Том, ну почему ты такой упрямый?

- А то ты не упрямая.

Салли опустилась на диван рядом с мужем.

- Ты невыносим.

Он обнял ее.

– Извини уж, но ведь тебе как раз такого мужа и надо.

– Да, наверное. – Она вздохнула. – А мне сегодня, когда я вернулась домой, показалось, что здесь кто-то побывал.

– С чего ты взяла? – встревожился Том.

– Не знаю. Ничего не пропало, все вещи на своих местах. Просто жутко как-то стало, в доме будто чувствовался чужой запах.

– Ты уверена?

– Нет.

– Надо бы заявить в полицию.

– Том, ты заявишь о вторжении, и Уиллер тебя доконает. Во всяком случае, я ничего не могу утверждать наверняка, у меня просто возникло неприятное ощущение.

На минуту Том задумался.

– Салли, это серьезно. Мы уже знаем, что найден клад, из-за которого кто-то вполне может совершить убийство. Мне будет спокойнее, если ты достанешь свой «смит-вессон» и будешь держать его под рукой.

– Я не хочу, как дурочка, разгуливать с револьвером!

– Ну, я прошу. Когда ты вооружена, с тобой шутки плохи, ты это в Гондурасе доказала.

Салли встала, выдвинула ящик тумбочки, на которой стоял телефон, достала ключ и пошла отпирать один из шкафчиков в чулане. Через минуту она вернулась с револьвером и коробкой патронов 38-го калибра, открыла барабан, вставила пять патронов в гнезда и затолкала полностью заряженный револьвер в передний карман джинсов.

– Доволен?

19

Остановившись у края дороги, Джимсон Мэддокс протянул пухлощекому служителю ключи от машины и пятидолларовую купюру, а сам прошел в холл отеля «Эльдорадо». Приятно поскрипывали новые ботинки Мэддокса («Луккези», змеиная кожа). Он остановился, огляделся по сторонам, одернул крутку. На одном конце огромного холла пылал камин, на другом – какой-то старикан сидел за большим роялем и играл «Мисти»¹⁰. Вдалеке располагалась стойка бара, отделанная светлым деревом.

Мэддокс не спеша проследовал к бару, повесил сумку с ноутбуком на спинку стула, сел сам.

– Кофе без сливок.

Бармен кивнул и вернулся с чашкой кофе и вазочкой соленого арахиса.

Мэддокс сделал глоток.

– Эй, кофе не так чтобы уж очень свежий, нельзя ли новый сварить?

– Да, сэр, конечно, можно. Примите мои извинения.

Бармен молниеносно убрал чашку и скрылся в глубине бара.

Мэддокс полез пальцами в вазочку с арахисом, забросил в рот несколько орешков, посмотрел на сновавших туда-сюда людей. Они были похожи на него самого: у всех рубашки поло, спортивные куртки, добротные вельветовые или шерстяные брюки. Эти люди ведут благопристойную жизнь, у них по трое-четверо детишек, две машины в гараже и приличный заработок. Мэддокс оперся о спинку стула, разгрыз еще пару орешков. Странно, сколько привлекательных теток средних лет – вот как та, что сейчас идет через холл, в коричневых брючках, в свитере, с жемчужными побрякушками и черной сумочкой – прямо исходят слюной при мысли о каком-нибудь татуированном качке, мотающем изрядный срок за изнасилование, убийство или разбойное нападение. Сегодня вечером Мэддоксу предстоит

¹⁰ «Мисти» («Туманно») – композиция Эрролла Гарнера, известного американского пианиста.

много работы, на сайте нужно разрекламировать по крайней мере двадцать новых рыл. Некоторые письма были до того безграмотные, что их фактически приходилось переписывать заново. Ну и ладно – желающих посетить сайт не убавляется, спрос на заключенных неуклонно растет. Денежки еще никогда не доставались Мэддоксу так легко. Самое удивительное, на сей раз они попадают к нему в карман вполне законно: все расчеты производятся с помощью кредитной карты через интернетовскую биллинговую компанию, которая снимает свой процент. Остальное же переправляется на банковский счет Мэддокса.

Сколько бед он мог бы избежать, если б знал, как просто заработать деньги честным путем!

Мэддокс сгрыз еще несколько орехов и отодвинул вазочку – о фигуре тоже надо помнить. Подоспел бармен с чашкой свежесваренного кофе.

– Прошу прощения, что так долго. Еще раз извините.

– Ничего страшного. – Мэддокс сделал глоток. – Спасибо.

– Не за что, сэр.

Доходяга Мэддокс мысленно обратился к насущной проблеме. В доме блокнота нет. Значит, Бродбент или повсюду таскает его с собой, или запрятал куда-нибудь, возможно, в банковский сейф. Где бы блокнот ни находился, Мэддокс теперь не станет прибегать к краже. Он раздражался все сильнее. Бродбент так или иначе ввязался в это дело по самое не балуй. Вероятно, Бродбент – соперник Уэзерса, а может, его партнер.

В ушах у Мэддокса до сих пор звучал голос Корвуса, с британским акцентом произносящий: «Блок-нот». Существует лишь один путь: вынудить Бродбента отдать записную книжку. На него нужно надавить.

Значит, понадобится женушка.

– Первый раз в Санта-Фе? – Бармен прервал ход мыслей Мэддокса.

– Да.

– Дела?

– Что ж еще? – ухмыльнулся Мэддокс.

– Вы приехали на конференцию по лапроскопической хирургии?

Господи, Мэддокс, оказывается, еще и на доктора смахивает. Врачишка из Коннектикута, приехавший на междусобойчик с коллегами. А все расходы оплатил какой-нибудь фармацевтический гигант. Видел бы только бармен татуировку Мэддокса во всю спину до самого зада! Он бы в штаны наложил...

– Нет, – вежливо ответил Мэддокс, – я специалист по работе с персоналом.

20

На следующее утро Том получил письмо по электронной почте:

«Том, я „расшифровал“ дневник – вы не поверите, что получилось. Повторяю, не поверите. Скорее приезжайте в монастырь, говорю сразу: вы будете немало удивлены.
Уайман».

Бродбент сразу же отправился в путь. Его буквально лихорадило от нетерпения, когда «шеви» преодолевал последнюю милю на ухабистой дороге, ведущей к монастырю.

Вскоре над зарослями чамисы показалась монастырская колокольная. Припарковавшись, Том вышел из автомобиля. Позади пикапа взвилось облако пыли. Через минуту из церкви, расположенной на возвышении, прибежал брат Уайман. Сутана его развевалась, и монах походил на гигантскую летучую мышь.

– Сколько же времени вам понадобилось, чтобы взломать код? – спросил Том, когда они стали взбираться наверх. – Двадцать минут?

– Двадцать часов. Я его так и не взломал.

– Не понимаю...

– Это был не код, в том-то все и дело.

– Не код?

– Да, вот на чем я, собственно, и сел в лужу. Я упорно считал эти столбцы и ряды цифр неким шифром. Все программы, через которые я их пропускал, показывали, что цифры расположены не в беспорядке, что они четко структурированы, но с какой целью? Этот шифр не был ни кодом простого числа, ни подстановочным или перестановочным, он вообще не соответствовал ни одному из известных мне видов шифровки. Я зашел в тупик, а потом меня все-таки осенило: передо мной вовсе не код.

– А что же тогда?

– Данные.

– Данные?

– Я был полным идиотом. Мне бы сразу догадаться... – Они приблизились к трапезной, и Форд умолк, приложив палец к губам.

Том и Уайман вошли в помещение, миновали коридор и оказались в маленькой, прохладной беленой комнате. Ноутбук «Эппл» стоял на грубом деревянном столе под распятием, имевшим неприятно реалистический вид. Форд виновато оглянулся и осторожно прикрыл дверь.

– Вообще-то здесь, в самом монастыре, не полагается разговаривать, – прошептал он. – Чувствую себя хулиганом, который тайком курит в школьном туалете.

– Так что же это за данные?

– Сейчас увидите.

– Вы поняли, кто был тот человек?

– Не совсем, но данные помогут нам разобраться – вот и все, что мне пока известно.

Том и Уайман придвинули стулья к ноутбуку. Монах открыл и включил его. Дождавшись, пока компьютер загрузится, Форд торопливо застучал по клавишам.

– Я выхожу в Интернет, используя широкополосную спутниковую связь. Ваш неизвестный применял прибор для дистанционного сбора данных, а данные переписывал в свой блокнот.

– И какой же у него был прибор?

– Это я выяснил далеко не сразу. Охотники за сокровищами и старатели обычно пользуются приспособлениями двух видов. Во-первых, поточным градиентометрическим протонным магнитометром, который, в сущности, представляет собой детектор металла усложненной конструкции. Человек идет по земле, а прибор измеряет малейшие отклонения в местном магнитном поле. Но имеющиеся у нас данные – очевидно, выходные, в миллигауссах – совершенно не похожи на показания магнитометра. Во-вторых, старатели пользуются радаром, излучение которого проходит в земную толщу. Это аппарат с комплексом антенн-"бабочек", по виду он напоминает рожок в форме луковицы. Его функция – посылать импульсы в почву и регистрировать эхо. В зависимости от типа и сухости почвы луч радара может проникнуть на глубину до пяти метров, затем он отражается и идет назад. Можно получить приблизительное трехмерное изображение чего бы то ни было, находящегося в земле, либо в некоторых видах горных пород. Радар позволяет «увидеть» пустоты, пещеры, старые шахты, зарытые сундуки с сокровищами, металлоносные жилы, древние могилы или укрепления и тому подобное.

Форд перевел дыхание и торопливо зашептал дальше:

– Выходит, цифры в блокноте – это поток данных, полученных очень чувствительным, сконструированным на заказ радаром того типа, о котором я сейчас говорил. К счастью, у него оказалось стандартное устройство вывода, как у радиометра производства Далласского завода радиоэлектроники, поэтому цифры удалось обработать с помощью обычных программ.

– Тот охотник за сокровищами серьезно относился к своему ремеслу.

– Да, несомненно. Он действовал наверняка.

– Так ему удалось найти клад?

– Безусловно.

Том почувствовал, что больше не в силах сносить неизвестность.

– И что же это такое?

Уайман улыбнулся и поднял палец.

– Сейчас увидите изображение «клада», выполненное на основании данных радара. Вот оно, значение тех цифр в блокноте! Они последовательно отображали очертания находки, скрытой в толще земли.

На глазах у Тома Форд зашел на сайт кафедры геологии Бостонского университета. Сначала монах открыл сразу несколько окон, содержавших сложную техническую информацию о радарах, спутниковых изображениях и съёмке поверхности Земли, и только потом добрался до страницы с надписью:

Радиометр BAND155: обработка и анализ данных с помощью программы «TerraPlot».

Введите логин и пароль.

– Пришлось ненадолго превратиться в хакера, – усмехнувшись, шепнул Форд. Он набрал логин и пароль. – Ничего страшного тут нет, я просто прикинулся студентом университета.

– Разве монаху подобает так поступать? – спросил Том.

– Пока еще я не совсем монах. – Уайман ввел все символы, и открылось новое окно со следующей короткой надписью:

Загрузите данные

Форд еще что-то набрал, потом, широко улыбаясь, откинулся на спинку стула. Его палец застыл над клавишей «Ввод», глаза смеялись.

– Готовы?

– Все, не томите!

Форд звучно ударил по клавише и запустил программу.

21

Агентство недвижимости Ковбойского района находилось в претенциозном здании «под глину» на бульваре Пасео де Перальта. Веревочки с нанизанным на них красным перцем чили красовались по обеим сторонам двери и над конторкой, за которой сидела жизнерадостная секретарша, одетая в стиле Дикого Запада. Мэддокс вошел в помещение, и подошвы его ботинок аппетитно зацокали по кафельному полу. Джимсон поднял было руку, чтобы снять купленную с утра шляпу – ковбойскую, касторовую, за четыреста двадцать долларов, – но потом передумал: он же теперь как бы на Западе, где настоящие ковбои никогда не расстаются с головным убором. Мэддокс приблизился к секретарше и облокотился на конторку.

– Чем могу помочь, сэр? – спросила она.

– Вы на лето сдаете дома внаем? – Мэддокс криво улыбнулся девице.

– Да, разумеется.

– Я – Мэддокс. Джим Мэддокс.

Секретарша пожала протянутую ей руку. Ее синие глаза встретили его взгляд.

– Вы хотите увидеться с кем-то конкретно?

– Нет, я, как говорится, от нечего делать заскочил.

– Позвольте, я приглашу агента.

Через минуту Мэддокса уже ввели в шикарный кабинет, где было полно всяких штучек в том самом, «западном» стиле.

– Трина Даулинг, – представилась женщина-агент, подавая Джимсону руку и усаживая его напротив себя.

Ну и пугало – лет пятьдесят с гаком, тощая как щепка, платье черное, сама блондинистая, а лопочет до того деловито, что просто оторопь берет. Потенциальная клиентка, подумал Мэддокс. Определенно потенциальная клиентка.

- Вас, видимо, интересуют съемные дома.
- Да. Ищу местечко, где смогу закончить свой первый роман.
- Как интересно! Первый роман!

Он положил ногу на ногу.

– Я работал в одной интернет-компании, ее ликвидировали еще до обвала на бирже. Потом с женой развелся... Теперь вот решил отдохнуть от зарабатывания денег. Надеюсь реализовать свою мечту – роман написать. – Джимсон изобразил скромную улыбочку. – Хочу подыскать что-нибудь к северу от Абикию, тихий уединенный домик, и чтоб на несколько миль вокруг не было никаких соседей.

– В нашем распоряжении более трехсот единиц недвижимости, и я уверена, мы сумеем вам помочь.

– Отлично. – Мэддокс переменял положение ног. – Насчет уединенности я вполне серьезно. Ближайший дом должен отстоять не меньше чем на милю. Мне хочется что-нибудь такое подальше от дороги, и пусть кругом будут деревья.

Он замолчал. Трина делала какие-то пометки.

– Старый шахтерский домишко вполне бы подошел, – сказал Мэддокс. – Меня шахты всегда интересовали. Вообще-то в моем романе упоминается один прииск.

Закончив писать, Трина Даулинг энергично поставила точку.

– Давайте посмотрим в базе данных. Но прежде всего, мистер Мэддокс, на какую сумму вы рассчитываете?

– Деньги не главное. И пожалуйста, зовите меня Джим.

– Джим, не могли бы вы минутку подождать – я загляну в нашу базу данных?

– Да, конечно.

Мэддокс снова переменял положение ног. Трина стучала по клавишам.

– Итак, – она улыбнулась, – могу вам предложить кое-что на выбор, например, вот это... Раньше там располагался трудовой лагерь Гражданского корпуса охраны природных ресурсов. На ручье Фердис, у подножия гор Канхилон.

– Вы говорите, Гражданский корпус охраны природных ресурсов?

– Да, именно. В тридцатые годы они разбили на том участке лагерь для людей, прокладывавших дороги в государственном заповеднике. Было выстроено около дюжины деревянных домиков, есть также столовая и главное здание. Несколько лет назад один господин из Техаса приобрел весь лагерь, модернизировал главное здание, превратив его в весьма современное жилище с тремя спальнями и тремя ванными комнатами. А все остальное новый собственник оставил как было. Он немного пожил там, ему стало одиноко, и теперь эта недвижимость сдается.

– Значит, туда могут приехать какие-нибудь туристы?

– Главная постройка – за воротами, в центре частного земельного надела, вокруг – лесной заповедник. До лагеря восемь миль по фунтовой дороге, причем последние две мили лучше не идти пешком, а проехать на автомобиле. – Женщина подняла глаза. – У вас есть машина?

– Да, «рейнджровер».

Трина Даулинг улыбнулась.

– Но ездить по такой дороге мало кому захочется.

– Верно.

– Вот, я нашла кое-что любопытное... Еще до трудового лагеря у ручья Фердис располагался городок золотодобытчиков. Там есть несколько заброшенных шахт, и говорят, – Трина улыбнулась Мэддоксу, – в них бродит привидение. Я не рассказываю об этом всем и каждому, но поскольку вы писатель...

– Да, привидение в моей книге вполне может появиться.

– В описании сказано, что территория отлично подходит для пеших прогулок, для езды на горном велосипеде и верховой езды. Кругом – заповедник. Однако электричество туда проведено, телефон тоже имеется.

– Вас послушать – место просто идеальное. Только мне бы не хотелось, чтобы неожиданно приехал хозяин...

– Хозяин сейчас в Италии, и могу вас уверить, он не из тех, кто может явиться без предупреждения. Его собственность сдаем в аренду мы. Если кому и понадобится приехать, то это будут сотрудники нашей фирмы, а оказаться там они могут лишь при наличии серьезных оснований, к тому же вас уведомят за двадцать четыре часа. Ваше право находиться в одиночестве ни в коем случае не будет ущемлено.

– А сколько вы берете за аренду?

– Плата вполне умеренная. Две тысячи восемьсот в месяц, если вы снимаете на все лето.

– Превосходно. Я хотел бы взглянуть на дом.

– Когда?

– Да прямо сейчас. – Мэддокс похлопал себя по карману куртки, где лежала чековая книжка. – Мне не терпится засесть за роман. Детективный.

22

Том напряженно вглядывался в белый экран ноутбука. Сначала не происходило ничего, потом постепенно стал вырисовываться предварительный нечеткий набросок.

– Сейчас, надо подождать... – пробормотал Уайман.

На экране уже просматривалось изображение, однако пока оно напоминало тень с размытыми очертаниями. Рисунок совсем не походил на сундук с сокровищами, спрятанный в затерянной шахте, скорее, это были контуры пещеры. Программа приступила к вторичной обработке изображения; картинка, линия за линией, становилась все четче. Расплывчатая тень приняла форму некоего предмета, и Том затаил дыхание. Распознать получившийся предмет не составляло труда. Том не мог поверить собственным глазам, ему казалось, это оптическая иллюзия. Программа сделала третий заход, и Том понял: никакой оптической иллюзии тут нет.

– Бог мой, – произнес он, – это не клад. Это же динозавр.

Форд засмеялся, в глазах его плясали искорки.

– Я же говорил, вы будете немало удивлены. Обратите внимание на размеры. Перед нами тираннозавр рекс и, согласно некоторым моим изысканиям, самый крупный из всех, которых когда-либо обнаруживали.

– Но здесь же целый динозавр, не просто кости.

– Правильно.

Том онемел, во все глаза глядя на экран. Действительно, тираннозавр рекс – очертания ни с чем не спутаешь – лежит на боку, весь изогнулся. Однако это не окаменевший скелет: шкура, мышцы, внутренние органы окаменели вместе с костями, почти полностью сохранившись.

– Мумия, – сказал Том. – Динозавр мумифицировался.

– Точно.

– Невероятно. Наверное, раньше люди никогда не находили таких крупных окаменелостей.

– Да. Здесь практически целая туша, не хватает лишь нескольких зубов, одного когтя и последнего сегмента хвоста. Динозавр частично замурован в скале.

– Выходит, убитый был охотником за динозаврами.

– Именно. Возможно, он говорил о некоем «кладе», чтобы ввести вас в заблуждение, а может, просто так выражался. Это ведь и есть клад – для палеонтолога.

Том широко раскрытыми глазами смотрел на картинку. Ему все еще не верилось. В детстве он мечтал быть палеонтологом, и даже когда другие мальчишки переросли увлечение динозаврами, Том свою мечту не забыл, однако по настоянию отца сделался ветеринаром. И вот теперь он разглядывал останки динозавра – по всей видимости, самую

грандиозную окаменелость всех времен.

– Вот вам и мотив преступления, – сказал Форд. – Этот динозавр стоит целое состояние. Я кое-что узнал в Интернете. Вы слышали о динозаврихе по имени Сью?

– Знаменитый тираннозавр из музея Филда?

– Да. В 1990 году в пустынях Южной Дакоты его обнаружила Сью Хендриксон, женщина – профессиональный охотник за окаменелостями. До последнего времени он считался самым крупным и наиболее хорошо сохранившимся скелетом тираннозавра рекс. Его выставляли на аукционе «Сотбис» десять лет назад и продали за восемь миллионов триста шестьдесят тысяч долларов.

Том тихонько присвистнул.

– А этот, наверное, стоит в десять раз больше.

– По меньшей мере.

– И где же он находится?

Форд улыбнулся, показал на экран:

– Видите как бы смазанную линию вокруг изображения? Это поперечное сечение обнажившейся породы, в которую вмурованы останки динозавра. Само геологическое образование довольно велико. Оно имеет сорок футов в диаметре и весьма необычную форму, ее сразу можно узнать. Вся информация о расположении окаменелости вот здесь, на схеме. Нужно просто какое-то время походить и поискать.

– А начинать поиски следует с каньона Тираннозавра.

– Да, любопытное вышло бы совпадение. Дело в том, что динозавр может оказаться на любом участке Высоких Плоскогорий.

– Так его и за сотню лет не найти.

– Не думаю. Я исходил те места вдоль и поперек. По-моему, я мог бы обнаружить окаменелость меньше чем за неделю. Ведь известна не только форма геологического образования, там сбоку еще немного видна голова динозавра и верхняя часть туловища. Ну и зрелище, должно быть: громадные челюсти торчат прямо из скалы!

– Наподобие черного монолита, из-за которого каньон Тираннозавра и получил свое название? – спросил Том.

– Знаю я этот монолит, и наша окаменелость тут ни при чем. Полученная схема здорово облегчит поиски, а, Том?

– Минуточку... А кто сказал, что мы будем искать динозавра?

– Я сказал.

Том покачал головой.

– Я думал, вы в монахи готовитесь и уже отринули подобные занятия.

Форд некоторое время смотрел на Тома, потом опустил глаза.

– Том, на днях вы задали мне один вопрос. И я хочу на него ответить.

– То был неуместный вопрос. Не отвечайте. Правда, не стоит.

– Нет, вопрос был уместный, и сейчас я дам вам ответ. Я скрыл свои чувства, отгородился молчанием, чтобы избежать разговора на болезную тему. – Он сделал паузу.

Том молчал.

– Я служил тайным агентом. Изучал криптографию, а в результате стал работать якобы специалистом по системному анализу в большой компьютерной фирме. На самом же деле я был хакером и выполнял задания ЦРУ.

Том прислушался повнимательнее.

– Скажем так – теоретически, разумеется, – правительство, к примеру, Камбоджи покупает серверы и программное обеспечение у некой крупной американской компании, название которой представляет собой аббревиатуру из трех букв, ее я упоминать не стану. В программный код без ведома камбоджийцев вводится небольшая логическая бомба. Два года спустя она приходит в действие, и с их системой начинает твориться неладное. Правительство Камбоджи обращается к той американской компании за помощью. В качестве специалиста по системному анализу отправляют меня. Скажем, я еду вместе с женой – она

тоже является сотрудником нашей компании и нужна для прикрытия. Я устраняю неполадку и одновременно переношу на диски содержимое всех архивных файлов по личному составу камбоджийского правительства. Мои диски устроены так хитро, что не отличаются от пиратских копий, например, «Реквиема» Верди – ну, вроде на них записана музыка, ее даже послушать можно. Заметьте, я опять говорю теоретически, в принципе, а в действительности ничего подобного могло и не происходить.

Форд умолк, перевел дыхание.

– Интересно, – сказал Том.

– Да, было и впрямь интересно, пока моей жене в машину не подложили бомбу. Жена тогда была беременна нашим первенцем.

– Ох, Господи...

– Ничего, – быстро проговорил Уайман. – Мне нужно вам рассказать. Когда случилась беда, я просто оставил ту жизнь и пришел к этой. В одежде, которая на мне была, с бумажником и ключами от машины, больше ни с чем. Первым делом я швырнул ключи и бумажник в бездонную трещину в каньоне Чавеса. Я понятия не имею, что стало с моими банковскими счетами, домом, ценными бумагами. На днях собираюсь отказаться от всего этого в пользу бедных, как и подобает примерному монаху.

– И никто не в курсе, что вы здесь?

– Да все в курсе. В ЦРУ к моему поступку отнеслись с пониманием. Хотите верьте, хотите нет, Том, но работать там было не так уж плохо. В ЦРУ немало хороших людей. И потом, мы с Джули, моей женой, знали, чем рискуем. Нас завербовали одновременно, когда мы учились в Массачусетском технологическом институте. Собранные мною архивные данные по личному составу помогли выявить многих бывших убийц и палачей из организации «Красные кхмеры». Работа приличная. Но мне... – его голос замер, – слишком многим пришлось пожертвовать.

– Бог ты мой...

Форд поднял палец:

– Не упоминайте имя Господа всуе. Вот теперь я закончил свой рассказ.

– Прямо не знаю, что и сказать, Уайман. Я вам сочувствую... Очень сочувствую.

– Не нужно ничего говорить. Не я один пострадал в этом мире. Здесь мне живется неплохо. Когда обуздываешь свои потребности постом, аскетизмом, целомудрием и молчанием, то приближаешься к чему-то вечному. К Богу или к чему другому – назовите как угодно. В любом случае я не жалею.

Они надолго замолчали. Наконец Том спросил:

– Но почему вы заговорили о поисках динозавра? Я обещал передать блокнот Робби, дочери того человека, вот так.

Думаю, это ее динозавр, он принадлежит ей.

Форд забарабанил пальцами по столу.

– Ужасно не хочется вас огорчать, Том, однако Высокие Плоскогорья, а также все в округе горы и пустынные территории принадлежат Бюро по управлению землями. То есть это государственная земля. Наша земля. Американский народ владеет и ею, и всем, что там на поверхности и в недрах, включая обнаруженного динозавра. Видите ли, Том, выходит, убитый был не просто охотником за динозаврами: он был расхитителем государственного имущества.

23

Доктор Айэн Корвус бесшумно повернул ручку металлической двери с табличкой «Минералогическая лаборатория» и тихо вошел в помещение. Мелоди Крукшенк сидела за компьютером спиной к Корвусу и что-то набирала. Ее короткие темные волосы подрагивали в такт движениям рук.

Неслышно приблизившись к Мелоди, Корвус мягко положил руку ей на плечо. Она

приглушенно вскрикнула и подскочила.

– Неужели забыли о нашей встрече? – спросил доктор.

– Нет, но вы ко мне подкрались, как кот!

Корвус беззвучно рассмеялся, легонько сжал плечо Мелоди и не отнял руку. Он чувствовал тепло ее тела сквозь рабочий халат.

– Спасибо, что согласились поработать допоздна.

Он обрадовался, увидев браслет на запястье Мелоди. В целом она мила, только по-американски спортивна и необаятельна. Можно подумать, одно из непеременимых условий научной карьеры для женщины – это отсутствие косметики и неухоженная голова. Однако у Мелоди есть два важных качества: она не станет болтать, и она одинока. Корвус потихоньку раскопал некоторые факты из ее биографии: Мелоди – продукт Колумбийской фабрики по производству кадров с ученой степенью, которых всегда больше, чем соответствующих рабочих мест. Родители Мелоди умерли, братьев и сестер у нее нет, друзей мало, в браке она не состоит, с кем-либо общается редко. К тому же Крукшенк компетентна и так стремится угодить.

Корвус перевел взгляд на лицо Мелоди и с радостью увидел, что она краснеет. Он подумал, не вывести ли их отношения немного за рамки профессионального общения, однако отказался от этой мысли – тут никогда не знаешь, чем может кончиться дело.

Корвус ослепил Мелоди приятнейшей из своих улыбок, взял за руку и ощутил жар ее ладони.

– Мелоди, я восхищаюсь вашим в высшей степени успешным исследованием.

– Да, доктор Корвус. Результаты просто... невероятные. Я все сохранила на дисках.

Корвус опустил в кресло напротив большого плоского монитора. Шепнул:

– Давайте же начнем.

Мелоди села рядом, взяла компакт-диск, лежавший в стопке первым, достала его из коробочки и поместила в дисковод. Подвинула к себе клавиатуру, быстро ввела нужную команду.

– Итак, – начала она, сразу заговорив профессиональным тоном, – имеется часть позвонка, окаменевшие мягкие ткани и кожа крупного представителя семейства тираннозаврид¹¹, возможно, тираннозавра рекс или альбертозавра-переростка. Все необычайно хорошо сохранилось.

На экране возникло изображение.

– Посмотрите, это отпечаток кожи. – Мелоди сделала паузу. – А вот он же, только ближе. Видите тонкие параллельные линии? Вот они при тридцатикратном увеличении.

Корвуса мгновенно охватила дрожь. Все даже лучше, чем он себе представлял, гораздо лучше. Доктор мысленно воспарил в небеса.

– Что-то похожее на перья, – выдавил он.

– Именно так. Пожалуйста – доказательство того, что тираннозавр рекс был покрыт перьями.

Несколько лет назад эту теорию развивала группа молодых палеонтологов, работающих в музее. Корвус высмеял их взгляды в «Палеонтологическом журнале», назвав теорию «странной фантазией американцев», чем навлек на себя издевки и антибританские замечания со стороны коллег. А сейчас вот оно, прямо у Корвуса в руках, – подтверждение их правоты и его заблуждений. Неприятное ощущение от осознания собственной ошибки быстро сменилось более сложными чувствами. Здесь кроется возможность... Действительно редкая возможность. Почему бы не сделать ту самую теорию своей, смело заявив во всеуслышание, что ранее он шел по ложному пути? Полностью присвоить взгляды соперников, прикрывшись маской смирения.

Именно так он и поступит.

¹¹ Тираннозавриды – семейство крупных плотоядных динозавров.

Тогда Корвусу просто обязаны будут предоставить постоянную должность, им придется заключить с ним бессрочный контракт. Но это окажется уже ни к чему, верно? Он сможет получить место где угодно, даже в Британском музее. Особенно в Британском музее.

Корвус понял, что довольно долго сидит не дыша. Он перевел дух и пробормотал:

– Да, конечно. Значит, этот ископаемый черт все-таки был пернатым...

– Вот то-то и оно.

Корвус поднял брови.

Мелоди нажала на клавишу, и на экране возникло другое изображение.

– Это окаменевшая мышечная ткань в поляризованном свете при стократном увеличении. Разумеется, окаменело все, однако петрификаций с такой высокой степенью сохранности раньше не находили. Вы замечаете, как мелкозернистый диоксид кремния заместил все содержимое клетки, даже органеллы, точно воспроизводя их вид? Перед нами действительное изображение мышечной клетки динозавра.

Корвус осознал, что не может вымолвить ни слова.

– Так. – Мелоди снова нажала на какую-то клавишу. – Увеличили в пятьсот раз. Можно рассмотреть ядро.

Щелчок мыши.

– Митохондрия.

Щелк.

– А это комплекс Гольджи.

Щелк.

– Рибосомы...

Корвус предостерегающе поднял руку:

– Подождите. Подождите минуту. – Он закрыл глаза, глубоко вздохнул. Открыл глаза. – Постойте, прошу вас.

Доктор встал, оперся рукой о спинку кресла, сделал еще один глубокий вдох. Головокружение прошло, непостижимым образом вызвав прилив энергии. Корвус оглядел лабораторию. Было тихо, словно в склепе. Только слабо шипел кондиционированный воздух и гудел вентилятор в компьютере, пахло эпоксидной смолой, пластмассой и нагретой аппаратурой. Все как и прежде, и тем не менее мир только что изменился. У Корвуса в мозгу замелькали картины будущего: награды, суперпопулярная книга, лекции, деньги, престиж... Бессрочный контракт с музеем – лишь начало.

Он посмотрел на Мелоди. Неужели и она представляет себе то же самое? Крукшенк отнюдь не глупа, мысли ее совпадают с мыслями Корвуса: она постепенно осознает, как теперь переменялась ее жизнь, переменялась навсегда.

– Мелоди...

– Да. Результаты просто сногшибательны. И это еще не все. Далеко не все.

Корвус с усилием опустил в кресло. Что-то еще? Возможно ли такое?

Мелоди нажала на клавишу.

– Перейдем к электронным микроснимкам. – На экране возникло отчетливое черно-белое изображение. – Вот увеличенная в тысячу раз эндоплазматическая сеть. Вы видите кристаллическую структуру минерала, заместившего содержимое клетки. Правда, разглядеть удастся не очень многое, но мы уже на пределе. При таком увеличении видимая структура просто-напросто искажается, да и сохранено в окаменелости далеко не все. Однако кое-что глаз здесь различает, а это уже невероятно. Мы воочию наблюдаем микробиологическое строение динозавра.

Феноменально. Даже имеющийся маленький образец представляет собой величайшую палеонтологическую находку. Подумать только, ведь где-то есть и целый динозавр. Окаменевшая и превосходно сохранившаяся туша тираннозавра рекс, а там и желудок – несомненно, с остатками последней трапезы, – и мозг, не тронутый тлением, и кожа, и перья, и кровеносные сосуды, и носоглотка, и органы размножения, и печень, и почки, и селезенка, а еще все недуги и увечья, вся жизнь тираннозавра, безукоризненно запечатлевшаяся в

камне. От сегодняшней реальности до фантастического мира «Парка юрского периода» просто рукой подать.

Мелоди щелкнула по следующему изображению.

– Вот костный мозг...

– Подождите. – Корвус остановил ее. – А что это за темные вкрапления?

– Какие темные вкрапления?

– Они были на предыдущем изображении.

– Ах, те. – Мелоди вернулась назад. Корвус указал на маленькую черную частичку.

– Что это?

– Возможно, они образовались в процессе возникновения окаменелости.

– Не вирус?

– Для вируса частицы чересчур велики. И слишком хорошо заметны, то есть изначально в состав клетки они также не могли входить. Я практически уверена, что это микрокристаллические новообразования, вероятно, роговые обманки.

– Верно. Прошу прощения, давайте дальше.

– Я могла бы исследовать вкрапления рентгеновским спектрометром альфа-частиц и узнать их состав.

– Было бы замечательно.

Мелоди вывела на экран новую серию микрофотографий.

– Просто изумительно, Мелоди.

Она обернулась к Корвусу с раскрасневшимся, сияющим лицом.

– Можно один вопрос?

Он колебался, собираясь с мыслями. В дальнейшем ему потребуется помощь Мелоди, это совершенно ясно, и гораздо лучше подбросить несколько крупиц славы ассистентке из лаборатории, чем посвящать в дело еще одного зрителя музея. У Мелоди ни связей, ни влияния, ни будущего, ей предстоит лишь черная работа, недостойная обладательницы ученой степени. Тем выгоднее, что Крукшенк – женщина: ее ни в коем случае не станут воспринимать всерьез.

Корвус приобнял Мелоди одной рукой, придвинулся ближе.

– Конечно, можно.

– Где-то есть образцы, подобные этому?

Корвус не смог сдержать улыбки.

– Мелоди, я подозреваю, что где-то есть целый динозавр.

24

Салли гораздо больше встревожилась, чем воодушевилась, когда Том разложил на кухонном столе лист с компьютерным изображением ископаемого.

– Чего уж, казалось бы, хуже... – промолвила она.

– Чего уж лучше, ты хочешь сказать. У меня в руках именно то, что требовалось для установления личности того человека. Теперь мы сможем разыскать его дочь.

В этом весь Том, подумала Салли. Упрямец, действующий каким-то там незыблемым нравственным убеждениям и попадающий из-за них в передраги. Просто чудо, что тогда, в Гондурасе, он умудрился выжить.

– Том, послушай, тот тип незаконно добывал окаменелости на общественной земле. Он явно связан с черным рынком, а может, и с преступными группировками. Он был плохим парнем, и этого плохого парня убили. Зачем тебе влезать в подобные дела? Даже если ты найдешь его дочку, окаменелость все равно не ее. Сам же говоришь, это федеральная собственность.

– Я дал слово умирающему, вот и все.

Раздосадованная Салли только вздохнула.

Том обошел вокруг стола, словно пантера, подкрадывающаяся к добыче.

- Ты еще не сказала, что думаешь о находке.
- Поразительная штука, конечно, но не в ней дело.
- Именно в ней! Это важнейшее палеонтологическое открытие всех времен!

Салли нехотя посмотрела на лист со странным изображением. Пусть смазано и нечетко, на нем определенно вырисовывалось нечто большее, чем просто скелет. Это был именно динозавр, целиком погребенный в скале. Животное лежало на боку, запрокинув голову, раскрыв пасть и подняв передние конечности, точно оно пыталось выбраться на свободу.

- Каким же образом динозавр так хорошо сохранился?
- Видимо, благодаря почти уникальному стечению обстоятельств, разбираться в которых мне чересчур сложно.
- А в нем есть какие-нибудь органические останки? ДНК?
- Это практически невозможно. Возраст окаменелости – минимум шестьдесят пять миллионов лет.
- А выглядит так, будто динозавр погиб совсем недавно и его труп даже должен пахнуть.

Том засмеялся.

– Мумифицированных динозавров находили и раньше. В Монтане, в конце прошлого века, охотник за динозаврами по имени Чарльз Стернберг обнаружил мумию утконосого динозавра. Помнится, ребенком я видел ее в Музее естественной истории в Нью-Йорке. Однако те останки не идут ни в какое сравнение с этими.

Салли взяла лист в руки.

- Похоже, он умирал мучительной смертью – вон как изогнул шею и разинул пасть.
- Это не он, а она.
- Разве тут определишь? – Салли поднесла лист бумаги к глазам. – Ничего же не видно, все размазано.
- Самки тираннозавров, вероятно, были больше и свирепее самцов. А раз до сих пор еще не находили тираннозавра рекс столь крупных размеров, то это почти наверняка самка.
- Да, ничего себе громадина.
- А шея изогнулась из-за высыхания и сжатия сухожилий. У большинства обнаруженных скелетов динозавров искривлены шеи.

Салли присвистнула.

- Ну а что теперь делать, ты придумал?
- Конечно. Очень немногие люди знают о здешнем черном рынке, на котором ведется весьма оживленная торговля окаменевшими останками динозавров. На них делают огромные деньги. Некоторые динозавры могут стоить миллионы, вот как этот.
- Миллионы?
- Последнего тираннозавра рекс, попавшего на черный рынок, продали десять лет назад за восемь с лишним миллионов. А цена этого динозавра по крайней мере восемьдесят.
- Восемьдесят миллионов?
- Примерно.
- Но кто выложит такую сумму за динозавра?
- А кто выложит такую сумму за какую-нибудь картину? Да тираннозавр рекс, поди, еще и обойдет Тициана.
- Понятненько.

– Я читал об этом. Многие коллекционеры, особенно с Дальнего Востока, готовы заплатить практически любую цену за редкие останки динозавра. Из Китая контрабандой вывезли такое количество окаменелостей, проданных потом на черном рынке, что китайцы приняли закон, который провозглашал найденные ископаемые частью их национального достояния. Однако поток контрабандного товара остановить не удалось. Сегодня чуть не каждому любителю подавай собственного динозавра. Самые крупные и хорошо сохранившиеся ископаемые до сих пор находят на Западе США, большей частью – на государственной земле. Нужен тебе динозавр – приходится его красть.

– Именно этим тот человек и занимался.

– Да. Он был не просто охотником за динозаврами, а профессионалом высокого класса. Таких в мире наверняка немного. Легко будет узнать, как его звали, если расспросить нужных людей. Вот бы мне их найти...

Салли подозрительно посмотрела на мужа:

– И как ты это намерен сделать?

Том широко улыбнулся.

– Разрешите представиться, Том Бродбент, агент мистера Кима, южнокорейского промышленника и миллиардера, человека крайне нелюдимого. Мистер Ким желает приобрести останки огромного динозавра и готов заплатить практически любую сумму.

– О нет!

Продолжая улыбаться, Том сунул схему в карман.

– Я все продумал. В субботу Шейн побудет за главного в лечебнице, а мы тем временем слетаем в Тусон, «мировой центр торговли окаменелостями».

– Мы?

– Я не собираюсь оставлять тебя здесь одну, когда вокруг рыщет убийца.

– Том, у меня на субботу запланированы занятия с детьми, я не могу уехать.

– Не важно. Ты одна дома не останешься.

– Одна? Да нет же, тут целый день будет полно народу. Ничего со мной не случится.

– А ночью?

– А для ночи припасено изобретение господина Смита и господина Вессона. Как я умею обращаться с револьвером, ты знаешь.

– Может, тебе на несколько дней перебраться в рыбацкий домик?

– Ни за что. Он слишком далеко. Я там гораздо больше изведусь.

– Тогда поживи в гостинице.

– Том, ты же знаешь, я не какая-нибудь беспомощная девчонка, за которой нужен глаз да глаз. Поезжай в Тусон и рассказывай там сказочки про своего мистера Кима. Со мной все будет в порядке.

– Ну уж нет!

Салли в последний раз попыталась переубедить мужа:

– Если ты так волнуешься, не оставайся в Тусоне на ночь. В субботу утром вылетишь туда, а вечером вернешься. У тебя будет почти целый день. У нас ведь в пятницу пикник, как обычно?

– Конечно. Но вот в субботу...

– Ты собираешься меня сторожить с ружьем наперевес, да? Дай мне немножко побыть самостоятельной! Ты слетаешь в Тусон и успеешь вернуться еще до темноты. А я сама о себе позабочусь.

Часть вторая Чиксулуб

Домом ей, обительнице джунглей, служили непроходимые леса и болота Северной Америки, которая совсем недавно отделилась от Лавразии, древнего континента. Она была хозяйкой на территории более чем в пятьсот квадратных миль; владения ее простирались от берегов внутреннего моря Ниобрара до подножия молодых Скалистых гор. В том субтропическом мире произрастали обширные леса с диковинными деревьями, впоследствии исчезнувшими навсегда: араукариями, достигавшими пятисот с лишним футов в высоту, гигантскими магнолиями и сикоморами, метасеквойями, исполинскими пальмами и древовидными папоротниками невероятных размеров. Сквозь пышные кроны деревьев почти не проникал свет, а внизу, на открытых пространствах, хищные динозавры и их жертвы словно на огромных подмостках разыгрывали великую драму жизни.

Век Динозавров переживал свой последний грандиозный расцвет. Эпоха эта могла бы длиться бесконечно долго, если бы ей не положила неожиданный конец величайшая из всех природных катастроф, когда-либо происходивших на планете Земля.

Громадная хищница делила лес с мириадами других существ, в том числе с двумя видами утконосных динозавров, эдмонтозавров и анатотитанов, собиравшихся в многочисленные стаи. Иногда ей случалось напасть на одинокого трицератопса, однако чаще она преследовала их стада, стремясь отрезать старое или больное животное от сородичей и атаковать его. По джунглям бродили огромные травоядные аламосавры, однако на них она охотилась редко, предпочитая поедать туши мертвых зауроподов, а не загрызать живых. Немало времени уходило на добычу пропитания по берегам моря Ниобрара. В водах его обитал хищник, размерами превосходивший даже ее, самку тираннозавра рекс, – пятидесятифутовый крокодил под названием дейнозух, единственное животное, способное одолеть и тираннозавра, если тот, охотясь, неосторожно подбирался чересчур близко к морю.

Она преследовала лептоцератопсов, небольших динозавров ростом с оленя, которые обладали клювами, напоминающими клюв попугая, и защитными шейными воротниками. Также хищница охотилась, впрочем, с меньшим азартом, на анкилозавров, а еще на собственных кузенов, нанотиранов, представлявших собой уменьшенные и более подвижные копии ее самой. Порой ей удавалось атаковать старого и ослабевшего торозавра, ящера с устрашающими рогами на восьмифутовой голове – черепа столь огромных размеров больше не было ни у одного наземного позвоночного. Время от времени она убивала зазевавшегося кетцалькоатля, летающую рептилию с размахом крыльев приблизительно как у самолета F-111.

На земле и среди деревьев встречались и млекопитающие, которых она едва ли замечала: грызуны, питавшиеся фруктами, сумчатые и древнейшие предки коровы – животные размером с крысу. А еще там попадались похожие на землероек насекомоядные создания – млекопитающие, возникшие на Земле раньше иных своих сородичей.

Охотиться на некоторых динозавров хищнице было не под силу: орнитомим, рептилия размером со страуса, мог бегать со скоростью более семидесяти миль в час, а троодон, быстроногий хищник ростом приблизительно с человека, обладал цепкими передними конечностями и острым зрением, к тому же мозг его по объему превосходил мозг тираннозавра рекс (в расчете по отношению к размерам тела, конечно).

В сезон дождей, когда вздувались болота и реки выходили из берегов, она, верная своим привычкам, уходила на запад, к предгорным возвышенностям. С наступлением сухого периода и после спаривания хищница, бывало, добиралась до песчаных холмов с подветренной стороны потухшего вулкана, чтобы устроить там гнездо и отложить яйца. Обычно же с приходом засушливых месяцев она возвращалась по берегу моря Ниобрара в свои угодья, в бескрайние леса.

Тогда практически повсюду было тепло и очень влажно. Ни снежных шапок на полюсах, ни ледников – на Земле господствовал, наверное, самый жаркий климат за всю ее историю. Уровень воды в океанах достигал небывалых отметок. Большую часть материков покрывали моря. Рептилии вот уже двести миллионов лет царили в воздухе, на суше и в воде. Динозавры были наиболее преуспевающими животными из всех, когда-либо появлявшихся на планете. Млекопитающие сосуществовали с рептилиями в течение почти ста миллионов лет, однако их число до сих пор значительно не возрастало. Самое крупное из живших в Век Динозавров млекопитающих по своим размерам не превосходило крысу. Рептилии занимали все более высокие экологические ниши.

А эта великаниша была высшим хищником в своей экологической нише. Земля еще не видела такой огромной смертоносной биологической машины.

Из неотправленного письма Марстона Уэзерса к дочери

Над Высокими Плоскогорьями палило утреннее солнце, выжигая саму жизнь из этих земель. Джимми Уиллер остановился в тени можжевельника и оперся на скалу. Рядом присел на корточки Эрнандес, на его пухлом лице блестели капельки пота. Уиллер достал из рюкзака термос с кофе, налил себе и Эрнандесу, вытряхнул из пачки сигарету. Уитли с собаками ушел вперед, и детектив смотрел, как они медленно продвигаются по бесплодному плоскогорью.

– Ну и пекло.

– Да уж, – ответил Эрнандес.

Уиллер глубоко затянулся и оглядел бескрайний пейзаж: красные и оранжевые каньоны, куполообразные горы, остроконечные вершины, гребни, крутые холмы и плоскогорья – три тысячи акров, и стоит только остановиться да задуматься, как тут же одолевает тоска, будь она проклята. Прищурившись, детектив смотрел на ярко освещенные солнцем просторы. Труп может быть зарыт на дне одного из сотни каньонов или спрятан в какой-нибудь пещере, а их там черт знает сколько. Возможно, тело замуровали в укромном месте в углублении скалы или сбросили в расселину.

– Так жаль, что Уитли не удалось побывать на тропе, когда следы были еще свежие, – посетовал Эрнандес.

– Да, в том-то и дело.

В небе загудел небольшой самолетик – люди Управления по борьбе с наркотиками искали следы выращивания марихуаны.

Из-за вершины холма показался Уитли: неся на спине четыре тяжелые фляги, он карабкался по длинному слоистому склону, блестящему под знойными лучами. Две собаки бежали впереди него, высунув языки и уткнув носы в землю.

– Готов поспорить, Уитли сейчас несладко приходится, – заметил Уиллер. – Питье надо тащить и для себя, и для собак.

Эрнандес хихикнул.

– А у вас какие-нибудь соображения есть? Версии?

– Сначала я думал – дело в наркотиках. А теперь мне кажется, тут все куда серьезнее. Здесь и Бродбент замешан, и монахи.

Уиллер снова затянулся, потом щелчком сбил пепел с кончика сигареты. Пепел посыпался на камни.

– А что вообще происходит, как вы считаете?

– Не знаю. Они за чем-то охотятся. Ты только подумай: Бродбент заявляет, будто много ездит верхом по здешним местам просто «для удовольствия». Нет, полюбуйте-ка на этого паршивца! Ты бы стал тут для удовольствия на лошади скакать?

– Да ни за что на свете!

– А потом ему случайно попадается разведчик-старатель, пять минут назад застреленный. Солнце вот-вот сядет, до главной дороги восемь миль, кругом пустыня... Совпадение? Черта с два!

– Думаете, он же его и убил?

– Нет. Но Бродбент замешан в преступлении. Он чего-то недоговаривает. Во всяком случае, спустя два дня после убийства Бродбент виделся с тем монахом, Уайманом Фордом. Я о нем порасспрашивал, так вот Форд, похоже, всю здешнюю пустыню исходил – его по несколько дней не бывает в монастыре.

– Ну хорошо, а за чем же они гонятся?

– В этом-то и вопрос. И кое-чего ты, Эрнандес, еще не знаешь. Я поручил Сильвии посмотреть, нет ли в компьютерной базе данных каких-нибудь сведений о монахе. Как думаешь, что всплыло? Он бывший агент ЦРУ!

– Да ну!

– Я не в курсе всех событий, но Форд вроде бы оставил службу довольно неожиданно, объявился в монастыре, и его туда приняли. Это случилось три с половиной года назад.

– А чем именно он занимался в ЦРУ?

– Этого мы выяснить не можем – знаешь же, как у них там, в разведке... Жена Форда тоже была агентом, погибла при исполнении. Он, выходит дело, герой.

Уиллер затаился еще раз и, почувствовав во рту горечь от фильтра, бросил окурок на землю. Он испытал странное удовлетворение, загрязняя эту нетронутую природу, само это место, весь день кричавшее ему прямо в ухо: «Ты никто и ничто!» Вдруг детектив выпрямился. На довольно близком расстоянии он заметил черную точку, двигавшуюся вдоль невысокой горной гряды и отчетливо вырисовывавшуюся на фоне крутых утесов. Уиллер поднес к глазам бинокль, внимательно присмотрелся.

– Ага, легок на помине!

– Бродбент?

– Нет, так называемый монах. С биноклем на шее. Я ж говорю, они за чем-то охотятся. И я прямо готов дать кое-что на отсечение, только бы разузнать, какого черта им надо!

2

Доходяга Мэддокс вышел на крыльцо арендованного домика, засунул большие пальцы за ремень брюк и вдохнул аромат сосновых иголок, нагретых утренним солнцем. Поднес ко рту кружку с кофе, шумно отхлебнул. Проспал он долго, было уже почти десять. Над верхушками сосен-пондерос виднелись отливавшие серебром далекие вершины гор Канхилон. Мэддокс прошелся по крыльцу, его ковбойские ботинки гулко затопали по доскам. Он остановился около вычурного указателя с надписью «Салун» и легонько тронул деревяшку пальцем. Дощечка заскрипела, раскачиваясь на ржавых петлях.

Мэддокс посмотрел на главную улицу поселения. От старого трудового лагеря, основанного Гражданским корпусом охраны природных ресурсов, практически ничего и не осталось: почти все постройки осели и превратились в груды гниющих досок, заросших кустарником и маленькими деревцами.

Мэддокс допил кофе, поставил кружку на перила и, спустившись с крыльца, оказался на главной улице. Он сознавался себе, что в глубине души не является городским человеком. Ему нравилось находиться в одиночестве, подальше от дорог, транспорта, больших зданий и людских толп. Когда дело будет сделано, он, наверное, возьмет да и купит себе участок наподобие этого. Так Мэддокс сможет заниматься «Временем невзгод», живя в тишине и покое, как никогда не жил, и ничего ему не надо будет, кроме, пожалуй, пары девиц – и все.

Он двинулся по пыльной главной улице, сунув руки в карманы и фальшиво насвистывая. Ближе к противоположному концу городка дорога переходила в заросшую сорняками тропинку, которая вилась вверх по ложине. Мэддокс продолжил путь, раздвигая высокие стебли носками ботинок. Подняв палку, он стал сбивать ею зеленые верхушки неизвестных растений.

Через две минуты он увидел дощечку на шесте, вкопанном в землю. Надпись на дощечке гласила:

ОСТОРОЖНО! НЕОБОЗНАЧЕННЫЕ НА КАРТЕ ШАХТЫ.

ПРОХОД НА ТЕРРИТОРИЮ ВОСПРЕЩЕН.

ЗА НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ВЛАДЕЛЕЦ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕТ.

В лесу было тихо, только порой ветер чуть слышно вздыхал в ветвях деревьев. Тропинка уходила чуть вверх и бежала вдоль высохшего русла. За десять минут Мэддокс дошел до поляны, которую, очевидно, расчистили от леса уже давным-давно. Справа возвышался склон холма, практически лишенный растительности. Туда, наверх, и уходила тропинка. Мэддокс взобрался на склон. Дальше тропинка вилась параллельно вершине холма, только немного ниже, и через четверть мили упиралась в ветхую постройку, скрывавшую вход в старую шахту. На двери постройки красовалась новенький висячий замок и цепочка, а также еще одна запретительная табличка – это два дня назад потрудились Мэддокс.

Он вынул из кармана ключ, отпер замок и вошел в шахту. Там было прохладно и сильно пахло сыростью. Старые рельсы скрывались в темном отверстии в скале, загороженном железными воротами. На них тоже висел замок. Мэддокс отпер и его, ворота на свежесмазанных петлях легко распахнулись. Вдыхая запахи мокрого камня и плесени, он старательно обходил лужи, которые высвечивал фонарик, и переступал через неизвестно когда положенные шпалы. Крепь во многих местах сгнила и растрескалась.

Через сто футов тоннель поворачивал влево. За углом при свете фонарика виднелось разветвление. Мэддокс шел налево, пока не уперся в тупик, противоположный конец которого он уже успел отделать деревянными брусками, встроив их прямо в крепь так, чтобы за ними получилась маленькая камера.

Мэддокс приблизился к деревянной стене и гордо похлопал по ней рукой. Прочная, не хуже каменной. Он начал работать позавчера в полдень, а закончил около полуночи. Двенадцать часов непрерывного каторжного труда.

В крошечную камеру, выстроенную в тупике, Мэддокс попал через недостроенный вход. Он снял с крючка керосиновый светильник, зажег его, приподняв стекло, затем снова повесил на гвоздь. Веселый желтый свет озарил каморку, размер которой не превышал восемь футов на десять. «А здесь не так уж плохо», – подумал Мэддокс. В углу он успел положить матрас, застеленный чистой простыней. В принципе все готово: рядом с матрасом вместо стола отслужившая свое деревянная катушка из-под кабеля, пара старых стульев – их он достал из-под развалин старого дома, – да две бадьи, одна, бывшая лошадиная поилка, – для воды, другая – под парашу. В противоположную стену, каменную, Мэддокс ввинтил четыре стальных полудюймовых болта с проушинами, к каждому крепилась прочная цепь и кандалы, два – для рук, два – для ног.

Посчастливилось же ему отыскать такое местечко! Тоннель прекрасно подходил для его целей – это раз, да еще большую часть досок удалось раздобыть прямо здесь, поскольку старые опоры и деревянные столбы были свалены в глубине шахты и от времени не пострадали.

Мэддокс прервал свои приятные размышления и перевел взгляд на свернувшийся от сырости лист бумаги с грубо нарисованной на нем схемой. Расправив рисунок на столе-катушке, он прижал его болтами, присмотрелся. Понадобится еще несколько деревянных столбов, и готово. Над входом закрепить три доски, так выйдет проще, крепче и безопаснее, а если делать обычную дверь, она получится чересчур хлипкой. Да и входить-выходить придется совсем мало.

В комнатенке было тепло и сыро. Мэддокс снял рубашку, бросил ее на матрас. Потянулся мускулистым торсом, сделал несколько упражнений на растяжку. Потом взял мощную беспроводную дрель «Макита», вставил новый аккумулятор. Подойдя к куче старых опор, потыкал их отверткой, а когда нашел подходящую планку, измерил ее, карандашом наметил точку и начал сверлить. Вой дрели эхом отдавался в пещере, в ноздри бил запах лежалой сырой древесины, а из просверленного отверстия струйками высыпалась дубовая труха. Как только паз был готов, Мэддокс обеими руками приподнял планку и с усилием водворил ее на нужное место. Прибил планку гвоздем, потом просверлил отверстие нужного размера в ранее укрепленном бруске, вставил восемнадцатидюймовый болт и так сильно завинтил ключом шестигранную гайку, что она ушла в древесину на добрые четверть дюйма.

Теперь эту гайку нипочем не вывинтить, хоть расшибись.

Через час Мэддокс завершил работу. Он оставил лишь входное отверстие. Три бывшие опоры, которыми предстояло блокировать вход, лежали неподалеку одна на другой, уже наготове, с просверленными пазами.

Мэддокс прошелся вдоль только что отделанной стены, погладил доски рукой. Потом неожиданно издал вопль, стиснул одну из досок своими большими ладонями и принялся изо всех сил дергать ее взад-вперед и из стороны в сторону. Он отступал на несколько шагов и пинал деревянные брусья, кричал, взвизгивал, сыпал проклятиями, с разбегу налегал на стену плечом, снова и снова. Затем схватил стол и ахнул им о доски. Он повторял как

заведенный: «Сукины дети! Ублюдки! Всех кончу! Всем кишки выпущу!»

Внезапно Мэддокс замер, тяжело дыша. Вынул из рюкзака полотенце, отер пот с плеч и груди, промокнул лицо, откинул назад волосы, пригладил их пальцами. Поднял с матраса рубашку, надел ее, с ухмылкой потянулся.

Никому из этой дыры не улизнуть. Никому.

3

Уайман Форд отряхнул от пыли края сутаны и сел на упавший скрюченный ствол старого можжевельника. Выйдя из монастыря, он одолел почти двадцать миль и достиг далеких вершин Навахского Кольца, огромного плоскогорья, тянувшегося на многие мили вдоль южной границы Эхо-Бэдлендс. Далеко позади лежали ярко-красные каньоны, известные под общим названием Ранчо Привидений, а с северо-запада пейзаж обрамляли заснеженные вершины гор Канхилон.

Форд достал из мешка четыре топографические карты масштабом 1:24000 – такие чертят в Геологической службе, развернул их и разложил на земле, одну подле другой, а уголки прижал камнями. За считанные минуты Форд определил, где находится, сличив видимые ориентиры с их графическими обозначениями. Он взял бинокль и стал осматривать Эхо-Бэдлендс, ища глазами скалу, которая напоминала бы изображение, полученное на компьютерной схеме. Завидев нечто похожее, Форд сразу же отмечал расположение объекта красным карандашом на нужной карте. Через пятнадцать минут он опустил бинокль, воодушевленный открывшимся ему зрелищем. Скала, обнаруживавшая необходимое сходство, Форду пока не попалась, однако чем дальше он всматривался в бесконечную череду каньонов, крестообразно пересекавших Эхо-Бэдлендс, тем более твердым становилось его убеждение, что формация, в которой замурован тираннозавр, находится именно здесь. Куполообразные скалы, подобные скале на схеме, похоже, типичны для этой дикой местности, насколько Форд мог судить со своего наблюдательного пункта. Одно было плохо: практически весь обзор закрыли столовые горы, изрезанные каньонами. К тому же компьютерная схема демонстрировала двухмерное изображение, на котором не показано, как скала выглядит под другим углом.

Форд снова поднес бинокль к глазам и продолжал высматривать нужную скалу, пока не изучил все объекты, видимые с его позиции. Пришло время переходить на участок, обозначенный на карте как «Наблюдательный пункт № 2». То был небольшой холм с крутыми склонами, расположенный на другой стороне Навахского Кольца и торчавший, словно поднятый палец. Идти придется долго, но прогулка не будет напрасной: Форд сможет увидеть территорию пустынных земель, столовых гор и каньонов почти полностью.

Он взял флягу и встряхнул ее, определив, что запас воды израсходован меньше чем наполовину. В мешке имелась еще одна фляга, даже не начатая. Если аккуратно использовать запасы, трудностей с водой не предвидится.

Уайман сделал маленький глоток и отправился в путь, двигаясь по краю Навахского Кольца.

По дороге он погрузился в приятные мысли – благотворно подействовала физическая нагрузка. Настоятелю монастыря он сказал, что хотел бы провести некоторое время в пустыне, посвятив его духовным исканиям, и пообещал вернуться на следующий день в третьем часу. Теперь это оказывалось абсолютно невозможным, а если Форд уйдет еще дальше в пустынные земли, то на возвращение понадобится, вероятно, дня два. Настоятель не возражал: он привык к отлучкам послушника в пустыню, где тот предавался благочестивым размышлениям. Однако на сей раз Уайман чувствовал, что в чем-то не прав. Он ввел настоятеля в заблуждение относительно своих намерений. Молитва, пост и предельное самоограничение еще не свидетельствуют о духовности его исканий. Форд понимал: он позволил интриге, тайне, опасностям, сопряженным с поисками динозавра, увлечь себя. В монастыре Уайман приобрел весьма ценный навык самоанализа и теперь

пользовался им, раздумывая над причинами собственного поведения. Зачем вообще он отправился в эти дикие земли? Нет, не затем, чтобы найти динозавра во имя блага американского народа – альтруистических побуждений тут нет и в помине. Он хочет разыскать окаменелость не ради денег и, уж конечно, не ради славы.

Форд предпринял поиски в силу более глубинных причин, в силу некоего изъятия в характере: он жаждал риска и приключений. Три года назад Уайман принял решение, тогда – импульсивное, но к настоящему моменту уже хорошо обдуманное и подкрепленное молитвой: решение удалиться от мирской жизни и посвятить себя служению Богу. А нынешняя экспедиция – тоже часть служения Богу?

Вопреки отрезвляющим мыслям, будто повинуюсь неведомой внешней силе, брат Уайман Форд продолжал путь по утесам Навахского Кольца, открытого всем ветрам, и не сводил глаз с далекого холма.

4

Айэн Корвус стоял у окна. Он услышал, как у него на рабочем столе зазвонил телефон, и секретарша объявила: «Мистер Уормус из Бюро по управлению землями – на первой линии».

Корвус подскочил к столу, снял трубку и заговорил приятнейшим голосом:

– Как поживаете, мистер Уормус? Вы, полагаю, получили мой запрос о предоставлении разрешения?..

– Разумеется, профессор. Он сейчас лежит прямо передо мной.

Резкий западный акцент резал Корвусу ухо. «Профессор». И откуда только такие чинуши берутся?

– Возникли какие-то сложности?

– Вообще-то да. Наверняка это вышло просто по недосмотру, однако я не вижу информации о месторасположении объекта.

– Недосмотр здесь ни при чем, мистер Уормус. Я просто не указал этих сведений. Речь идет об исключительно ценном образце, который вполне могут и похитить.

– Ценю вашу предусмотрительность, профессор, – протянули на другом конце провода, – но Высокие Плоскогорья занимают значительную территорию. Мы не можем выдать разрешение на изъятие ископаемого, не имея сведений о расположении участка.

– На черном рынке представленный вам образец стоит миллионы. Разглашение сведений о месте, где его нашли, и даже просто передача их вашему бюро – это риск, пойти на который я отказываюсь.

– Понимаю, сэр, но здесь, в бюро, мы весьма надежно храним информацию подобного рода. Все просто: вы не даете сведения о расположении участка – мы не предоставляем вам разрешения на ведение работ.

Корвус глубоко вздохнул.

– Мы можем, разумеется, дать вам приблизительные сведения...

Сотрудник бюро перебил его:

– Нет, сэр. Необходимо конкретно указать район, сектор, площадь и координаты, полученные с помощью глобальной системы навигации. Иначе мы не в состоянии обработать ваш запрос.

Корвус опять вздохнул, пытаясь взять себя в руки.

– Я беспокоюсь вот почему: вы, вероятно, помните, что в прошлом году в округе Маккоун, штат Монтана, умыкнули превосходный экземпляр ископаемого диплодока тотчас же после выдачи разрешения на ведение палеонтологических раскопок.

– Умыкнули?

– Украли.

В трубке терпеливо прогнусавили:

– Штат Монтана находится вне моей компетенции, следовательно, откуда мне знать об

этом диплодоке, которого умыкнули? А здесь, в Нью-Мексико, мы требуем представлять координаты расположения участка, чтобы выдать разрешение на изъятие ископаемого. Если нам неизвестно, где ваше ископаемое находится, как же мы тогда можем вам позволить его забрать? Или помешать еще кому-то это сделать? Уж не объявить ли нам мораторий на работу всех, кто занят сбором окаменелостей в Высоких Плоскогорьях, пока вы не добудете свою находку? Думаю, так бюро поступать не станет.

– Понятно. Я постараюсь как можно скорее представить вам координаты.

– Да, обязательно. И еще...

Корвус прислушался.

– К вашему запросу не было приложено ни фотографий, ни плана местности. А ведь это все указывается в Приложении "А" к вашему запросу. В нормах и положениях прямо так и прописано: «Лицо, подающее запрос, обязано представить топографический план участка, на котором обнаружена окаменелость. Также необходимо предъявить все результаты дистанционной съемки участка и фотографические снимки окаменелости, если таковые в наличии». Иными словами, если на некоем участке действительно имеется ископаемое, нам нужно то или иное доказательство этого факта.

– Находка недавняя, а участок отдаленный. У нас еще не было возможности вернуться и произвести съемку. Дело вот в чем: мне хотелось бы быть уверенным, что наше приоритетное право на находку установят и подтвердят – на тот случай, если поступит другой запрос на извлечение ископаемого.

Послышалось недовольное бюрократическое ворчание:

– О приоритетном праве сказано в статье 501 официального положения о подаче запросов, раздел С пункт 3. Должен вам сказать, профессор, вот в этом вашем запросе многого недостает, чтобы установить приоритет.

Корвус скрипнул зубами. *«Вот в этом вашем...»*

– Наверняка существует какая-нибудь возможность утвердить приоритет и без представления точных координат участка?..

В трубке высокомерно засопели. Корвус чувствовал, как кровь стучит у него в висках.

– Я уже сказал и могу лишь повторить: приведите в порядок свой пакет документов, тогда мы выдадим разрешение. Не раньше. Если кто-то другой подаст аналогичный запрос, что ж, это не наша забота. Кто не успел, тот опоздал.

– Черт! Послушайте, вы, да сколько их там, по-вашему, цельных окаменевших тираннозавров рекс? – взорвался Корвус.

– Полегче, профессор.

Корвус сделал титаническое усилие. С этим человеком отношения следует портить в последнюю очередь. Он бюрократ, во власти которого дать Корвусу соизволение изъять ископаемое с федеральных территорий. С таким же успехом он может предоставить разрешение проклятому Мерчисону из Национального музея естественной истории в Вашингтоне.

– Прошу прощения за резкость, мистер Уормус. Я как можно скорее представлю вам нужную информацию.

– На будущее просто запомните, – наставительно сказал сотрудник бюро, – когда запрашиваете разрешение на изъятие окаменелости с федеральных земель, уж потрудитесь правильно составить документ. Даже если вы представляете крупный нью-йоркский музей, это не значит, что можно пренебречь правилами.

– Еще раз примите мои искренние извинения.

– Всего доброго.

Корвус аккуратно положил трубку. Сделал глубокий вдох, дрожащей рукой пригладил волосы. Ну и гаденыш сидит там, в бюро, да еще какой заносчивый!..

Корвус поднял глаза: пять ровно, значит, в Нью-Мексико три. Мэддокс двое суток не звонит, черт бы его побрал. Судя по последнему разговору, он вроде держал ситуацию под контролем, хотя за сорок восемь часов многое могло случиться.

Корвус прошелся по кабинету, дойдя до окна, посмотрел на парк. Любители вечерних прогулок как раз спускали лодки на воду, и Корвус понял, что ищет глазами давешних отца с сыном. Но они, разумеется, на пруд не вернулись – с чего, собственно? Им хватило и одного раза.

5

Шесть часов. Солнце уже опустилось за край каньона, и дневная жара спадала, однако внизу, в неподвижном воздухе между песчаниковыми склонами, было по-прежнему душно. Уиллер, с трудом одолевавший очередной бесконечный подъем, вдруг услышал, как за поворотом громко залаяли собаки. Спустя мгновение раздались пронзительные окрики Уитли. Детектив переглянулся с Эрнандесом.

– Нашли что-то, не иначе.

– Наверняка.

– Лейтенант! – перепуганно звал Уитли. – Лейтенант!

Истерический собачий лай и человеческие вопли доносились до Уиллера, искажаясь в узком ущелье между склонами каньона, будто внутри гигантского тромбона.

– Да уж пора бы, – заметил Эрнандес, семена короткими ножками.

– Черт возьми, надеюсь, Уитли справляется со своими псами.

– Помните, в прошлом году они тому старикану оттяпали левую...

– Ну ладно, ладно, – торопливо прервал его Уиллер.

Детектив миновал последний поворот и увидел, что Уитли безуспешно пытается остановить собак – обе, как взбесившись, норовили разрыть песчаную полосу у основания склона. Уиллер с Эрнандесом бросились вперед, схватили поводки и, оттащив собак, привязали их к камню.

Красный, запыхавшийся Уиллер огляделся по сторонам. Псы истоптали все вокруг, но невелика беда, потому что ливень, который прошел неделю назад, начисто смыл следы. Детектив рассмотрел участок, засыпанный песком. Судя по всему, там ничего не было, просто легкий ветерок приносил слабый неприятный запах. Сзади скулили собаки.

– Давайте копать.

– Копать? – переспросил Эрнандес, и на его круглом лице появилось встревоженное выражение. – А разве не надо дожидаться экспертов и патологоанатома?

– Еще неизвестно, тело это или нет. Вдруг мертвый олень попался. Мы не можем гонять сюда вертолет с целой командой экспертов, пока не узнаем точно.

– Понял.

Уиллер снял рюкзак и, вытащив оттуда два совка, бросил один Эрнандесу.

– Скорее всего здесь неглубоко. У убийцы времени было в обрез.

Детектив опустил на колени и принялся раскапывать рыхлый песок, совком снимая слой за слоем. Эрнандес проделывал то же самое с другого края песчаной полосы, сыпая песок в две аккуратные горки, чтобы потом команда судебных экспертов просеяла и тщательно изучила его. Разгребая песок, Уиллер высматривал улики – клочки одежды или какие-нибудь предметы, – однако ничего не обнаруживалось.

Яма все углублялась, сухой песок сменился мокрым. Там явно что-то есть, думал Уиллер, по мере того как запах усиливался.

На глубине трех футов его совок наткнулся на податливую массу, покрытую волосами. В нос тут же ударила густая, вязкая волна зловония. Уиллер, стараясь дышать ртом, копнул глубже. То, что ему попало, пять дней лежало в сырости при 36-градусной жаре и воняло соответствующе.

– Это не человек, – сказал Эрнандес.

– Да вижу я.

– Может, олень.

Уиллер покопал еще немного. Шерсть слишком жесткая и к тому же чересчур сильно

свалялась, на шкурку лани не похоже. Когда детектив попытался счистить песок и получше рассмотреть находку, шерсть и кожа начали отслаиваться кусками, обнажая скрывавшуюся под ними розовато-коричневую плоть. Не олень это, а осел. Ишак разведчика-старателя, о нем еще Бродбент упоминал.

Уиллер выпрямился.

– Если есть труп человека, то он где-то поблизости. Давай, ты с той стороны, я – с другой.

И снова они принялись раскапывать песок, аккуратно складывая его рядом с собой. Уиллер курил, зажав сигарету в зубах и надеясь, что так зловоние хоть немного рассеется.

– Кажется, есть.

Уиллер перешел на другую сторону, к сидевшему на корточках Эрнандесу. Тот, расчистив песок, добрался до какого-то продолговатого раздутого предмета, напоминающего вареную сосиску. Детектив не сразу сообразил, что это предплечье. Он буквально физически ощутил новую волну смрада. Здесь несло по-другому, гораздо хуже. Уиллер набрал полные легкие дыма, и зря: теперь вкус мертвечины чувствовался во рту. Детектив встал и попятился, испытывая рвотные позывы.

– Ладно. Достаточно. Это труп. Что хотели, мы выяснили.

Эрнандес торопливо затрусил прочь, спеша отойти от самодельной могилы. Уиллер перешел на наветренную сторону, лихорадочно куря и с каждой затяжкой вдыхая все больше дыма, как бы стремясь выгнать из легких дух смерти. Детектив осмотрелся. Собаки так и стояли, привязанные к валуну, они поскуливали и рвались. Куда? Подзакусить?

– Где Уитли? – спросил Эрнандес, оглядываясь по сторонам.

– Черт его знает. – Детектив заметил свежие следы Уитли, уходившие вверх. – Узнай, чем он занят, хорошо?

Эрнандес стал карабкаться по склону и вскоре исчез за выступом. Через минуту помощник вернулся, на лице его застыла ухмылка.

– Блюет он.

6

В пятницу утром небо было безупречно голубое, стайки соек галдели и бранились среди сосен, а от тополей на луг ложились длинные прохладные тени. С утра Том в течение целого часа кормил лошадей, а теперь вел своего любимца Тука к ограде седлать. Салли догнала их верхом на буланом мерине по кличке Сьерра.

К тому времени, когда Бродбенты отправились в путь в тени зеленых тополей, росших вдоль ручья, прохлады уже не было в помине. Справа от всадников вздымались склоны горы Педернал, увенчанной плоской вершиной – ее прославили картины Джорджии О'Киф¹².

Том и Салли, как обычно, не разговаривали, предпочитая ехать верхом молча: их радовало уже то, что они вместе. Приблизились к броду. Лошади, поднимая брызги, перешли неглубокий ручей, все еще студеной от таявшего в горах снега.

– Мы куда, ковбой?

– На родник Барранконес.

– Отлично.

– Шейн за всем присмотрит, – сказал Том. – Мне сегодня можно вообще не появляться в лечебнице.

Его кольнула совесть. Слишком много дел перекладывает он на Шейна в последнюю неделю.

Они достигли утесов и по узкой тропинке двинулись вверх. Над головой кружил

¹² Джорджия О'Киф (1887 – 1986) – американская художница, известная представительница современной живописи США.

ястреб, крылья птицы с едва слышным свистом рассекали воздух. Пахло пылью и цветущими тополями.

– Черт возьми, до чего же я люблю эти места! – воскликнула Салли.

Тропинка вилась вдоль подножия столовой горы и уходила в прохладные заросли сосен-пондерос. Через полчаса Бродбенты добрались до вершины, и Том развернул коня, чтобы полюбоваться видом. Этот пейзаж никогда ему не надоедал. Слева – крутой склон горы Педернал, справа – отвесные оранжевые утесы Пуэбло-Меса. Внизу, у берегов ручья Каконес, повсюду виднелись целые поля люцерны, а сразу за ручьем открывалась огромная долина Пьедра-Лумбре в тысячу акров шириной. Вдали обозначились величественные очертания изрезанной каньонами Меса-де-Лос-Вьехос. Оттуда начинается край Высоких Плоскогорий, где-то там лежит невиданный окаменевший тираннозавр рекс, которого разыскивает полубезумный монах.

Том взглянул на Салли. Ветер играл ее медовыми волосами, она повернулась лицом к солнцу, чуть приоткрыв губы, довольная, восхищенная.

– Вид что надо!

Том и Салли продолжили путь. Ветер шуршал травой, росшей по краю тропинки. Том пропустил Салли вперед и теперь наблюдал за тем, как она едет. Оба опять молчали, лишь мерно поскрипывали седла.

Когда начались высокогорные луга Меса-Эскоба, Салли ударила Сьерру по бокам, и конь пустился рысью. Том последовал примеру жены. Они съехали с тропы на открытый всем ветрам луг, тут и там пестреющий люпинами и цветками индейской кастиллеи.

– Ну что, прибавим шагу? – раздался голос Салли, снова подгонявшей коня.

На дальнем краю луга Том заметил небольшую группу тополей – за ними, у подножия красного утеса, уже родник Барранконес.

– А ну-ка, – крикнула Салли, – кто последний до родника доскачет, тот балбес!

Она испустила клич «Хей-хоп!», и Сьерра молнией метнулся вперед, перейдя на стремительный бег. Салли радостно взвизгнула.

Тука, всегда любившего идти первым, понукать не пришлось, и вот кони понеслись по лугу голова в голову. Салли вырывалась вперед. Пламенели, струясь, ее золотые волосы.

Том смотрел, как она летит на буланом скакуне, и не мог не признать, что Салли чертовски хорошая наездница. Сьерра и Тук промчались по траве и моментально оказались в тени деревьев, окружавших родник. В последнюю секунду Салли все же опередила Тома. Кони, слегка отклонив шеи назад, остановились мягко, как и подобает безупречно выдрессированным животным. Том увидел жену прямо перед собой: она сидела в седле, волосы ее совсем растрепались, лицо покраснелось, белая рубашка, от которой отскочило несколько пуговиц, частично расстегнулась.

– Здорово проехались!

Салли соскочила с коня.

Они находились в тополиной рощице со старой площадкой для костра. Вокруг площадки лежало несколько бревен для сидения. В былые времена ковбои, устроив здесь что-то вроде стоянки, сколотили стол из грубо отесанных сосновых досок, прибили к одному из тополей деревянный ящик, всунули между расходящимися ветками треснувший осколок зеркала и повесили на гвоздь выщербленный эмалированный умывальник. У подножия утеса за ветвями ив прятался глубокий родник.

Бродбент взял обоих коней под уздцы, расседлал и, напоив их у воды, пустил пощипать травы. Когда Том вернулся к Салли, она уже успела постелить скатерть и достать все необходимое для завтрака. В центре стола стояла только что открытая бутылка красного вина.

– Вот это класс, – сказал Том. – «Кастелло-ди-Верраццано», выдержка три года. Неплохо, неплохо.

– Я ее засунула потихоньку в седельный выюк. Надеюсь, ты не возражаешь.

– Боюсь, вино взболталось. – Том изобразил комическое неодобрение. – Думаешь, нам

стоит пить спиртное за завтраком? По правилам не полагается – мы ведь потом снова должны ехать верхом.

– Ну что ж, – в тон ему протянула Салли, – придется нам пренебречь правилами, да? – Она с аппетитом откусила от своего бутерброда, налила в пластиковый стакан вина. – Держи.

Том взял стакан, повертел его перед собой, глотнул, изображая знатока вин.

– Ягоды, ваниль, легкий шоколадный оттенок.

Салли налила вина и себе, сделала большой глоток. Сквозь листву проникал зеленоватый свет, и деревья шелестели при каждом порыве легкого ветерка. Том дожевал бутерброд и прилег на покрывало, которое они расстелили прямо на мягком дерне. Вдалеке за тополями виднелись пасшиеся в низине кони, усеянные солнечными кружочками. Вдруг Том почувствовал, как ему на висок легла прохладная ладонь. Он обернулся – над ним склонялась Салли, ее густые светлые волосы спадали вниз.

– Ты что делаешь?

Она улыбнулась.

– А как по-твоему – что?

Она положила ладони Тому на щеки. Он попытался сесть, но Салли мягко толкнула его назад, в траву.

– Эй... – начал Том.

– Сам ты «эй».

Ее рука скользнула к нему под рубашку, поглаживая грудь. Салли нагнулась, приникла губами к его губам, он ощутил мятно-винный вкус. Она склонилась ниже, и волосы ее тяжелой волной упали Тому на грудь.

Коснувшись головы Салли, рука Бродбента двинулась ниже, по изгибу спины, и он чувствовал, как там напрягаются мускулы. Том притянул Салли к себе, его тела коснулось ее стройное тело и мягкие груди...

Потом они лежали рядом на покрывале. Обвивая рукой плечо Салли, Том смотрел в ее удивительные зеленовато-голубые глаза.

– Лучше ничего и не придумаешь, правда? – сказал он.

– Да, – прошептала она, – так хорошо, что мне почти жутко.

7

Мэддокс прошел по Кэньон-роуд и свернул за угол у Камино-дель-Монте-Соль. Перед ним запестрел целый лес самодельных указателей с выведенными от руки надписями. Цепочки указателей, стремившихся перещеголять друг друга в своей кустарной затейливости, тянулись по обеим сторонам дороги. Тротуары наводняли туристы, экипированные словно для перехода через Сахару: мягкие панамы, широконосые сандалии, у пояса – фляжки с водой. Большинство туристов выглядели бледными и оторопевшими, будто бы они только что проклюнулись, как гусеницы из яиц, из мокро-гнилостных городов восточных штатов. Сам же Мэддокс решил вырядиться техасским богатеем и смотрелся, ему казалось, очень правдоподобно в тяжелых ботинках, ковбойской шляпе и ковбойском же галстуке шнурком – бирюзовом, с пижонским узлом величиной с мячик для гольфа.

По дороге попадались старые дома викторианского стиля – в них, как и везде, находились художественные и сувенирные магазины, в витринах которых поблескивали индейские горшки и побрякушки. Мэддокс посмотрел на часы. Полдень. Еще немного придется поболтаться без дела.

Он бродил по магазинчикам и поражался тому, сколько же есть на свете всяких изделий из серебра и бирюзы, сколько разной керамики, а о картинах и говорить нечего. Искусство в общем-то жульничество, понял Мэддокс, разглядывая очередную витрину с муляжом, изображавшим аляповатые каньоны, завывающих на луну койотов и завернутых в покрывала индейцев. Еще один легкий способ сшибить монету, и все совершенно законно. И

почему он раньше не замечал таких возможностей? Угробил полжизни, пытаясь заработать нелегкими, противозаконными средствами и не понимая, что все лучшие способы надуть людей и заставить их раскошелиться вполне легальны. Вот развяжется Джимсон Мэддокс с последним дельцем, станет законопослушным на все сто, вложит полученные денежки во «Время невзгод» и, может, даже инвесторов поищет. А вдруг он сделается еще одним сетевым миллионером?

Его внимание привлек магазин, битком набитый огромными каменными и бронзовыми скульптурами. На вид все это добро дорогое, одна транспортировка наверняка стоит целое состояние. Тренькнул дверной колокольчик, и появилась, цокая каблучками, молодая женщина, улыбнувшаяся Мэддоксу ярко накрашенными губами.

– Вам помочь, сэр?

– А как же, – ответил он, понимая, что намеренно растягивает слова, изображая акцент. – Вот эта скульптура меня интересует. – Мэддокс кивнул на самую большую, какую только увидел в зале. Она изображала группу индейцев в натуральный рост, вытесанную из цельной каменной глыбы весом по крайней мере три тонны. – Можно спросить, сколько она стоит?

– А, «Шествие счастья». Семьдесят пять.

Мэддокс вовремя удержался, чтобы не спросить: «Тысяч?»

– Вы кредитки принимаете?

Если женщина и была удивлена, то виду не подавала.

– Только придется проверить кредитный лимит, и все. У большинства покупателей он недостаточен.

– Я не большинство покупателей.

Снова лучезарная улыбка. Он заметил веснушки у нее на груди, в вырезе шелковой блузки, расстегнутой на пару пуговичек.

– Мне нравится при любой возможности оплачивать покупки по кредитной карточке и, когда путешествую, получать «бонусные мили».

– На «бонусные мили» за эту скульптуру вы в Китай сможете съездить, – заметила женщина.

– Лучше в Таиланд.

– И туда тоже.

Он внимательнее пригляделся к ней. Хорошенькая. Хотя как же иначе, если работаешь в подобном месте... Мэддоксу стало интересно, получит ли она комиссионные.

– Ну а... – Он улыбнулся и подмигнул ей. – А вон та почему?

Мэддокс показал на бронзового индейца с орлом в руках.

– "Отпускающий орла". Десять.

– Я недавно купил загородное ранчо, надо теперь эту берлогу обставить. Одна только главная постройка в десять тысяч квадратных футов.

– Представляю себе.

– Я – Мэддокс. Джим Мэддокс. – Он протянул руку.

– Кларисса Провендер.

– Приятно познакомиться, Кларисса.

– Это скульптура работы Уилли Атцитти, индейца из племени навахо, он один из наиболее выдающихся индейских мастеров. А та, первая, высечена из цельной глыбы настоящего алебаstra, добытого в горах Сан-Андреас, штат Нью-Мексико.

– Красота. А что та скульптура изображает?

– Песнопения по случаю шествия счастья, они обычно длятся три дня.

– По случаю чего песнопения?

– Шествия счастья. Это традиционная церемония индейцев навахо, призванная восстановить гармонию и равновесие в жизни человека.

– Вот это мне как раз не помешало бы.

Теперь Мэддокс стоял достаточно близко от нее, чтобы уловить сладковатый запах

шампуня, которым она, очевидно, с утра вымыла свои блестящие черные волосы.

– Это бы нам всем не помешало, – со смешком ответила Кларисса Провендер, искоса поглядывая на Мэддокса лукавыми карими глазами.

– Кларисса, вас, наверное, многие об этом просят... хотя, если я выбиваюсь из общей массы, вы только скажите... но как насчет ужина сегодня вечером?

Сияющая фальшивая улыбка.

– Мне не полагается ходить на свидания с потенциальными покупателями.

Мэддокс воспринял ее ответ как согласие.

– Я буду в семь в «Розовой глинобитке». Если придете, с удовольствием угощу вас мартини и фирменным бифштексом.

Она не сказала «нет», и Мэддокс приободрился. Он махнул рукой в сторону скульптур:

– Думаю, возьму алебастровую. Мне сначала надо все измерить, убедиться, что она поместится в комнате, вот в чем штука. Если не подойдет алебастровая, то ту, другую – наверняка.

– Документы с характеристиками товара у нас в подсобном помещении. Там в описании и размеры указаны, и вес, и порядок транспортировки.

Она пошла в подсобку, стуча каблучками, и Мэддокс смотрел, как виляет ее зад, обтянутый короткой черной юбчонкой. Кларисса вернулась с листом бумаги, какой-то картой и брошюрой об авторе скульптуры. Девица с улыбкой протянула все это Мэддоксу. На ее левом резце виднелось пятнышко от помады. Джимсон сунул документы и книжечку во внутренний карман пиджака.

– Можно, я у вас сделаю по-быстрому один местный звонок?

– Да.

Кларисса, пробормотав еще что-то себе под нос, провела Мэддокса к своему столу в глубине зала, подвинула ему аппарат.

– Всего одну секундочку. Алло! Доктор Бродбент?

Голос в трубке отвечал:

– Нет, это Шейн Макбрайд, его коллега.

– Я совсем недавно переехал в Санта-Фе, ранчо приобрел к югу от города. Хочу вот купить коня для верховой езды. Он пегий, такой красавец, и нужно, чтоб ветеринар его посмотрел... Доктор Бродбент будет на работе?

– Когда именно?

– Сегодня или в субботу.

– В данный момент доктора Бродбента нет, но он сможет к вам приехать в понедельник.

– А в субботу – нет?

– В субботу по вызовам езжу я, и... минутку... после двух я свободен.

– Извините, Шейн, ничего личного, просто доктора Бродбента мне очень рекомендовали, и пусть уж лучше он сам посмотрит...

– Если вам необходим доктор Бродбент, придется подождать до понедельника.

– Мне нужно в субботу. Если у него выходной, я готов доплатить.

– Доктора Бродбента сегодня нет в городе, простите. Как я уже говорил, с удовольствием посмотрю вашего коня.

– Ничего личного, Шейн, однако... – Мэддокс нарочно приумолк, словно от досады. – Все равно спасибо вам. Позвоню в понедельник, договоримся на другой день.

Мэддокс положил трубку и подмигнул Клариссе. Она смотрела на него с непроницаемым лицом.

– Увидимся в «Глинобитке», Кларисса.

С минуту она молчала. Потом наклонилась к нему и, продолжая хитро улыбаться, тихонько сказала:

– Я здесь пять лет проработала, и знаешь – это действительно мое дело. Догадываешься, почему?

- Почему?
- Я за километр распознаю всяких проходимцев. А ты, как говорится, из плута скроен, мошенником подбит.

Часть третья Ручей Фердис

Длина ее достигала пятидесяти футов, высота в плече – двадцати. Она весила приблизительно шесть тонн – не больше слона. Ее нижние конечности, длина которых превышала десять футов, были оснащены весьма мощными мышцами, подобных мускулов никогда не появлялось ни у одного позвоночного животного. При ходьбе она держала хвост высоко над землей. Ширина ее шага равнялась двенадцати – пятнадцати футам. Во время бега самка могла развивать скорость до тридцати миль в час, но дело было не столько в быстроте, сколько в проворстве, подвижности и молниеносных рефлексах. На ее ступнях, размер которых составлял около трех с половиной футов, имелось четыре кривых когтя, три впереди и один, напоминающий шпору, – сзади. Она передвигалась на кончиках пальцев. Всего один меткий удар нижней конечности был способен распороть брюхо стофутовому утконосому динозавру, а то и разорвать жертву пополам.

В ее трехметровых челюстях помещалось шесть десятков зубов. Четыре передних резца служили для сдирания и скусывания мяса с костей. Зубы, предназначенные для умерщвления добычи, образовывали жуткий боковой ряд. Некоторые из них достигали двенадцати дюймов в длину, включая корень, и в объёме были размером с детский кулачок. По краям они имели зазубрины, и самка, сделав первый укус, могла удерживать свою добычу, одновременно как бы распиливая, разрезая ее плоть и выхватывая до десяти и более кубических футов мяса за раз, причем весили эти куски по несколько сот фунтов каждый.

Череп ее был оснащен целым лабиринтом полостей, пустот и канальцев, что придавало ему значительную легкость, прочность и подвижность. Укусы самки могли быть двух видов: укус «сверху» – с помощью его она резала мясо жертвы, словно ножницами, и «щипцовый» укус, пробивавший панцири и дробивший кости. Ее небо поддерживали тонкие связки, благодаря им череп при укусе становился более плоским, раздавался в стороны и растягивался, позволяя ей проглатывать целиком громадные куски мяса.

Мощные, заходившие одна на другую челюсти способны были на укус такой силы, что на один квадратный дюйм одновременно воздействовало более ста тысяч фунтов. Столь чудовищного давления не выдержала бы и сталь.

Ее верхние конечности были невелики, размером почти с человеческие, только гораздо мощнее. На них имелось по два загнутых когтя, расположенных под углом 90 градусов к самой конечности; они могли захватывать и распарывать туши жертв, не оставляя тем ни малейших шансов на спасение.

Ее спинные позвонки в тех местах, где к ним присоединялись ребра, были величиной с кофейные банки, что обеспечивало самке возможность выдерживать тяжесть собственного желудка, в котором могло находиться более четверти тонны недавно съеденного мяса.

Она смердела. Во рту у нее, в специальных щелях между зубами, помещались крупные и мелкие куски гниющего мяса и частички прогорклого жира. Они делали укус самки еще опаснее. Даже если жертве удавалось уйти после первого нападения, она скорее всего вскоре погибала в результате серьезной инфекции или заражения крови. Кости, выходявшие вместе с фекалиями самки, иногда оказывались практически полностью растворенными концентрированной соляной кислотой – в такой среде переваривалась пища в ее желудке.

Мыщелок затылочной кости самки был величиной с грейпфрут, так что она могла поворачивать голову почти на 180 градусов и захватывать добычу в любом направлении. Подобно человеку, она обладала стереоскопическим зрением. Кроме того, самка отличалась

превосходным слухом и обонянием. Все пять чувств помогали ей выслеживать добычу. Ее излюбленными жертвами были утконосые динозавры, стада которых шумно продирались сквозь обширные леса, голая и трубя, – эти сигналы помогали им держаться вместе и собирать детенышей, отстававших от матерей. Она умела приспособиться к разным условиям жизни и не брезговала ничьим мясом.

Самка обычно охотилась, предварительно устраивая засаду: сначала она долго и незаметно подкрадывалась к жертве, затем следовал короткий бросок – и конец. «Лесные» цвета – зелено-коричневый пятнистый узор – служили ей прекрасной маскировкой.

В молодости она охотилась в стае вместе с сородичами, но, став зрелой, действовала в одиночку. Самке не случалось атаковать жертву и потом вступать с ней в смертельную схватку. Совсем наоборот: набросившись на добычу, она кусала ее всего один раз, свирепо, пробивая зубами любой панцирь, любые роговые пластины и сразу добираясь до жизненно важных органов и пульсирующих артерий. И тогда, удерживая жертву, как червя на крючке, самка ударяла добычу нижней конечностью и разрывала ее. Затем она выпускала животное и отступала на безопасное расстояние, пока жертва тщетно билась и ревела, содрогалась в конвульсиях и истекала кровью.

Как многие хищники, она была еще и трупоедом, не пренебрегая никаким мясом, пока то еще не окончательно разложилось. Проглотить бьющееся живое сердце и вонзить зубы в гниющую, кишачную личинками мух тушу, – и то и другое доставляло ей одинаковое удовольствие.

Марстон Уэзерс

1

Уайман Форд остановился, глядя на огромную расселину, названную каньоном Тираннозавра. Форд уже миновал базальтовую скалу, давшую каньону имя, и, прошагав еще десять миль, забрался глубоко, немыслимо глубоко вниз. Глубже, чем ему случалось заходить раньше. Это было Богом забытое место. Чем больше Уайман углублялся в каньон, тем выше вздымались его склоны, пока наконец они не стали физически давить на путника с обеих сторон, словно грозя сомкнуться. Отколовшиеся от утесов глыбы величиной с дом лежали, разбросанные по дну каньона, среди них вились солончаковые дорожки. Ветер поднимал облака белой пыли. Форду казалось, что в каньоне нет ничего живого, кроме редких сорных кустов и, естественно, уймы гремучих змей.

Он замер, увидев, как впереди что-то медленно шевельнулось: техасский гремучник толщиной с его собственную руку прополз по песку буквально в двух шагах; язычок змеи часто трепетал, слышалось мерное шуршание. В этот вечерний час змеям пора выползать из нор, подумал Форд, жара спадает, и они стремятся начать свою ночную охоту раньше других.

Уайман продолжил путь, широко шагая в привычном темпе. Он двигался словно по лабиринту – множество боковых каньонов ответвлялись от главного и уходили в никуда. Форд оставлял позади милю за милей. На западе, на небольшом возвышении, где каньон делал очередной поворот, виднелось внушительное нагромождение скал – тех самых, что Форд заметил еще с Навахаского Кольца и уже успел окрестить Лысыми. Нижняя часть каньона скрылась в тени, разбавленной теплым оранжевым свечением – то солнечный свет отражался сверху, от восточной оконечности каньона.

Форд радовался, что день подходит к концу. С утра он крайне экономно расходовал воду, но благодаря воздуху, становившемуся все прохладнее, жажда, к счастью, ослабевала.

В пустыне ночь, чуть заявив о себе, быстро вступала в свои права. У Форда оставалось не много времени на поиски хорошего места для привала. Прибавив шаг, Уайман пошел дальше, глядя по сторонам, и скоро увидел, что хотел: два валуна образовывали укрытие, между ними ровным слоем лежал мягкий песок. Форд снял с плеч рюкзак и сделал большой глоток воды, подержав ее во рту, прежде чем проглотить, чтобы в полной мере насладиться

влажностью. Еще пятнадцать, может, двадцать минут будет светло. Зачем тратить это время на раскатывание постели и готовку? Оставив снаряжение, Форд двинулся вперед, к тому месту, где начинались Лысые скалы. При ближайшем рассмотрении они больше напомнили путнику не черепа, а гигантские раздавленные грибы-поганки; каждая глыба имела футов тридцать в ширину и футов, наверное, двадцать в высоту. Они состояли из темно-оранжевого песчаника, пронизанного винного цвета сланцевыми вкраплениями и галькой. У некоторых массивных куполов, находившихся ближе к краю, когда-то треснули опоры, отчего они упали, как Шалтай-Болтай, и разлетелись на куски.

Форд вступил в лес колонн, поддерживавших круглые каменные купола. Сами колонны образовались из бледно-розового песчаника, каждая из них достигала около десяти футов в высоту. Уайман с трудом пробирался между ними, намереваясь выяснить, как далеко простирается это скопление. Форду казалось, что ни одна скала не напоминает ту, которая ему нужна, и в то же время все они были похожи друг на друга, словно члены одной семьи. Уаймана охватила знакомая дрожь. Его не покидала уверенность: похороненный в камне динозавр все ближе. Форд протискивался между валунами, иногда ему приходилось ползти, от громоздившихся над головой скал становилось жутко. Перебравшись на противоположную сторону, Уайман, к своему удивлению, обнаружил, что Лысые скрывают вход в другой каньон, или, вернее, в невидимое продолжение каньона Тираннозавра. Форд вступил в эту скрытую расселину, торопливо зашагав по ее дну. Новый каньон был узок, его наверняка часто затопляли ливневые паводки: по обеим сторонам валялись покореженные стволы деревьев и ветки, очевидно, принесенные потоками воды сверху, с гор. Вода отполировала нижнюю часть склонов, кое-где проделав в них углубления.

Каньон все петлял, и за каждым изгибом открывались новые скальные ниши и расщелины. В тех, что повыше, когда-то помещались крохотные жилища индейцев анасази. Еще четверть мили пути, и Форд подошел к нахлесту – высокому песчаниковому уступу, преграждавшему каньон. Вероятно, во времена более влажного климата оттуда низвергался водопад: растрескавшийся ил внизу свидетельствовал о том, что раньше там находился пруд. Форд перелез через уступ, цепляясь за выдающиеся вперед камни, и продолжал свой путь.

За изгибом каньона открывалась огромная долина, в которой сходились три боковых каньона. Здесь словно произошло настоящее столкновение скал, теперь являвших зрелище того, сколь беспощадной может быть эрозия. Форд замер, благоговей перед застывшей яростью природы. На лице его промелькнула улыбка, и, охваченный странным чувством, он решил назвать этот клочок земли Местом Дьявольских Игрищ. Пока Форд смотрел, солнце окончательно скрылось за краем каньона, и вечерний сумрак стал завлакивать необыкновенную долину, окутывая ее фиолетовой тенью. Вот уж точно: место, затерянное во времени.

Уайман повернул назад. Было слишком поздно, чтобы продолжать разведку, и потом, требовалось вернуться к снаряжению до наступления темноты. Эти камни ждали миллионы лет, с улыбкой подумал монах. Смогут и еще денек подождать.

2

Том ехал на север по 84-му шоссе, с большим трудом заставляя себя сосредоточиться на дороге. Самолет опоздал, было уже полдевятого, а до указанного похитителем отрезка дороги оставался еще час пути. На сиденье рядом с Томом лежал пластиковый пакет с молнией, набитый скомканной желтой бумагой. Туда он и сунул блокнот. Заряженный мобильный телефон ждал звонка.

Том ощущал свою крайнюю беспомощность и полную зависимость от происходящего – невыносимое чувство. Нужно было взять ситуацию под контроль и действовать, а не просто реагировать на события. Однако Том не мог вот так сразу начать действовать, сначала требовался план, а чтобы его разработать, необходимо подавить эмоции и начать мыслить как можно четче и хладнокровнее.

В темноте по обеим сторонам дороги мелькали бескрайние пустынные земли, в ночном небе застыли яркие звезды. Таких тяжелых часов, как час перелета из Тусона в Санта-Фе, Тому еще не случалось переживать. Ему понадобились нечеловеческие усилия, чтобы подавить гнев, перестать теряться в догадках и сконцентрироваться на первоочередной задаче. Она была проста: вернуть Салли. Все остальное не важно. Как только Салли вновь будет с ним, он займется похитителем. А сейчас мысли о том, что бы такое с тем негодяем сделать, лишь отвлекали.

Том опять засомневался, не следовало ли ему пойти в полицию или даже, забыв о детективе Уиллере, сразу обратиться в ФБР? Но в глубине души он знал: если вызвать полицейских, похититель перестанет за себя отвечать. Они станут распоряжаться ходом операции, Уиллер тоже примет в ней участие, не важно, каким именно образом. Том поверил похитителю, когда тот пригрозил убить Салли, если вмешается полиция. Риск слишком велик, нужно действовать самому.

Том знал тот отрезок 84-го шоссе, по которому ему было приказано ездить взад-вперед. Это был один из наиболее пустынных участков двухполосной дороги во всем штате, с единственной бензоколонкой и круглосуточным магазинчиком.

Том стал думать, как бы он на месте похитителя организовал свои действия, чтобы завладеть блокнотом и избежать слежки. Именно планы преступника и требовалось разгадать.

3

Уиллер поднял глаза от груды бумаг и взглянул на часы. Девять пятнадцать. Он посмотрел на Эрнандеса – в болезненно-ярком свете ламп, заливавшем кабинет, помощник казался зеленоватым.

– Отфутболили нас, – сказал Эрнандес. – Вот так вот.

– Вот так вот...

Уиллер постучал ручкой по стопке бумаг. Ерунда какая-то – уж этому-то типу есть что терять! У людей вроде него есть тысяча законных путей избежать встречи с полицией.

– Считаете, он каким-то образом сбежал?

Уиллер снова постучал ручкой по бумаге, наморщил лоб.

– Его тачка – тот допотопный «шевроле» – находилась в аэропорту. Самолет приземлился в восемь. А сейчас машины уже нет на месте.

Эрнандес пожал плечами.

– Что-то случилось с мотором по дороге сюда?

– Нет. Он ведет с нами какую-то игру.

– Что у него на уме?

– Черт меня возьми, если я знаю.

Повисла тягостная тишина. Наконец Уиллер откашлялся, закурил и почувствовал: надо как-то восстановить собственный авторитет. Детектива удивляло и возмущало, что Бродбент его просто проигнорировал.

– У нас есть факт: в гостиной на ковре – свежие следы крови, в стене – недавно выпущенная из револьвера пуля. Бродбент не явился в полицию. Возможно, он попал в беду, возможно – погиб. Или испугался и ударился в бег. Быть может, поссорился с женой, вышел из себя... и теперь она лежит, зарытая на заднем дворе. Или Бродбент – просто паршивый наглец, который ни во что нас не ставит. Не важно. Мы должны выследить этого поганца.

– Точно.

– Расставить подвижные полицейские посты по всей северной части Нью-Мексико, установить блокпосты на 84-м шоссе в районе Чамы, на 96-м – у Койота, на 285-м к югу от Эспаколы, на сороковой междуштатной магистрали у холма Вэгон-Маунд и на границе с Аризоной, на двадцать пятой магистрали – ближе к Белену. И еще один блокпост на 44-м шоссе. – Уиллер остановился и, порывшись в бумагах у себя на столе, вытащил какой-то

листок. – Итак, он едет на пикапе «Шевроле-3100» 1957 года, кузов бирюзовый, верх белый, регион – Нью-Мексико, номер 346 EWE. Одно нам на руку: в такой машине Бродбент будет как бельмо на глазу.

4

Мэддокс остановил «рейнджровер» перед винным магазином «Санрайз» и посмотрел на часы. Девять двадцать одна. От зеркальной витрины, рекламировавшей полдюжины разных сортов пива, на пыльный капот автомобиля струился неоновый свет. В магазине не было никого, один продавец за прилавком. Луна еще не взошла. Из проделанных заранее экспериментов Джимсон знал, что фары машины, едущей на юг, становятся заметны за две минуты сорок секунд до появления ее самой.

Мэддокс вылез из автомобиля, сунул руки в карманы, оперся о багажник, полной грудью вдохнул прохладный воздух пустыни. Закрыв глаза, принялся шептать мантру. Ему удалось замедлить сердцебиение, и оно стало чуть более равномерным. Мэддокс открыл глаза. Шоссе пока оставалось темным. Девять двадцать две. Он обогнал Бродбента, ехавшего на своем «шеви», одиннадцать минут назад, и если тот следует указаниям и едет с одной и той же скоростью, то фары пикапа покажутся с севера через шесть минут с небольшим.

Мэддокс зашел в магазин, взял кусок черствой пиццы и огромную чашку кофе, вонявшего гарью. Заплатил под расчет. Вернулся к машине и, поставив ногу в просвет ограды, посмотрел на темное шоссе. Оставалось еще две минуты. Мэддокс бросил взгляд на магазин и увидел, что продавец с головой погружен в юмористический журнальчик. Джимсон вылил кофе прямо на бетон и швырнул пиццу в кактус, и без того засыпанный всевозможным мусором. Мэддокс посмотрел на время, проверил мобильный – связь есть.

Он сел в автомобиль, завел мотор и стал ждать.

Девять двадцать шесть.

Девять двадцать семь.

Девять двадцать восемь.

Есть! Пара огней выплыла из океана черноты на севере. Огни медленно росли и становились ярче, по мере того как машина, двигавшаяся по однополосному шоссе, приближалась. Вот грузовик мелькает бирюзовой вспышкой, и его красные задние огни уже тают в темноте, уходя на юг. Это Бродбент. Девять часов тридцать минут и сорок секунд.

Мэддокс, не отрывая взгляда от часов, выждал ровно минуту, потом нажал кнопку быстрого набора на мобильном. Ответили сразу:

– Да!

– Слушай внимательно. Не меняй скорость. Не замедляй и не ускоряй ход. Опустить правое окно.

– Где моя жена?

– Сейчас будет тебе жена. Делай, как я сказал.

– Окно опустил.

Джимсон следил за секундной стрелкой часов.

– По моему сигналу оставишь мобильник в режиме ожидания, только не выключаешь его. Положишь телефон в пластиковый пакет вместе с блокнотом и выбросишь все из окна. Потом жди моей команды. Когда бросишь, не останавливайся, поезжай дальше.

– Слушай, ты, гад, я ничего не собираюсь делать, пока не скажешь, где моя жена!

– Выполняй, что я говорю, иначе она умрет.

– Тогда тебе не видать блокнота.

Мэддокс посмотрел на часы. Прошло уже три с половиной минуты. Взявшись за руль одной рукой, он нажал на газ и выехал на шоссе. Шины его автомобиля взвизгнули.

– Она на территории заброшенного лагеря около ручья Мадера, знаешь то место? Сорок миль к югу отсюда по направлению к Рио-Гранде. Твоя сучка меня не слушалась и в результате заработала ранение. Кровь так и хлещет. С твоей женошкой остался мой

помощник. Если ты не сделаешь, что я велел, я ему позвоню, он ее прикончит и тут же смотается. Давай клади телефон в пакет и бросай. Немедленно!

– Вот что: если Салли умрет, ты покойник. Я на краю света тебя найду и прикончу.

– Кончай выступать и делай, как я сказал!

– Делаю.

Из трубки до Мэддокса донеслось шуршание, потом стало тихо. Он вздохнул с огромным облегчением. Заметил по часам время с точностью до секунды, посмотрел на спидометр. Блокнот будет лежать где-то в трех с половиной милях отсюда, если от магазина ехать к югу. Мэддокс отложил мобильный и двинулся дальше, не меняя скорости. Перед тем как взяться за дело, Джимсон обследовал шоссе, рассчитал время езды по нему, измерил все расстояния и запомнил, где стоят столбы с указанием миль. Он знал, в каком именно четвертьмильном отрезке должен находиться блокнот.

Мэддокс миновал указатель и притормозил, одновременно набирая номер Бродбента. Через секунду Джимсон услышал слабый звонок – и вот пожалуйста: у обочины дороги лежит пластиковый пакет с молнией. Мэддокс быстро проехал мимо, сразу включив подфарник на своем «рейнджровере» и осмотревшись – надо было удостовериться, что Бродбент не притаился в каком-нибудь укрытии. Однако по обе стороны дороги простирались лишь пустынные поля. Мэддокс почти не сомневался: Бродбент сейчас мчится на юг, к Мадерской стоянке. Вероятно, он сделает остановку в Абикию, вызовет легавых и «скорую». Не так уж много времени остается у Джимсона, надо скорее хватать блокнот и проваливать ко всем чертям.

Мэддокс развернулся на 180 градусов, доехал до того места, где валялся пакет, и выскочил из машины. Сгреб пакет, забрался в автомобиль. Увеличив скорость, вырулил на шоссе. Одновременно рывком открыл пакет и сквозь скомканную бумагу нащупал блокнот.

Вот он. Мэддокс вытащил его, рассмотрел. Старая кожаная обложка, сзади даже кровью запачкана. Джимсон открыл блокнот. Ряды, по восемь цифр в каждом, все точно по словам Корвуса. Есть. У Мэддокса получилось.

Интересно, как Бродбент отреагирует, когда обнаружит, что на Мадерской стоянке никого нет? На краю света обещал найти Мэддокса...

Ладно, блокнот получен. Пришло время избавляться от бабы.

5

Том выключил фары и съехал с дороги приблизительно в полумиле к югу от того места, где выбросил дневник. Грузовик подбросило на канаве. Том продрался через проволоочное ограждение и покатил по темному полю. Очутившись достаточно далеко от дороги – так по крайней мере ему казалось, – он заглушил мотор и стал ждать с бешено колотящимся сердцем.

Когда тот тип сказал, что Салли на Мадерской стоянке, Том понял: это ложь. Сейчас, летом, там полно детей, и в огороженные деревянные домики в любой момент может кто-нибудь войти, к тому же они слишком хорошо просматриваются. Похититель напелл Тому про Мадерскую стоянку, стремясь вынудить его поехать на юг. И что помощник у гада есть, тоже маловероятно.

Через несколько минут Том увидел позади себя фары какого-то автомобиля. Когда он еще только ехал к условленному месту, то обогнал некий «рейнджровер», а потом заметил ту же машину около винного магазина. Теперь он не сомневался, что это автомобиль похитителя, поскольку «рейнджровер» на его глазах замедлил ход приблизительно там, где был брошен пакет. Загорелся подфарник, ярко осветив поле. Том внезапно испугался, что его заметят, но луч света обшарил только ближайшее пространство. Автомобиль сделал полукруг, вернулся на прежнее место, и из него выскочил человек. Поднял с земли пакет. Человек был высок и худ, издали больше ничего разглядеть не удавалось. Через секунду он уже прыгнул в машину, и «рейнджровер», шурша шинами, поехал на север.

Том подождал, пока автомобиль окажется достаточно далеко впереди, и затем, не включая фар, завел пикап и вернулся на шоссе. Приходилось ехать вслепую: если бы он включил свет, похититель понял бы, что за ним следят, ведь «шевроле» с его круглыми старомодными фарами был слишком приметен.

На шоссе Том развил такую высокую скорость, на какую только мог отважиться при езде по темной дороге. Он не отрывал глаз от удаляющихся огоньков впереди, однако автомобиль похитителя ехал быстро, и Том понял, что если не включит фары, то непременно отстанет. Надо было рискнуть.

Он как раз приближался к винному магазину, когда заметил неизвестный грузовик, подъезжающий к заправке. Том резко затормозил, свернул к бензоколонке и остановился напротив насосов. Около них стоял грузовик, потрепанный «додж-дакота». Водитель расплачивался, а ключи остались в зажигании. Из дверного кармашка торчала рукоятка пистолета.

Том выскочил из своего пикапа, забрался в «додж», завел мотор и выехал на дорогу, только резина на шинах скрипнула. На полной скорости он устремился на север, в темноту, где растаяли задние огни «рейнджровера».

6

Звонок раздался в одиннадцать ноль-ноль. Мелоди, хотя и предвидела его, так и подскочила, когда в тиши пустой лаборатории вдруг ожил телефон. Нервы у нее были на пределе.

– Мелоди, как продвигается исследование?

– Превосходно, доктор Корвус, просто превосходно. – Она проглотила слюну, сознавая, что тяжело дышит прямо в трубку.

– Все еще трудитесь?

– Да, да, разумеется.

– И как, результаты есть?

– Да. Они... невероятные.

– Расскажите мне все о них.

– Образец содержит большое количество иридия – именно такого, каким изобилуют отложения на границе между третичным и меловым периодами. Даже более того – образец просто изобилует иридием.

– Какая именно разновидность иридия? Какова его концентрация в миллиардных долях?

– Здесь иридий включен в разнообразные изометрические сорокавосемигранные образования, их общая формула – $R_{0,5}Os_{0,3}Ru_{0,1}$. Концентрация иридия – свыше 18 миллиардных долей. Соединения именно этого типа, как вам известно, обнаружены в районе падения астероида Чиксулуб.

Мелоди подождала ответа, однако Корвус молчал. Она несмело заговорила вновь:

– Данная окаменелость... Она, случайно, найдена не на границе третичных и меловых отложений?

– Возможно.

Снова повисло долгое молчание. Мелоди продолжала:

– Во внешней цементирующей породе я обнаружила огромное количество микроскопических частиц сажи – такая образуется при лесных пожарах. А в одной из последних статей в «Журнале геофизических исследований» говорится, что после падения астероида Чиксулуб на Земле выгорело более трети лесного покрова.

– Я знаю, о чем там пишут, – негромко проговорил Корвус.

– В таком случае вам известно, что на границе между третичными и меловыми отложениями есть два пласта: первый – оставшиеся после падения астероида и насыщенные иридием обломки пород, а второй – слой сажи, образовавшейся во время лесных пожаров,

которые бушевали повсеместно. – Мелоди остановилась, снова ожидая какой бы то ни было реакции, но в трубке опять надолго замолчали. Корвус будто не понимал ее... Или все же понимал?

– Мне кажется... – Она примолкла, чуть ли не пугаясь продолжать. – Вернее, я могу сделать вывод, что этот динозавр погиб *именно в момент падения астероида*, или, точнее, в результате последующей экологической катастрофы.

Сенсационный вывод канул в пустоту. Корвус по-прежнему молчал.

– Я бы еще предположила, что время гибели динозавра объясняет прекрасную сохранность окаменелости.

– Каким образом это возможно? – осторожно спросил ее собеседник.

– Когда я читала статью, мне пришло в голову, что падение астероида, пожары и разогрев атмосферы создали уникальные условия для образования окаменелостей. Во-первых, не стало животных, питающихся падалью, которые могли бы разорвать в клочки тушу и растащить кости. После падения астероида потепление началось на всей территории Земли, воздух сделался горячим, как в пустыне Сахара, и во многих районах температура в конечном счете достигла ста, даже двухсот градусов – возникли прекрасные условия для термического высушивания мертвого животного. Кроме того, поднявшаяся пыль стала причиной одинаковой погоды на гигантских территориях, а сильные наводнения наверняка быстро затопили останки динозавра...

Мелоди перевела дыхание, дожидаясь реакции – волнения, изумления, скептического замечания. И опять ничего.

– Еще что-нибудь? – только и спросил Корвус.

– Ну, еще имеются «венерины зеркальца».

– «Венерины зеркальца»?

– Я назвала так черные частицы, помните, вы их заметили. Просто под микроскопом они напоминают символ Венеры – кружок и под ним крестик. Женский символ, знаете?

– Женский символ, – механически повторил Корвус.

– Я провела с ними несколько опытов. Они не являются мелкокристаллическими и возникли, по-видимому, не в результате образования окаменелости. Каждая частица представляет собой сферу из неорганического угля, от сферы отходит ответвление, а внутри ее содержится набор микроэлементов, которые я пока не исследовала.

– Понятно.

– Все «зеркальца» имеют одинаковую форму и не отличаются по размеру, что, возможно, предполагает их биологическое происхождение. Похоже, они присутствовали в организме динозавра в момент его гибели и оставались там, не претерпевая никаких изменений на протяжении шестидесяти пяти миллионов лет. Они... очень необычные. Мне придется проделать большую работу, чтобы с ними разобраться. Как бы это не оказались микроорганизмы – носители некой инфекции.

В трубке царило все то же странное молчание. Когда Корвус наконец заговорил, голос его звучал тихо и в нем слышалось беспокойство:

– Что-нибудь еще, Мелоди?

– Это все.

Как будто этого мало! Что такое произошло с Корвусом? Неужели он не верит ей?

Корвус опять прервал молчание. От спокойствия его тона делалось почти жутко.

– Мелоди, вы прекрасно поработали. Хвалю. Теперь слушайте внимательно. Вот чем вам следует заняться: нужно, чтобы вы собрали все компакт-диски, все фрагменты окаменелости, вообще все, связанное с данным исследованием, и убрали это в надежное место, в шкаф для хранения образцов. Шкаф непременно запирайте. Если какая-либо информация осталась в компьютере, удалите ее с помощью программы, которая полностью стирает файлы с жесткого диска. Потом идите домой и поспите.

Мелоди не верила своим ушам. «Поспите»? И больше он ничего не может сказать?

– Это ведь возможно, Мелоди? – мягко спрашивал голос. – Все под замок, компьютер

очистите и идите домой, поспите, поешьте как следует. Утром еще поговорим.

– Ладно.

– Хорошо. – Пауза. – До завтра.

Положив трубку, Мелоди так и осталась сидеть, ошеломленная, в пустой лаборатории. После всей проделанной ею работы, после ее необычайных открытий Корвус вел себя так, будто его это абсолютно не волнует или будто он даже не верит Мелоди. «Хвалю». Ей было обидно. Тишина лаборатории казалась гнетущей. Здесь Мелоди совершила одно из важнейших открытий за всю историю палеонтологии, а он только и может ее похвалить? И сказать, чтобы она шла спать?

Мелоди подняла глаза на часы. Клац – минутная стрелка передвинулась. Одиннадцать пятнадцать. Она посмотрела на свое плечо, на запястье – там поблескивал браслет, на жалкую маленькую грудь, на неприглядные худые руки в веснушках, на обкусанные ногти. Вот она, Мелоди Крукшенк. Тридцати трех лет, до сих пор ассистент без перспектив получить постоянную штатную должность, никто в научном мире. В ней поднялось жгучее возмущение. Она вспомнила своего строгого отца, университетского профессора, цель которого, часто им высказываемая, заключалась в следующем: дочь не должна превратиться в «заурядную бабенку вроде всех остальных». Мелоди подумала: до чего же она старалась ему угодить! Еще подумала о матери, с негодованием отвергавшей карьеру домохозяйки и желавшей нажиться на успехах дочери. Ведь и ее Мелоди старалась радовать. Она вспомнила всех своих учителей, которых стремилась не подвести, всех преподавателей, научного руководителя.

И вот теперь – Корвуса.

Так куда же ее привела эта покладистость и услужливость? Мелоди обвела взглядом лабораторию – подвальное помещение без окон.

Она впервые задумалась над тем, как же именно Корвус планировал распорядиться их открытием. Да, оно и в самом деле их – у него одного ничего бы не вышло. Корвус толком не умеет обращаться с оборудованием, практически не разбирается в компьютере, и всего-то он навсего несчастный минералог. Мелоди провела исследование, выведав у окаменелости нужные секреты. Мелоди установила связи, экстраполированные на основании полученных данных, развила теории.

Постепенно ей становилось ясно, почему Корвус хотел сохранить все результаты под большим секретом. Подобное открытие наверняка вызовет интриги, волну соперничества, начнется лихорадочная охота за остальными частями окаменелости. Тогда Корвус может легко упустить открытие, а значит, лишиться влияния. Доктор знает, насколько оно ценно – *влияние*. Влияние в научном мире на вес золота. Вообще, если задуматься, влияние – довольно непростое понятие...

Разум Мелоди словно прояснился впервые за многие месяцы, а может, и годы. Вероятно, это произошло от усталости – она ведь устала угождать, устала работать на других, устала от лаборатории, похожей на склеп. Взгляд Мелоди упал на сапфировый браслет. Она сняла его, покачала перед глазами: камешки чарующе засверкали. Корвус заключил одну из выгоднейших за всю свою карьеру сделок – подарил ей украшенище, думая купить ее молчание и робкую, чисто женскую покладистость. Мелоди с отвращением засунула браслет в карман.

Теперь она начала понимать, почему Корвус так прореагировал на ее отчет, почему он держался настолько угрюмо и даже нервничал, когда говорил с ней по телефону. Мелоди выполнила поручение слишком хорошо. Корвуса тревожило, что она чересчур многое выяснила и может утверждать, будто все открытия принадлежат ей.

На Мелоди Крукшенк будто снизошло озарение. Теперь она знала, как нужно поступить.

Компьютеров, которые превышали бы по мощности многофункциональную аналоговую систему обработки данных М-Логос 455, человечество еще не создало. Машина эта помещалась в постоянно вентилируемом, идеально чистом и изолированном от атмосферных помех подвальном помещении, расположенном под зданием штаб-квартиры Агентства национальной безопасности в Форт-Миде, штат Мэриленд. Компьютер этот сконструировали не для предсказания погоды, не для моделирования термоядерного взрыва в пятнадцать мегатонн и не для определения квадриллионной цифры после запятой в числе пи. Перед ним стояла гораздо более прозаическая задача – слушать.

Бессчетные узлы, рассеянные по всему миру, вбирали потоки недифференцированной цифровой информации. Компьютер перехватывал более сорока процентов трафика во «всемирной паутине», более девяноста процентов всех переговоров по мобильным телефонам, фактически все радио- и телепередачи, многие разговоры, осуществляемые через наземные линии связи и значительную часть информации, идущей по правительственным, корпоративным и частным локальным сетям.

Этот бурлящий цифровой поток в режиме реального времени вводился в М-Логос 455 со скоростью шестнадцать терабит в секунду, а компьютер лишь слушал.

Он улавливал разговоры, ведущиеся на всех известных языках и диалектах мира; ему были доступны все электронные протоколы и почти все компьютерные алгоритмы, когда-либо созданные человеком. Но этого мало: М-Логос 455 стал первым компьютером, применившим новый, сверхсекретный способ анализа информации, известный под названием «Статтерлоджик». «Статтерлоджик» изобрели передовые программисты и специалисты по теории кибернетики, сотрудничавшие с Разведывательным управлением министерства обороны. Они предприняли попытку обогнуть риф искусственного интеллекта, о который за последние десятилетия разбились надежды столь многих программистов. «Статтерлоджик» не имитировал человеческий разум, чего весьма безуспешно пытались добиться от своего детища изобретатели искусственного интеллекта. Он действовал по совершенно новой логике, основывавшейся отнюдь не на принципах искусственного интеллекта.

Однако, даже несмотря на «Статтерлоджик», компьютер не «понимал» услышанное в буквальном смысле слова. Его функция заключалась лишь в распознавании «информации, представляющей интерес», или «любопытной информации» на жаргоне операторов. Подобную информацию компьютер направлял на анализ людям.

М-Логос 455 обычно находил ее в электронных письмах и разговорах по мобильным телефонам. Последние распределялись между ста двадцатью пятью живыми «слушателями». Их работа требовала самых разносторонних знаний, свободного владения нужным языком или диалектом и чуть ли не сверхъестественной интуиции. Быть хорошим «слушателем» считалось не наукой, а искусством.

В одиннадцать часов четыре минуты тридцать четыре секунды и девяносто восемь миллисекунд по восточному стандартному времени, на четвертой минуте происходившего в тот момент разговора по мобильному телефону, который продолжался в общей сложности одиннадцать минут, модуль 3656070 определил данный разговор как потенциально содержащий «любопытную информацию». Когда эта интересная беседа завершилась в одиннадцать часов шестнадцать минут четыре секунды и пятьдесят восемь миллисекунд, компьютер уже успел пропустить ее через ряд алгоритмических фильтров, произведших доскональный лингвистический и концептуальный анализ и тщательно исследовавших модуляции голосов по многим психологическим показателям, включая напряженность, возбуждение, степень уверенности, гнев, страх. Объектные программы установили личность звонившего и лица, принявшего звонок, затем началась проверка тысяч баз данных с целью извлечения исчерпывающей личной информации о собеседниках, всей, какая только существовала в компьютерных сетях мира.

Засеченный разговор «отстрелялся» (то есть прошел первый круг тестов), и ему был присвоен рейтинг 0,003. Затем его пропустили через брандмауэр в подсистему M455, где он

подвергся детальному анализу путем применения «Статтерлоджика», после чего его рейтинг поднялся до 0,56, и он вернулся в главную базу данных для уточнения «неясностей». По прохождении программных циклов в базе данных разговор с уже уточненными «неясностями» возвратился в модуль «Статтерлоджик». На основании разъяснений модуль повысил рейтинг разговора до 1,20.

Любой фрагмент информации с рейтингом выше единицы направлялся к «слушателю» – человеку.

Было одиннадцать часов двадцать две минуты шесть секунд и тридцать одна миллисекунда.

Рик Музински начал свой жизненный путь, часами подслушивая под дверями родительской спальни и проявляя болезненное любопытство ко всему, чем занимались отец с матерью. Музински-старший был профессиональным дипломатом, и Рик объездил весь мир, попутно выучившись бегло изъясняться на трех языках, помимо родного английского. Он вырос за границей, неизменно пребывая в замкнутом пространстве посольства: ребенок жил фактически без друзей и без настоящего дома. Рик был существом, живущим чужой жизнью, и, получив место в Агентстве национальной безопасности, он нашел неплохой способ на этом зарабатывать. На оклад Рик не жаловался. Всего Музински работал четыре часа в день. Его не окружали тупоголовые начальники, придурковатые коллеги, неумехи-помощники и дефективные секретарши. Ему не приходилось стоять в очереди у ксерокса или у кофейного автомата. Он мог отработать свои четыре часа в любое время суток, и не обязательно подряд. А лучше всего было то, что Рик трудился в одиночестве, которое являлось обязательным условием его деятельности. Музински не позволялось абсолютно ни с кем обсуждать свою работу. И когда ему задавали неизбежный, в зубах навязший вопрос «А кем вы работаете?», Рик мог сказать все что угодно, кроме правды.

Некоторым, возможно, покажется, будто такая служба невыносимо скучна, ведь приходится прослушивать один за другим дурацкие разговоры каких-то идиотов, полные пустых угроз, психопатических тирад, проклятий в адрес политиков, бредовых заявлений и популярных заблуждений. Последние Музински слышал гораздо чаще всего прочего – то была бессвязная болтовня, сплошной самообман, которому предавались самые, должно быть, тупые и угрюмые типы на свете. Рика никогда не переставал поражать тот факт, что компьютерная система стоимостью в миллиард долларов не могла сразу отфильтровать напыщенную трескотню всяких неудачников.

Но порой попадались совсем другие разговоры. Часто даже трудно было сказать, почему именно они другие. Возможно, из-за присутствовавшей в них определенной серьезности, весомости, что ли. Возможно, из-за ощущения, будто за произносимыми словами кроется нечто тайное. Если возникшее подозрение не исчезало, Рик запрашивал сведения о звонке и узнавал, кто именно разговаривал. После этого обычно всплывало очень многое.

Дальнейшая работа над «любопытной информацией» находилась вне ведения Рика. От него требовалось лишь направить ее в нужное ведомство для последующего анализа. Иногда компьютер даже указывал, какое это должно быть ведомство – на тот случай, если Музински проявит невнимательность, – ведь каждая организация занималась своим, строго определенным делом. Но Рик мог оказаться невнимательным лишь в одном из двух-трех тысяч случаев. Обычно он без заминок направлял информацию в нужные ведомства Агентства национальной безопасности, а иногда – в Пентагон, в Госдепартамент, в ФБР, в ЦРУ, в Национальное бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием, в Иммиграционную службу и массу других организаций, зачастую фигурировавших под аббревиатурами. О существовании некоторых ведомств даже никто не знал, ибо они функционировали секретно.

Задача Музински заключалась в том, чтобы оперативно направлять «любопытную информацию» всякий раз в нужное учреждение. Она ни в коем случае не должна была болтаться по системе в поисках пристанища. Такие недоработки могли привести к

повторению трагедии 11 сентября. Принимающим учреждениям давались инструкции, согласно которым требовалась немедленная обработка поступающей информации, а в случае необходимости – обработка непосредственно в момент получения. Вот урок, извлеченный из сентябрьского теракта.

Однако Музински до этих процедур никакого касательства не имел. Вся прослушанная им информация никогда к нему не возвращалась.

Музински, сидя у себя в закрытой кабинке за компьютером, подключенным к главному аппарату, поправил наушники и нажал клавишу «Пуск», сигнализируя, что он готов к прослушиванию. Система не прислала Рику никаких предварительных данных, ничего способного повлиять на его восприятие. Всегда все начиналось с информации в «чистом» виде.

Послышалось шипение, гудки – телефонный звонок. Щелчок – ответили! У кого-то в трубке занялось дыхание, и разговор начался: «Мелоди? Как продвигается исследование?» – «Превосходно, доктор Корвус, просто превосходно».

8

Немного не доезжая до поворота на дорогу, ведущую через лес к ручью Фердис, Мэддокс замедлил ход и съехал с шоссе. Сзади маячила пара огней, и он хотел еще не сворачивая удостовериться, что это не пикап Бродбента. Джимсон заглушил мотор, погасил фары и стал ждать, пока неизвестный автомобиль нагонит его.

Грузовик, несшийся на огромной скорости, чуть притормозил и помчался дальше. Мэддокс облегченно вздохнул – это был всего лишь какой-то старый «додж»-развалюха. Джимсон завел машину, свернул на лесную дорогу, перевалил через проволочное ограждение и поехал по изрезанной бороздами земле, испытывая необычайный душевный подъем. Он опустил окна, чтобы в салон вошел воздух. Стояла прохладная ночь, в воздухе чем-то приятно пахло, над темными очертаниями плоскогорий сияли звезды. План Мэддокса сработал: записная книжка была добыта. Теперь уж ему ничто не помешает. Конечно, в ближайшие дни все эти правоохранительные органы поднимут здесь суматоху, как только Бродбент заявит о похищении жены, но Джимсон будет спокойненько «работать над своим романом» у ручья Фердис... А когда они явятся его допрашивать, то не найдут ни тела, ни других улик. Он уже придумал, как избавиться от трупа: в одном из верхних рудников есть глубокий колодец, заполненный водой. Над ним – свод, который подпирают гнилые доски. Мэддокс выбросит труп в колодец, а потом один-единственный взрыв – и свод рухнет. Вот и все, Салли исчезнет бесследно, буквально испарится.

Часы Мэддокса показывали девять сорок. Через полчаса он будет на месте, и там его ждет кое-что приятное.

Завтра Мэддокс позвонит Корвусу из автомата и сообщит хорошие новости. Он взглянул на мобильник, испытывая соблазн позвонить прямо сейчас – но нет, хватит уже ошибок, теперь рисковать нельзя.

Мэддокс прибавил скорость. Автомобиль трясло на ухабистой дороге, петлявшей по холмам. Десять минут спустя Джимсон достиг того места, где высокие сосны-пондеросы, шумевшие в темноте на ночном ветру, теснили можжевельник.

Наконец он добрался до ворот, сделанных в уродливом ограждении из колючей проволоки. Мэддокс вылез из машины, отпер замок, проехал внутрь, потом запер за собой ворота. Еще через двести ярдов показался его домишко. Ночь стояла безлунная, и старая хибара чернела на фоне звезд, заслоняя их своими резкими очертаниями. Мэддокс передернулся и поклялся себе впредь не выключать фонарь над крыльцом.

Потом он вспомнил о женщине, ждавшей его в темной шахте. От этой мысли у Мэддокса внутри приятно потеплело.

9

От неподвижного стояния в одном и том же положении у Салли болели ноги. Саднило запястья и щиколотки, прихваченные ледяной сталью. Из глубины шахты тянуло холодом, и Салли пробирало до костей. Слабый свет керосинового фонаря колебался и дрожал, отчего пленницу переполнял беспричинный страх: вдруг светильник погаснет? Но больше всего ее донимала тишина, нарушаемая только монотонным капаньем воды. Салли не могла сказать, сколько времени прошло, день теперь или ночь.

Внезапно она замерла, услышав, как кто-то со стуком отпирает металлическую решетку, преграждавшую вход в шахту. Сейчас он войдет. До Салли донеслись лязг закрывшейся за ним «двери» и звяканье цепи – теперь опять заперто. Вот женщина уловила приближающиеся шаги, постепенно они становились все громче. Сквозь решетки проник луч фонаря, и через секунду появился похититель. С помощью гаечного ключа он выкрутил болты, присоединявшие решетки к дверному проему, и шагнул внутрь маленькой каменной тюрьмы. Салли слышала его дыхание. Тут он повернулся и посмотрел на нее.

Салли полуприкрыла глаза. Едва держась на ногах, она тихонько застонала.

– Привет, Салли.

Она снова издала стон, и сквозь полуопущенные веки Салли увидела, как он расстегивает рубашку, а лицо его расплывается в ухмылке.

– погоди минутку, – сказал мужчина, – сейчас мы с тобой повеселимся на славу.

Салли услышала, как рубашка полетела на пол, как щелкнул расстегиваемый ремень брюк.

– Нет, – слабо пролепетала она.

– Да. Вот уж да, так да. Больше ждать не могу, детка. Сейчас или никогда.

Звук стаскиваемых брюк. Вот и они упали на пол. Еще шорох и тихий хлопок резинки – похититель избавился от трусов.

Салли, преодолевая себя, сощурилась и посмотрела на него. Перед ней стоял голый возбужденный мужчина с ключом от кандалов в одной руке и пистолетом в другой. Салли застонала, опять уронила голову.

– Не надо, пожалуйста.

Ее тело обмякло, безжизненное, слабое, совершенно беспомощное.

– Ты хочешь сказать, наоборот – надо?

Он приблизился к Салли, схватил ее за левую кисть, вставил ключ в замочек. Одновременно склонился к поникшей голове Салли, зарылся лицом ей в волосы. Она слышала его дыхание. Мужчина ткнулся губами Салли в шею, царапнул щеку своим небритым подбородком. Она понимала, что похититель вот-вот освободит ее левую руку. Потом отступит назад и прикажет пленнице самой отомкнуть остальное – вот как он будет действовать.

Салли выжидала, бессильно повиснув на цепях. Она услышала негромкий щелчок при повороте ключа и почувствовала, что стальной браслет отпустил запястье. Тогда Салли, собрав все силы, выбросила вперед левый кулак и ударила похитителя по той руке, в которой он сжимал пистолет. Это движение она сотни раз репетировала мысленно, и сейчас ей удалось застать противника врасплох. Его пистолет отлетел в сторону. Салли тут же размахнулась и вонзила ногти ему в лицо – пленница целый час затачивала их о камень, пока они не стали тонкими и острыми. В глаза чуть-чуть не попала, зато щеку поранила глубоко.

С невнятным вскриком мужчина, споткнувшись, отступил назад, прикрывая руками лицо. Фонарь покатился по земляному полу.

Салли моментально нащупала наручник. *Есть!* Ключ все еще в замочке, только повернут не до конца. Она вынула его, высвободила ногу и успела крепко пнуть в живот начавшего было подниматься мужчину. Отомкнула кандалы на ноге, затем на правой руке.

Свободна!

Похититель, кашляя, стоял на коленях и шарил рукой в поисках оброненного пистолета.

Одним прыжком, тоже мысленно прорепетированным бесчисленное количество раз за прошедшие часы, Салли оказалась у стола, правой рукой схватила коробок спичек, а левой смахнула вниз керосиновый светильник. Он разбился вдребезги, и камера погрузилась во тьму. Женщина бросилась на пол – именно в ту минуту похититель выстрелил в нее, и помещение наполнилось оглушительным грохотом.

Затем послышался яростный вопль:

– Сука!

Салли, припадая к полу, стала впотьмах поспешно пробираться к тому месту, где, насколько она помнила, находилась дверь. Она уже догадалась, что уйти из шахты по внешнему тоннелю невозможно – ведь было слышно, как похититель запер решетку. Единственная надежда – спустившись глубже в шахту, найти другой выход или хотя бы укромное место.

– Убью! – раздался захлебывающийся крик.

В темноте прогремел выстрел. У дула пистолета полыхнуло, и в глазу у Салли запечатлелся словно выжженный контур беснующегося, неистово мечущегося туда-сюда раздетого мужчины, чье тело зрительно искажала громадная татуировка на спине.

Вспышка осветила Салли путь к двери. Она вслепую проскользнула в проем и стала ползком пробираться по тоннелю, настолько быстро, насколько хватало смелости, ведь продвигаться вперед приходилось ощупью. Через минуту беглянка отважилась зажечь спичку. Салли находилась точно на том месте, где тоннели сходились. Она поспешно бросила спичку и юркнула в ближайшее разветвление, моля Бога, чтобы проход привел ее к какому-нибудь безопасному укрытию в глубине шахты.

10

Сидя в такси с заведенным мотором, стоявшем через дорогу от музея, Айэн Корвус увидел, как тоненькая девичья фигурка Мелоди движется по служебному переходу и покидает территорию, минуя охраняемый выход. Корвус посмотрел на часы. Была уже полночь. Черт, сколько же времени Крукшенк потратила на все дела. Он смотрел, как постепенно уменьшающаяся фигура свернула налево, на Уэст-Сайд, и двинулась в направлении жилых кварталов. Квартирка у нее наверняка невероятно жалкая.

Корвус снова и снова проклинал собственную глупость. Тем вечером, чуть ли не в самом начале их с Мелоди разговора, ему стало ясно, сколь серьезную ошибку он допустил. Корвус, будто мяч в игре, передал Мелоди прямо в руки одно из важнейших научных открытий всех времен, а она его приняла и довела, образно выражаясь, до линии ворот. Разумеется, Корвус – вышестоящий научный сотрудник, чья фамилия будет значиться на опубликованной работе первой, однако же львиная доля почестей достанется Мелоди, и тут уж никого не проведешь. Не все, конечно, почести, это дело ясное, – ведь еще целый ископаемый динозавр ждет не дождется, когда его начнут изучать, – но слава Корвуса заметно померкнет.

К счастью, данная проблема имела простое решение, и Корвус поздравил себя с тем, что подумал о нем, пока не поздно.

Он дождался, когда Мелоди скрылась на темной Уэст-Сайд, бросил таксисту полтинник и вышел. Корвус быстрым шагом пересек улицу, приблизился к охраняемому входу в музей. Миновал охранников, пропустив пластиковую карточку через картоприемник и сдержанно кивнув. Десять минут спустя он уже был в минералогической лаборатории, у запертого шкафчика с образцами. Открыв его своим личным ключом, Корвус с облегчением увидел стопку компакт-дисков, дискет и фрагментов препарированного образца, аккуратно разложенных по местам. Корвуса поразило, как же много Мелоди умудрилась сделать всего за пять дней, сколько сведений она получила в результате анализа – сведений, на добывание которых у менее квалифицированного специалиста ушел бы год, если б тому вообще хоть что-нибудь удалось.

Корвус взял диски. На каждом имелась бирка с указанием категории содержащихся там данных. В данном случае улица, владеющего компакт-дисками и образцами, более девяностых всех преимуществ, да что там – все преимущества. Если Мелоди лишится и дисков, и образцов, ей не удастся даже заявить о своих притязаниях на открытие. На эту честь по праву может претендовать лишь Корвус. В конце концов, именно он рискует всем, даже личной свободой, пытаясь сделать ископаемого динозавра музейной собственностью. Именно Корвус вырвал его из лап спекулянта. И Корвус же на блюдечке преподнес Мелоди такую возможность! Не рискни он, у нее бы вообще ничего не было.

Корвус завладеет результатами исследований Мелоди, и ей придется смириться. А как же иначе? Тягаться с ним? Пусть только попробует, тогда ни один университет в жизни не пригласит ее на работу. И вовсе это не воровство. Просто нужно быть уверенным, что почести и прочее получит именно тот, кому они в действительности причитаются, – он, Корвус.

Он аккуратно уложил материалы в свой портфель. Затем прошел к компьютеру и, введя пароль Мелоди, проверил все файлы. Ничего. Она послушалась его и стерла информацию об исследовании. Корвус развернулся и уже хотел уйти, как вдруг ему в голову пришла одна мысль. Нужно было просмотреть записи об использовании лабораторного оборудования. Каждому, кто пользовался этой дорогостоящей техникой, требовалось вносить в специальный журнал время начала и окончания работы а также указывать, с какой целью оборудование применяется. Корвус вернулся в помещение, где находился сканирующий электронный микроскоп, рывком открыл журнал, стал внимательно вчитываться. Он с облегчением обнаружил, что и тут Мелоди поступила в соответствии с его требованием: вписала свою фамилию и время пользования приборами, а в графу «Цель» внесла ложную информацию, перечислив разнообразные задания, выполненные по просьбе других смотрителей музея.

Прекрасно.

Своим энергичным косым почерком Корвус добавил записи от собственного имени. В графе «Образец» он нацарапал: «Высокие Плоскогорья/необитаемая территория в р-не р. Чама, Нью-Мексико. Тираннозавр рекс». Корвус подумал и перешел к графе «Примечания»: «Третий этап анализа замечательного фрагмента позвоночника тираннозавра рекс. Невероятно! Историческое значение данной находки огромно». Затем Корвус подписался, не забыв указать дату и время. Вернулся на несколько страниц назад, отыскал внизу пару незаполненных строк и добавил две аналогичные записи, относящиеся к разным дням и числам. То же самое Корвус проделал и с журналами, регистрирующими использование других приборов.

Он уже собирался уходить, как вдруг ему захотелось самому взглянуть на образец. Корвус открыл портфель, достал нужную коробку, извлек одну тоненькую, испещренную крапинками пластинку. Он медленно повернулся, чтобы свет упал на отшлифованную поверхность. Корвус включил микроскоп, подождал, пока тот разогреется, и поместил фрагмент в вакуумную камеру. Через несколько минут он уже во все глаза смотрел на видеоэкран – там отобразился электронный микроснимок мельчайшей частицы динозавровой кости. Прекрасно просматривались клетки и ядра клеток. У Корвуса занялось дыхание. Опять он не мог не восхититься техническим мастерством Мелоди. Картинка была четкая, почти совершенная. Корвус усилил увеличение до двух тысяч раз, и в поле зрения попала единственная клетка, заполнив собой весь экран. Корвус увидел одну из тех черных частиц, которые Мелоди назвала «венериными зеркальцами». Что ж это такое, черт возьми? Выглядит как-то несолидно, если присмотреться: сфера, из нее неуклюжим ответвлением торчит трубочка, на конце трубочки – поперечина. Корвуса удивляло, до чего же хорошо частица сохранилась. На вид, вопреки ожиданиям, на ней ни выщерблин, ни трещинок, вообще никаких повреждений. Неплохо она продержалась последние шестьдесят пять миллионов лет.

Корвус покачал головой. Он палеонтолог, специалист по позвоночным, а не

микробиолог. Частица представляет определенный интерес, но ее можно рассматривать лишь в качестве дополнения к самому притягательному – к динозавру. Динозавру, фактически погибшему в результате падения астероида Чиксулуб. От этой мысли у Корвуса мурашки поползли по спине. Снова пришлось приказать себе не торопить события. Далеко еще до того момента, когда ископаемое благополучно перекочет в музей. И прежде всего нужен тот проклятый блокнот, в противном случае можно до конца жизни бродить по горам и каньонам. Слегка похолодев, Корвус убрал фрагмент образца и отключил микроскоп. Почти час ночи, кем надо быть, чтобы работать в такое время? Пора в самом деле прекращать тревожиться из-за Мэддокса – этот тип в итоге все равно объявится.

Корвус аккуратно застегнул портфель с дисками и фрагментами образца, еще раз обошел лабораторию, проверяя, чтобы не осталось ничего, ни малейшего следа проделанной работы. Удовлетворенный осмотром, он надел пиджак, затем, погасив свет, покинул помещение и запер дверь.

Темноватый подвальный коридор, освещенный вереницей сорокаваттных лампочек, уходил вперед, по бокам тянулись трубы водяного охлаждения, покрытые мелкими капельками. Работа в таком месте – сущий кошмар, и как Мелоди только выдерживает, думал Корвус. Даже в кабинетах помощников смотрителей на пятом этаже есть окна.

У первого поворота он остановился. В затылке покалывало – никак не удавалось отделаться от чувства, будто кто-то за ним наблюдает. Корвус обернулся, но коридор, уходивший во мрак, был пуст. «Чертово дело, – подумал он, – уже становлюсь слабонервным, как Мелоди».

Корвус быстро пошел дальше, минув двери других лабораторий, все наглухо запертые, завернул за угол и помедлил. Он мог поклясться, что услышал позади себя негромкое шарканье ботинок о цементный пол. Корвус ждал нового шороха, ждал чьего-нибудь появления из-за угла, однако ничего не происходило. Он выругался про себя. Вероятно, просто один из охранников обходит помещение.

Вцепившись в портфель, Корвус двинулся дальше, приблизился к двойным дверям, ведущим в огромное хранилище костей динозавров, и замедлил шаги – сзади ему снова послышался шум.

– Мелоди, это вы? – В гулком коридоре голос Корвуса прозвучал громко и неестественно.

Ответа не последовало.

Его захлестнуло раздражение. И раньше такое бывало: аспирант или, к примеру, приходящий смотритель музея попадался на том, что шнырял по зданию, пытаясь заполучить чьи-нибудь данные о местонахождении какой-либо окаменелости. Может, сейчас кто-то даже охотится за его сведениями – мало ли кому довелось услышать о тираннозавре. Вероятно, Мелоди разболтала. Корвус вдруг обрадовался: как же вовремя он лично позаботился о безопасности всей информации и самого образца.

Корвус подождал, прислушался.

– Слушайте, я не знаю, кто вы, но ходить за мной по пятам не смейте! – резко проговорил он.

Корвус сделал шаг, намереваясь повернуть назад, зайти за угол и встретить преследователя лицом к лицу, однако мужество изменило ему. Он понял, что боится.

Это было нелепо. Корвус огляделся, увидел слабо поблескивающие металлические двери хранилища. Подошел к ним и как можно тише вставил ключ-карту в магнитный замок. Огонек сигнализации мигнул и стал из красного зеленым, а дверь бесшумно открылась. Корвус толкнул ее, шагнул внутрь. Тихонько прикрыв дверь за собой, услышал, как массивная электронная задвижка снова защелкнулась.

Сквозь маленькое дверное окошко, застекленное и забранное решеткой, коридор просматривался довольно далеко. Теперь Корвус сможет распознать следящего за ним. Он подаст жалобу на того человека, не важно, кто это такой. Подобные вещи недопустимы.

Прошла минута. Внезапно на стекло упала тень. Показался чей-то профиль, потом

вдруг в окошко кто-то заглянул.

Потрясенный Корвус поспешно отступил в темноту хранилища, однако он знал, что неизвестный его увидел.

Корвус, скрывшись во тьме, ждал и вглядывался в лицо незнакомца. Оно было освещено сзади, частично оставаясь в тени, но в общем Корвус различал черты: выдающиеся скулы, туго обтянутые кожей; густые, черные, как сажа, волосы; небольшой, правильной формы нос и губы, словно вылепленные из глины. Вместо глаз Корвус видел лишь две темные впадины под бровями. Лицо незнакомое. Это не сотрудник музея и не аспирант. Если он – внештатный палеонтолог, то наверняка совсем уж малоизвестный, раз Корвус его не знает, ведь их на самом деле не так уж и много.

Корвус едва дышал. В полной бесстрастности незнакомца было нечто, что пугало доктора, да еще серые, мертвенные губы выглядели отталкивающе. Человек все стоял у окошка, не двигаясь, и лицо его ничего не выражало. Послышался легкий шорох, затем скрип и слабый щелчок. Ручка с внутренней стороны двери медленно повернулась на четверть оборота и столь же медленно возвратилась в прежнее положение.

Корвус не мог поверить глазам: этот паршивец пытался войти. Черта лысого. В хранилище ископаемые стоимостью в миллионы долларов, и только человек шесть во всем музее имеют туда доступ. Незнакомец же явно не из них. Корвус точно знал, что дверь состоит из двух листов нержавеющей стали в четверть дюйма толщиной, а решетка сделана из титана. И взломать замок невозможно технически.

Снова тихий шорох, щелчок, опять щелчок. Снаружи огонек сигнализации оставался красным, как Корвус и ожидал. Он чуть не расхохотался, желая подразнить неизвестного мерзавца, поиздеваться над ним. Вот только его настойчивость немало удивляла и тревожила Корвуса. Какого же черта ему надо?

Вдруг Корвус вспомнил о внутреннем телефоне, помещавшемся в глубине хранилища, там же, где лабораторные столы. Надо вызвать охрану, тогда этого негодяя арестуют. Корвус повернулся, однако в помещении оказалось так темно, и само оно было до того огромно и полно стеллажей с костями и отдельно стоящих скелетов, что стало ясно: без светало противоположного конца не добраться. Корвус вытащил из кармана пиджака мобильник, но, конечно же, здесь, глубоко под землей, телефон находился вне зоны действия сети. Неизвестный все возился с дверной ручкой, скрипя и щелкая, настойчиво пытаясь проникнуть внутрь. Поверить невозможно.

Снова чуть слышные звуки, потом щелчок погромче – и Корвус изумленно раскрыл глаза: над дверью загорелся зеленый огонек.

11

Обогнав машину похитителя, съехавшего с дороги и погасившего фары, Том мчался, пока не убедился, что его «додж» уже не видно. Тогда он подрулил к обочине. Позади тянулось неосвещенное шоссе. Похититель остановился, когда пропускал Тома, а затем, вероятно, свернул на одну из многочисленных лесных дорог, ведущих наверх, к горам Канхилон.

Том развернулся на 180 градусов и поехал назад. Через несколько минут он нашел то место, где делал поворот похититель, – на песке четко отпечатались следы его автомобиля. Чуть дальше начиналась лесная дорога, и точно такие же следы уходили вверх по ней.

Том вел «додж» медленно, не включая фар. Дорога шла по подножию гор Канхилон над столовой горой Меса-де-Лос-Вьехос. Чем выше, тем меньше становилось кустарников и мелких деревьев и больше сосен-пондерос, образующих целый мрачный лес. Том сдерживал желание включить фары и рвануться вперед, поскольку внезапность составляла его единственное преимущество. Он инстинктивно чувствовал: Салли жива. Она не могла погибнуть, Том бы знал, что произошло непоправимое. Да и вообще, до получения блокнота похититель все равно не мог лишить ее жизни.

Дорога резко уходила вверх, на крутой гребень, густо поросший соснами. Еще выше она шла по самому краю откоса. Там деревья расступались, и открывался впечатляющий вид: просторы Высоких Плоскогорий, над которыми возвышались темные очертания величественной Меса-де-Лос-Вьехос. Дорога свернула назад, в чащу леса, и вскоре из темноты выступил преграждавший путь новенький проволочный забор с воротами. На полустертом, выдавшем виды указателе значилось:

**ЛАГЕРЬ ГРАЖДАНСКОГО КОРПУСА ОХРАНЫ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ
РУЧЕЙ ФЕРДИС**

А на указателе поновее, висевшем на заборе, было написано:

**ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
НА ТЕРРИТОРИЮ НЕ ЗАХОДИТЬ
НАРУШИТЕЛИ ПРЕСЛЕДУЮТСЯ ПО ВСЕЙ СТРОГОСТИ ЗАКОНА**

Похоже на вход в заповедник. Том съехал на обочину, заглушил мотор. Он достал из дверного кармашка автомобиля пистолет – старый-престарый револьвер «Джей Си Хиггинс-88»

22-го калибра. Барахло то еще. Том заглянул в барабан – девять гнезд и все пустые.

Он вытащил из кармашка стопку ветхих дорожных атласов и пустую бутылку от виски «Джим Бим», пошарил еще, но патронов так и не обнаружил. Том распахнул бардачок, поискал там, разбросав еще какие-то атласы и пустые бутылки, и на самом дне обнаружил-таки единственный обшарпанный патрон. Вставил его в барабан, заткнул револьвер за пояс. Заодно достал из бардачка фонарь «маглайт» и обшарил всю кабину, заглянув под сиденья и поискав под рассыпанными атласами в надежде найти еще хоть один патрон. Ничего.

Том вышел из грузовика. Ни звука, кроме уханья совы да шелеста ночного ветерка среди деревьев. Ворота заперты на висячий замок. Том заглянул за ограду. Дорога делала изгиб и скрывалась среди деревьев, а вдалеке слабо мерцал огонек.

Там какой-то домишко.

Том вскарабкался на проволочное ограждение, спрыгнул с другой стороны и побежал вдоль дороги, быстро и бесшумно.

12

Салли, уже несколько минут пробиравшаяся вниз по темному тоннелю, остановилась и прислушалась. До нее донеслись ругань и возня – видимо, похититель искал свой фонарь.

Салли взглядела в мрак. Куда же ведет тоннель? Она нащупала спичку, но не решилась ее зажечь, понимая, что так станет легкой мишенью. Салли поползла вслепую, двигаясь как можно тише. Прогремели новые выстрелы, но похититель явно стрелял наугад, и в темноте оглушительно грохотало, а пули со свистом отскакивали от каменных стен далеко справа. Салли ощупью, царапая колени об острые неровности каменного пола, пробиралась вперед, быстро, насколько это было возможно. Через считанные минуты рука ее наткнулась на что-то холодное – длинную и осклизлую деревянную перекладину, пошатнувшуюся от прикосновения. Снизу веяло сырым воздухом, поднимавшимся из шахты. Салли легла на живот и пощупала за перилами – рука встретила острый край. Она чуть продвинулась вперед, шаря вниз: там было мокро и скользко; очевидно, здесь ствол шахты шел вертикально.

В надежде, что где-то рядом есть обходной путь, она, скорчившись, стала пробираться дальше, нащупывая рукой перила.

Раздался голос:

– Тебе не выбраться, сучка. Решетка на замке, а ключ у меня. – Помолчав, похититель заговорил вновь, стараясь казаться спокойнее: – Эй, ты, слушай, ничего я тебе не сделаю. Забудь, что я говорил. Не психуй. Давай потолкуем.

Салли приблизилась к каменной стене тоннеля. Похоже, карьер тянулся поперек,

преграждая дальнейший путь. Беглянка остановилась, сердце колотилось у нее в груди.

– Слушай, ты извини, что так вышло. Я дал маху.

Салли слышала, как он возится и шарит вокруг себя, и понимала: скоро оброненный фонарь найдется и, вероятно, будет еще в рабочем состоянии. Нужно найти какой-то путь вниз, и поскорее.

Салли стояла и пыталась нащупать, что же там еще есть, за перилами. Отсюда ли идет вниз лестница? Женщина легла ничком и наклонилась над краем, провела рукой по сырой каменной стене... Лестница! Верхняя перекиладина сгнила, она рыхлая и мягкая.

Прежде чем спускаться, лестницу нужно проверить. Придется рискнуть и зажечь спичку.

– Эй, я знаю, что ты там. Не глупи. Я тебя отпущу, обещаю.

Салли достала коробок, открыла его, взяла спичку. Затем зажгла ее, перегнувшись через край. Она старалась держать огонек ниже края шахты и одновременно защищать его от поднимающегося снизу воздуха, из-за которого пламя дрожало и затухало, превращаясь в синюю точку. Но Салли хватило света, чтобы разглядеть полусгнившую деревянную лестницу, ведущую в черную, словно бездонную, шахту. Многие перекиды сломались или насквозь прогнили, покрывшись белой плесенью. Только самоубийца может отважиться на спуск.

«Ба-бах!» – прозвучал выстрел. Справа раскрошилась скала, и плечо Салли засыпало каменными осколками.

Она невольно ахнула и уронила спичку. Та, кружась, полетела во тьму, разок мигнув, перед тем как погаснуть.

– Стерва! Убью!

Повиснув над черной пустотой, Салли пошарила ногой внизу, нашла податливую перекидину, попробовала переместить на нее вес тела и медленно опустилась, сразу проверяя следующую деревяшку.

Донесся сдавленный победный возглас, потом щелчок, и неожиданно над головой Салли мелькнул луч фонаря.

Беглянка пригнулась и стала спускаться, уже не раздумывая. Неожиданно одна перекиладина переломилась, и, пока Салли не нашла новую опору, нога ее болталась над шахтой. Лестница скрипела и ходила ходуном.

Салли спускалась, ступенька за ступенькой, оскальзываясь и прерывисто дыша от натуги. Лестница тряслась, сверху непрерывно капало. Еще одна перекиладина сломалась под ногой, а потом целых две подряд, так что Салли повисла на одних руках, раскачиваясь в темноте. Хватая ртом воздух, она все же продолжила спуск, перебирая руками и шаря ногой внизу, пока снова не нащупала ступеньки.

Над краем шахты вдруг показался ослепительно-яркий луч света, неподвижно остановился прямо на Салли. Она успела отшатнуться, и тут же раздался выстрел. Одна из перекидин разлетелась, и вся лестница закачалась и громко заскрипела.

Эхом отозвался смешок похитителя:

– Это было понарошку. А теперь получай взаправду.

Салли, задыхаясь, подняла голову. Он склонился над краем, в двадцати футах от нее, держа в одной руке фонарь. В другой был пистолет. Похититель целился. Он не мог промахнуться. Он знал, что Салли у него в руках, и не торопился. Беглянка из последних сил спускалась по раскачивающейся, трещащей лестнице. Спущенный курок щелкнет в любую секунду. Салли посмотрела вверх, увидела лишь освещенный контур лица мужчины. Она остановилась – спускаться дальше было бессмысленно.

– Нет, – выдохнула Салли, – не надо, прошу.

Он вытянул руку, и стальное дуло пистолета заблестело в темноте яркой буквой "О". Салли видела, как напряглась его кисть, когда пальцы нажимали на спусковой крючок.

– Ну, сука, тебе крышка.

Салли сделала то единственное, что могла сделать: оттолкнулась от лестницы и

полетела в темную шахту.

13

Корвус, парализованный страхом, неотрывно смотрел на зеленую лампочку. Как тот человек смог отключить сигнализацию? Что, черт возьми, ему надо?

Дверь приоткрылась, по полу метнулась постепенно расширявшаяся полоска желтого света. Она прошла сквозь стоящий на задних лапах скелет аллозавра, превратив его в сказочное чудище, вроде тех, что продаются на Хэллоуин. Тень преследователя очутилась в освещенном пространстве, и ее очертания причудливо слились со скелетом динозавра. Когда неизвестный сделал еще шаг вперед, Корвус увидел у него в руках странное длинноствольное ружье.

При виде оружия Корвус вышел из оцепенения, словно повинувшись некоему импульсу. Он развернулся и бросился к темным нишам в глубине хранилища, пронесся вдоль узкого коридора, по обеим сторонам которого возвышались массивные металлические полки и стеллажи с черепами и костями. Корвус резко свернул направо, пробежал еще один переход и метнулся в следующий. Остановился, прерывисто дыша, притаился за громадным черепом кентрозавра – посмотреть, отстал ли преследователь. Сердце Корвуса колотилось так сильно, что в ушах ритмично гудело. Сквозь отверстие в костистой броне динозавра Корвус разглядел неизвестного – тот, оказывается, даже не шевельнулся, и его силуэт все чернел в дверном проеме. Преследователь поднял свое оружие и сделал шаг в сторону. Дверь закрылась, автоматически защелкнулся кодовый замок, и хранилище вновь погрузилось во тьму.

Корвус лихорадочно соображал. Безумие какое-то: за ним охотятся в музее, сотрудником которого он является. Это наверняка связано с уникальным тираннозавром рекс из Нью-Мексико. Информация, имеющаяся у Корвуса, нужна неизвестному, и чтобы получить ее, он готов совершить убийство.

В любую секунду таинственный преследователь включит свет.

Корвус услышал чье-то громкое дыхание, понял, что это дышит он сам, и попытался взять себя в руки. Стараясь производить как можно меньше шума, скинул ботинки и в одних носках отступил ближе к неосвещенным рядам ископаемых скелетов, в глубь хранилища, где у самой стены на возвышениях помещались наиболее крупные экспонаты. Лучше всего прятаться там. Хранилище размером с пакгауз, но у преследователя есть целая ночь, чтобы выкурить Корвуса отсюда.

В темноте раздался голос, ровный и спокойный:

– Мне хотелось бы с вами поговорить, профессор.

Корвус не ответил. Надо перебраться в более безопасное укрытие. Продвигаясь ощупью, он пополз на четвереньках, осторожно, чтобы не наделать шума. Корвус помнил: в глубине зала есть огромный скелет трицератопса, обернутый полиэтиленом, – может, удастся спрятаться за ребрами. Даже при включенном свете Корвус, сидя внутри, будет находиться в густой тени, а массивный рогатый череп динозавра прикроет его, как навес. Трицератопс теснился между несколькими дюжинами частично собранных скелетов, все они были обернуты полиэтиленом. Корвус на четвереньках стал пробираться сквозь нагромождение костей, нащупывая когтистые лапы уже собранных динозавров, лавируя между свисающими концами полиэтиленовых покрытий и прокладывая себе путь среди скелетов все дальше и дальше. В какой-то момент Корвус остановился и прислушался, но не услышал ничего – ни движения, ни звука шагов.

Странно – незнакомец не включил свет.

– Доктор Корвус, мы тратим драгоценное время. Пожалуйста, покажитесь.

Корвус был потрясен: голос шел уже не от двери, расположенной на другом конце хранилища, теперь он приблизился и раздавался справа. Неизвестный перемещался в темноте, но так тихо, что ничего не было слышно.

Корвус продолжают ползти с бесконечной осторожностью, ощупывая кости нижних конечностей динозавров и пытаясь определить, каким именно животным они принадлежат, а затем представить их местоположение в переполненном хранилище.

Корвус на что-то наткнулся, со стуком упала кость.

– Это уже начинает надоедать.

Голос звучал ближе – намного ближе. Корвусу хотелось спросить: «Кто вы?» Но он промолчал, ему было прекрасно известно, кто перед ним: проклятый соперник, какой-нибудь палеонтолог или лицо, нанятое неким палеонтологом, явившееся, чтобы присвоить чужое открытие. Эти чертовы американцы все сплошь подлецы и преступники.

Корвус приподнял конец полиэтиленового покрытия, раздался громкий шелест. Палеонтолог замер затаив дыхание, потом снова стал ощупывать дорогу. Если бы только удалось узнать хоть одного несчастного динозавра, он догадался бы, где находится... Ага! Вот, кажется, плечевой пояс овирапторида. Корвус метнулся вправо, пролез между покрытиями, шаря руками впереди себя, и наконец наткнулся на один хвостовой позвонок, потом на другой и на изогнутый железный стержень, служивший им опорой. Это был трицератопс. Корвус поднял руку, нащупал толстый слой полиэтилена, с предельной осторожностью сдвинул его и влез внутрь. Тут он, отыскав ребро и затем еще одно, ползком переместился вперед, рассчитывая притаиться под громадными костями трехрогого черепа диаметром почти в пять футов. Корвус медленно и аккуратно пролез в полость, где когда-то находились сердце и легкие. Даже при включенном свете тут ни черта не разглядишь. Неизвестный может искать Корвуса много часов, если не всю ночь. Корвус ждал, скорчившись и не шевелясь. Его сердце бешено стучало.

– Прятаться бесполезно. Я иду к вам.

Голос был ближе, гораздо ближе. От ужаса у Корвуса в голове загудело, словно там вдруг оказался целый пчелиный рой. Воображению вновь и вновь рисовалось странное ружье с длинным стволом. Это не шутка, незнакомец собирается убить его.

Ему нужно оружие.

Корвус ощупал грудную клетку трицератопса, ухватился за ребро, подергал – оно держалось крепко. Доктор попробовал еще несколько ребер и в конце концов нашел одно, которое поддалось. На железном каркасе он нашарил гайку и шуруп, прикреплявшие кость, попытался отвинтить гайку. Засела намертво. Корвус опустил руку ниже, добрался до другой гайки, однако и эта сидела прочно.

Черт подери, надо было раньше хватать какую-нибудь кость со стеллажа, так бы и вооружился.

– Повторяю, доктор Корвус, это начинает мне надоедать. Я иду к вам.

Теперь голос даже еще ближе. Как он может настолько тихо перемещаться в темноте? Или помещение так хорошо ему знакомо? Неизвестный будто плыл по воздуху. На Корвуса нахлынуло отчаяние. Он возился с гайкой, пытаясь ее отвинтить, тут заржавевшая гайка врезалась ему в палец, и потекла теплая кровь. Однако гайка с места не сдвинулась.

Корвус оставил ее, проглотил слюну, отдышался. Сердце билось до того громко, что, казалось, оно выдает его – однако ведь нельзя услышать чье-то сердцебиение? Если он будет сидеть смирно, молча и не шевелясь, неизвестный нипочем его не найдет. Не сможет. Это нереально.

– Доктор Корвус? – позвал голос. – Мне только и нужно узнать кое-какую мелочь насчет того самого тираннозавра рекс. Всего-то дел...

Корвус сидел, съежившись, словно эмбрион в материнской утробе, и неудержимо трясся. Голос раздавался меньше чем в десяти футах от него.

Том бежал через лес по направлению к желтому огоньку, слабо пробивавшемуся сквозь деревья. Приблизившись к дому сзади, он замедлил бег и, держась в темноте, стал осторожно

продвигаться вперед. Дом был большой, двухэтажный, с крытым крыльцом. Над крыльцом горел фонарь, ярко освещавший припаркованный тут же «рейнджровер».

Неожиданно Том вздрогнул: он понял, что бывал здесь раньше, много лет назад, вместе с какими-то приятелями, которые намеревались исследовать заброшенные горные поселения. Тогда еще эту территорию не обнесли забором и нового дома на ней не выстроили.

Том, прижавшись к стене из нетесаных бревен, крался, пока не достиг окна. Он заглянул внутрь. Его взору предстала отделанная деревом гостиная с камином, облицованным плиткой, индейскими циновками на полу и головой лося на стене. Горела только одна лампочка, и Тому сразу стало ясно, что дом пуст. Он прислушался – было тихо. Чернели неосвещенные окна второго этажа.

Салли не здесь. Том прокрался ко входу и внимательно огляделся. Зброшенное поселение освещал лишь фонарь на крыльце дома. Пригибаясь, тихо ступая и поминутно останавливаясь, чтобы послушать, Том подобрался к машине и положил руку на капот – двигатель еще не остыл. Присев у передней дверцы, он достал фонарик, найденный в кабине «доджа», включил его. Посветив на землю, Том изучил следы. На рыхлом песке виднелись многочисленные спутанные отпечатки ковбойских ботинок. Том поводил фонарем из стороны в сторону. Недалеко от машины он увидел две параллельные полосы, похожие, прочерченные чьими-то каблуками. Том направил луч фонарика дальше и заметил, что полосы тянутся по грунтовой дороге к противоположному концу поселения.

Сердце у него так и оборвалось. Неужели это тащили Салли? Она была без сознания? Та дорога, если он правильно помнит, ведет к старым шахтам, в них когда-то добывали золото. Том остановился, пытаясь овладеть дыханием и унять колотившееся сердце. Он припоминал что и где находится в этом поселке. Том машинально положил ладонь на рукоятку пистолета, торчавшего за поясом.

Один патрон.

Том пошел по следам вдоль грунтовой дороги на другой конец поселения. Следы терялись среди деревьев. Фонарик выхватил из темноты недавно примятые кусты, которые окаймляли заросшую тропинку, ведущую через лощину к шахтам. Том прислушался, но до него доносился только шелест ветра в соснах. Он двинулся по тропинке и, пройдя четверть мили, вышел на открытое пространство, где лощина расширялась. Тропинка поднималась по склону холма, туда Том и побежал. Дорожка вилась вдоль края возвышенности, через сосновые заросли, и заканчивалась у старого сарая.

Салли где-то внизу, в шахтах. А начинаются они именно здесь.

Через минуту, преодолев подъем, Том уже стоял у ветхой, заброшенной временной постройки. Дверь была закрыта на цепь, и вдобавок на ней висел замок. Том остановился, сдерживая желание разнести сараюшку, и прислушался. Стояла полная тишина. Он осмотрел замок и обнаружил, что его оставили незапертым – замок болтался на цепи. Том выключил фонарик, приоткрыл дверь и скользнул внутрь.

Заслонив фонарь сложенными ладонями, он включил его, лишь чтобы оглядеться. Постройка, оказывается, скрывала проход в шахту: отверстие, вырубленное в каменистом склоне холма и дышавшее затхлым сырым воздухом. Вход был надежно огражден тяжелой железной решеткой, запертой на массивный висячий замок из цементированной стали.

Том слушал, стараясь не дышать. Из тоннеля не доносилось ни звука. Он потрогал замок – этот держался прочно. Том присел, достал фонарик и осмотрел земляной пол. В рыхлой грязи следы отпечатались очень отчетливо, они принадлежали человеку, носившему одиннадцатый или двенадцатый размер обуви. Сбоку Том увидел борозды, оставленные подошвами Салли, и примятый участочек, где лежало тело – ее тело. Должно быть, похититель положил свою ношу на землю, пока отпирал замок. Салли была без сознания. Том отогнал более жуткое предположение.

Он попытался перебрать свои возможности. Так или иначе необходимо проникнуть в шахту. Возможно, удастся подманить похитителя к двери и застрелить его при первом приближении.

Том застыл, услышав донесшийся из шахты слабый звук. Крик? Он не смелдохнуть. Через секунду снова раздался звук – слабый возглас, искажившийся в глубоком каменном колодце. Голос принадлежал мужчине.

Том ухватился за замок и потряс его, стараясь сломать, но замок не поддавался. Решетка была изготовлена из тяжелой стали и намертво вмурована в камень. Выломать ее не представлялось возможным.

Пока Том метался туда-сюда, он опять услышал гневный вопль, на этот раз прозвучавший гораздо громче и отчетливее. Удалось различить единственное слово – «сука».

Она там. Она жива. Тут раздался приглушенный гул выстрела.

15

В кабине «шевроле» 57-го года Боб Байлер включил радио и покрутил колесико настройки в надежде поймать свою любимую станцию «Старые хиты», вещавшую из Альбукерке. Однако в приемнике лишь непрерывно шипело и потрескивало. Он выключил радио и в качестве утешения сделал хороший глоток виски «Джим Бим» – бутылка лежала тут же, на соседнем сиденье. Боб причмокнул и с довольным видом сложил губы в трубочку. Бутылка с глухим стуком шлепнулась обратно на сиденье. Он отер рукой щетинистый подбородок и широко улыбнулся своему несказанному везению.

Байлер уже перестал ломать голову над странным происшествием около «Санрайза». Кто-то угнал его «додж» и оставил ему шикарный классический «шеви», прямо с ключом, торчавшим в зажигании. Этот «шевроле» наверняка стоил раз в десять дороже старой колымаги Боба. Может, надо было вызвать полицию, но ведь все вышло вполне честно – грузовик Байлера угнали, а он взамен получил тачку угонщика. К тому же Боб уже заправился пинтой виски и находился не в том состоянии, чтоб звать легавых. Угнали-то его машину, а разве он обязан заявлять о пропаже своей же собственности?

Вдруг шины шаркнули по обочине с правой стороны дороги, и Байлер крутанул руль влево, чуть не съехал с шоссе, выровнял грузовик – колеса слабо заскрипели – и, наконец, снова вырулил на проезжую часть. Желтая пунктирная линия прямо, никуда не сворачивая, убегала в темноту, и Байлер поехал по ней – так надежнее, не собьешься. Он увидит фары приближающейся машины хоть за тысячу миль, и будет уйма времени, чтобы уступить дорогу. Для пущей концентрации внимания Байлер еще разок приложился к бутылке, и, оторвавшись от горлышка, довольно чмокнул губами.

Был уже одиннадцатый час. К десяти тридцати Байлер доберется до Эспаколы. Боже, ну и устал же он, долгонько пришлось ехать из Долорес, и вся эта езда – чтобы повидать дочку и ее никчемного безработного муженька. Поймать бы «Старые хиты» хоть в Санта-Фе – Элвис здорово поднимет настроение. Боб включил радио, покрутил колесико, нашел какую-то волну – там сквозь шум вроде пробивалась музыка – и остановился на ней. Может, ближе к городу прием станет лучше.

Вдалеке Байлер увидел свет фар и осторожно принял немного в сторону. Мимо пронеслась полицейская машина и стала уменьшаться в размерах прямо на глазах. Да, это точно полиция. Вот уже красные габаритные огни почти растворились в кромешной тьме. Но тут Байлер с тревогой заметил, что огоньки внезапно стали ярче: легавый затормозил. Затем последовала короткая тусклая вспышка, и мелькнул яркий белый свет фар – машина разворачивалась.

Вот черт! Байлер смахнул бутылку виски на пол и ногой запихнул ее под сиденье. Грузовик опять сошел с проезжей части, и Байлер поспешил сосредоточиться на дороге. Он снова вырулил на шоссе, отчего «шеви» качнуло. Проклятие, лучше притормозить и трюхать, как старая кляча. Взгляд Байлера перебежал с дороги на спидометр и оттуда на зеркало заднего вида. Боб делал ровно пятьдесят пять миль в час и был абсолютно уверен: когда мимо проезжал легавый, он шел максимум на шестидесяти, а ограничение-то здесь шестидесять пять. Байлер, подобно большинству вечно нетрезвых водителей, никогда не

превышал скорость. Еще несколько минут его сердце бешено колотилось, потом он начал отходить. Легавый не врубил мигалку и за Байлером не гнался. Просто тащился на той же скорости, приотстав где-то на четверть мили, и все дела, – подумаешь, какой-нибудь патрульный на дежурство выехал. Байлер, вцепившись в руль, смотрел прямо перед собой и удерживал грузовик на пятидесяти пяти милях в час.

Черт возьми, да такого дисциплинированного водителя еще поискать надо!

16

Салли, оглушенная падением, пролежала в неглубокой лужице не больше минуты. Падала она недолго и больше напугалась, чем ушиблась. Все же положение ее было далеко не безопасно. Салли, только начав приходить в себя, уже увидела луч фонаря, шаривший по дну шахты. Через секунду он замер, осветив ее. Она отскочила в сторону, тут же раздалось несколько выстрелов подряд, и пули со свистом посыпались в воду. Шлепая по лужам, Салли кинулась к тому месту, где луч света выхватил из темноты тоннель, уходящий во мрак. Через минуту она свернула за угол, и там оказалась недосягаемой как для фонаря преследователя, так и для его пуль.

Салли прислонилась к стене, судорожно заглатывая воздух. У нее болело все тело, но, похоже, она ничего не сломала. В нагрудном кармашке Салли нащупала спичечный коробок. Вот чудеса – снаружи он намок, однако внутри остался сухим. Спички были длинные, деревянные, воспламеняющиеся при трении о любую шероховатую поверхность. Салли чиркнула о каменную стену, еще и еще. Спичка загорелась с третьего раза и осветила уходящий вдаль коридор. Он полностью копировал верхний тоннель – такой же длинный, тоже укреплен прогнившими дубовыми сваями. Внизу бежал ручеек, тут и там собиравшийся в лужи. Тоннель находился в ужасном состоянии: сваи сгнили и разрушились, а куски скалы, отвалившиеся от стен и потолка, частично засыпали проход. То, что еще держалось, грозило вот-вот упасть: в каменном потолке зияли огромные трещины, и дубовые сваи прогибались под тяжестью осевшей породы.

Салли быстрым шагом двинулась по тоннелю, рукой прикрывая спичку. Когда та догорела до самых пальцев, женщина бросила ее. Пошла вслепую, собрав всю смелость и лишь смутно представляя себе лежавший впереди путь. Когда идти дальше делалось совсем жутко, она останавливалась и прислушивалась. Не приближается ли похититель? Маловероятно, что он отважится спуститься по той самой лестнице: ни один человек в здравом уме на это не решится, и потом, Салли уже сломала не одну перекладину. Ему придется искать веревку, и у беглянки будет хотя бы короткая передышка. Но именно короткая, поскольку Салли помнила, что в карцере есть веревка: свернутая кольцом, она лежала рядом с матрасом.

Салли усиленно пыталась сосредоточиться и рассуждать здраво. Она где-то читала, и это засело в памяти, будто любая пещера «дышит» и чтобы найти выход, лучше всего ориентироваться на это «дыхание», иными словами, на воздушный поток. Салли зажгла спичку. Пламя отклонилось назад, в том направлении, откуда она пришла. Салли пошла в противоположную сторону, в глубь шахты, с трудом шагая по воде, и одновременно стараясь двигаться как можно быстрее, лишь бы не погасла спичка. Тоннель свернул направо и превратился в обширную галерею с уцелевшими каменными опорами, на которых держался потолок. Новая спичка осветила два коридора, выходящих из галереи. Ручеек втекал в левый коридор. Салли остановилась – огонька как раз хватало, чтобы определить, откуда тянет воздухом, – и выбрала правый коридор, единственный, могущий (наверное!) вывести беглянку наверх.

Спичка догорела, и Салли бросила ее. Несколько секунд женщина потратила, вслепую пересчитывая оставшиеся в коробке спички. Их оказалось пятнадцать.

Салли попыталась двигаться вперед по-прежнему, ощупью, но вскоре поняла, что идет слишком медленно. Надо максимально увеличить расстояние между собой и

преследователем. Каждая секунда на счету. Пора пустить в ход спички, хватит уже их беречь.

Салли зажгла еще одну, пошла дальше, вверх по тоннелю, завернула за угол и увидела, что проход завален. Она посмотрела вверх, на темную дыру в потолке – оттуда откололся громадный кусок скалы и, раскрошившись, засыпал пол бесформенной грудой обломков. Еще несколько глыб размером с автомобиль под невероятными углами свисали сверху. Их поддерживали и подпирали разрушенные сваи, которые, казалось, можно было сдвинуть с места и легким толчком.

Салли вернулась тем же путем, что пришла, и шагнула в левый коридор – этот спускался под уклоном, и ручей стекал по нему вниз. Салли нервничала все сильнее: преследователь будет здесь с минуты на минуту. Она двигалась в том направлении, в котором текла вода, надеясь таким образом добрести до выхода. Пришлось перебраться через несколько луж. Ручей становился глубже, вода явно прибывала. Скоро Салли было уже по пояс. За следующим поворотом стало ясно, в чем дело – обвалившийся кусок скалы заблокировал тоннель и перекрыл воду, которая лишь просачивалась через трещины и зазоры в каменной глыбе, не находя достаточно большого отверстия, чтобы течь дальше.

Салли тихонько чертыхнулась. Неужели она пропустила какой-то тоннель? Инстинкт подсказывал: нет, не пропустила. В пять минут Салли осмотрела все пространство в пределах досягаемости. Одно слово: ловушка. Салли тем не менее зажгла спичку трясущимися пальцами, в отчаянии высматривая выход – коридор или хотя бы пролом, который мог остаться незамеченным. Она обожгла пальцы и, выругавшись вполголоса, чиркнула еще одной спичкой. Должен же на самом деле где-то быть выход!

Салли снова двинулась назад, неосмотрительно сжигая спичку за спичкой, пока не вышла к очередному завалу. Он возвышался сплошной массой, и ни единого отверстия в нем заметно не было. Несколько спичек подряд Салли потратила, обшаривая эту груду камней в поисках какой-нибудь, какой угодно щели, в которую удалось бы втиснуться. Но ничего не находилось.

Салли пересчитала спички. Их осталось семь. Она зажгла одну, подняла голову и увидела брешь в потолке. Безумна даже мысль о том, чтобы лезть туда. Огонек слишком тусклый, ему не осветить всех изгибов и трещин, но похоже, там, наверху, может быть ниша, где Салли удастся хотя бы спрятаться, если она все-таки отважится взобраться по шаткому и ненадежному склону завала, образованного отдельными осколками породы.

Риск сумасшедший. Пока дрожащая Салли стояла в нерешительности и на кончике ее спички догорало пламя, из пролома в потолке со стуком вылетел маленький камешек, пропрыгал, словно шарик в пинболе, по лабиринту, образованному обломками свай и больших камней, скатился по груде щебня и упал к ее ногам.

Да, дело обстояло именно так: у Салли два пути – вернуться назад и лицом к лицу столкнуться с преследователем или же рискнуть и влезть в то отверстие в потолке.

Спичка погасла. Осталось еще шесть. Салли вытащила из коробка сразу две и зажгла их одновременно, надеясь, что так будет чуть светлее, и она сможет лучше разглядеть верхний пролом. Спички вспыхнули, Салли внимательно всмотрелась... Все равно ничего не увидеть за сваями и нагромождением камней. Одна треснувшая свая наклонилась особенно сильно, а за ней громоздилось несколько валунов, так и норовивших упасть.

Обе спички догорели.

Времени на раздумья больше не оставалось. Салли зажгла новую спичку, взяла ее зубами, ухватила за глыбу, выставлявшуюся из завала, и стала взбираться наверх. В ту же минуту она услышала звук – вдалеке раздался голос, гулким эхом прогремевший в каменном тоннеле:

– Приготовилась или нет, сучка? Ну, я все равно иду!

Корвус сидел, скорчившись, в грудном отделе скелета трицератопса. Кровь стучала у доктора в ушах. Незнакомец стоял совсем рядом, футах в десяти, не больше. Корвус сделал глотательное движение, силясь хоть немного смочить рот слюной. Он слышал, как рука неизвестного слегка задела скелет, как практически беззвучно отдались от цементного пола его шаги, как тихо-тихо хрустнула под подошвами каменная пыль – незнакомец приближался.

Каким же, черт раздери, образом этот человек настолько уверенно и быстро передвигается в темноте?

– Я вас вижу, – произнес негромкий голос, – а вы меня – нет.

Неизвестный словно прочел мысли Корвуса.

Сердце доктора так и бухало в груди: голос звучал прямо рядом с ним. Согнувшийся в три погибели Корвус чувствовал себя очень уязвимым, и горло у него до того пересохло, что он не смог бы говорить, даже если б захотел.

– Вы там смотрите совершенно по-дурачки. – Снова звук шагов. Корвус ощутил запах дорогого лосьона после бритья. – Мне нужны сведения о местоположении ископаемого, только и всего. Подойдет что угодно: координаты, определенные глобальной системой навигации, название каньона или горной системы, – вот какого рода данные мне требуются. Я хочу знать, где находится динозавр.

Корвус переглотнул, пошевелившись. Дальше прятаться было бессмысленно – неизвестный его уже обнаружил. Может, этот тип пользовался каким-то прибором ночного видения?..

– У меня такой информации нет, – прохрипел Корвус. – Я понятия не имею, где этот треклятый динозавр.

Он сел и схватил свой портфель.

– Если собираетесь вилить, тогда, боюсь, мне придется лишить вас жизни. – Человек говорил настолько тихо, настолько мягко, что у Корвуса не осталось ни малейшего сомнения: все это всерьез. Доктор вцепился в портфель, на ладонях у него выступил холодный пот.

– У меня этих сведений нет. В самом деле нет. – Корвус уловил мольбу в собственном голосе.

– Как же тогда к вам попал образец?

– Я получил его от третьего лица.

– Ах, вот оно что. Назовите фамилию и место проживания этого третьего лица.

Наступила тишина. Корвус чувствовал, как к его ужасу примешивается новое чувство – гнев. Страшный гнев. Вся карьера доктора, да что там, вся жизнь зависела от того, попадет к нему в руки динозавр или нет. Не станет Корвус делиться своим открытием с каким-то негодяем, держащим его на мушке! Уж лучше смерть! У этого мерзавца очки, приспособленные для ночного видения, или что-то подобное, и если Корвусу удастся выбраться на освещенное пространство, тогда неизвестный лишится своего преимущества. А тяжелым портфелем можно так ударить...

– Итак, прошу: фамилия и место проживания этого третьего лица, – по-прежнему мягко повторил незнакомец.

– Сейчас, я только выберусь из скелета.

– Мудрое решение.

Корвус немного выпрямился, перешел в заднюю часть туловища трицератопса и вылез из спины животного. Пригнувшись, пролез под полиэтиленом и встал во весь рост. По-прежнему было совершенно темно, и доктор лишь смутно догадывался, где находится неизвестный.

– Фамилия этого вашего третьего лица!

Корвус рванулся туда, откуда слышался голос, размахнулся в потемках портфелем, который держал за ручку, тот описал дугу и непонятно как, но все же ударил незнакомца. Он глухо застонал и от неожиданности подался назад. Корвус развернулся и вслепую стал

продираться через многочисленные скелеты к тому месту, где, как ему помнилось, были выключатели. Он споткнулся об один из скелетов и упал, в воздухе тут же пронзительно засвистело, а затем справа сталь ударилась о кость.

Этот негодяй стрелял в Корвуса.

Доктор резко отклонился в сторону, натолкнулся на какой-то скелет. Тот протестующе заскрипел, и несколько маленьких косточек со звоном посыпались на пол. И снова свист в воздухе, и опять металл лязгнул по костям справа. Корвус пробирался вперед короткими перебежками, нащупывая дорогу, отчаянно цепляясь за кости, а потом вдруг все скелеты остались позади, и он, оказавшись рядом со стеллажами, стремглав кинулся в проход, пошатнулся, упал, вновь поднялся. Только бы добраться до выключателей и лишиться незнакомца его преимущества! Корвус рванулся вперед, забыв о возможных преградах, и чуть не налетел на блок выключателей. С нечленораздельным возгласом доктор вцепился в панель, разом загорелась дюжина лампочек, послышалось гудение и тихое пощелкивание: один за другим зажигались уже не новые люминесцентные светильники.

Корвус развернулся, схватил с полки кость какого-то ископаемого и, вооружившись ею, как битой, приготовился драться.

Меньше чем в десяти футах от Корвуса неизвестный спокойно стоял на месте, чуть расставив ноги. Он будто и не шевелился вовсе. На нем были синий спортивный костюм и специальные очки для ночного видения, сдвинутые на лоб. На полу у его ног стоял потертый кожаный портфель. Незнакомец держал руки так, словно готовился выстрелить, и блестящий ствол необычного оружия смотрел прямо на Корвуса. Доктора поразила заурядность внешности этого человека, его ничего не выражающее лицо чиновника. Корвус услышал «чпок-ш-ш-ш!» – это свистел сжатый воздух, увидел что-то серебристое, блестящее и ощутил острую боль в солнечном сплетении. Он изумленно посмотрел вниз – оказывается, в живот ему вонзился стальной шприц. Корвус разинул рот и хотел было вытащить шприц, но его уже накрыла жуткая тьма, подобная приливной волне, с силой закручивающей попавшего в нее человека.

18

Форд сидел, опершись спиной о скалу и вбирая тепло едва тлевшего костерка, сложенного из остатков сухих кактусов. Кругом высились черные склоны каньона Тираннозавра, и чем дольше Форд смотрел, тем необъятнее казалось густо-фиолетовое небо, усыпанное звездами.

Он уже поужинал рисом и чечевицей. Положив жестянку из-под чечевицы в огонь, Форд подержал ее там до тех пор, пока все остатки еды не превратились в крошечные угольки – таким способом он «мыл посуду», чтобы не расходовать драгоценную воду. Форд палкой вытащил жестянку из огня, дал ей остыть и налил туда воды из фляги. Держа жестянку за металлическую крышку, Форд стоймя поставил ее в костер. Через несколько минут вода закипела. Он добавил в жестянку ложку молотого кофе, помешал и снова поставил емкость в огонь. Еще пять минут – и кофе был готов.

Форд пил маленькими глотками, придерживая жестянку за крышку и наслаждаясь горьковатым вкусом и дымным ароматом. Он грустно улыбнулся самому себе, вспомнив маленькое римское кафе недалеко от Пантеона, за углом, – там они с Джули, бывало, пили отличный эспрессо, сидя за одним из крошечных столиков, теснившимся среди других таких же. Как же называлось то местечко? Ах да, «Тацца д'Оро»¹³.

Как оно теперь далеко...

Форд допил кофе до последней капли, выплеснул гущу в костер, а жестянку поставил рядом – утром еще завтракать. Со вздохом оперся на скалу, поплотнее закутался в сутану и

¹³ Tazza d'oro (urn.) – золотая чашка.

поднял глаза к звездам. Было около полуночи, и почти полная луна медленно выплыла из-за склона. Форд нашел несколько знакомых созвездий: Большую Медведицу, Кассиопею, Плеяды. Через все небо разматывалась мерцающая пряжа Млечного Пути. Разглядывая его, Форд отыскивал созвездие Лебедя – птицы, словно летящей через центр галактики и застывшей там навеки. Он читал когда-то, что там, в центре, есть огромная черная дыра, которая носит название Лебедь X-1 и которая поглотила сто миллионов солнц, сжавшихся в одну точку. Форд подивился, насколько же все-таки дерзки люди: они считают, будто способны хотя бы отчасти постичь истинную сущность Бога.

Форд вздохнул и, растянувшись на песке, задался вопросом: приличествуют ли подобные раздумья тому, кто вскоре станет монахом-бенедиктинцем? Он чувствовал, что события последних нескольких дней ведут его к некоему духовному кризису. Поиски тираннозавра пробудили в нем прежнюю жажду охоты, прежние стремления, которые он, как казалось, искоренил в себе. Видит Бог, Форд уже испытал достаточно приключений на своем веку. Говорил на четырех языках, жил не в одной экзотической стране и имел связи со многими женщинами, пока не нашел единственную большую любовь. Из-за всего этого Форд перенес страшные страдания, терзающие его и по сей день. Так откуда же бесконечная тяга к опасностям и тревоблениям? Вот сейчас он ищет динозавра, ему не принадлежащего, который не принесет ни почестей, ни славы, ни денег. В чем тут дело? Неужели виной этому безумию какой-то существенный изъян в его личности?

Мысли Форда сами собой обратились к тому роковому дню в Сиамреапе, в Камбодже. День назад они с женой Джули выехали из Пномпеня и направлялись в Таиланд. На несколько дней задержались в Сиамреапе, чтобы осмотреть храмы Ангкорвата – это посещение достопримечательностей было частью их маскировки. Лишь на прошлой неделе стало известно о беременности Джули, и, желая отпраздновать событие, они забронировали номер люкс в отеле «Ройял Кампонг». Никогда Форд не забудет последний вечер, который провел с женой, стоя на балюстраде Нага главного храма Ангкорвата и глядя, как солнце опускается за пять огромных шпилей. Из монастыря, скрытого в лесу близ храма, слабо доносилось таинственное пение буддийских монахов – они пели без слов.

Свое задание Форд и Джули выполнили безукоризненно. В то утро пномпеньский агент получил от них диск с данными. Операция была завершена идеально – по крайней мере так им казалось. Слегка настораживало лишь одно: Форд заметил, что по городу за ними постоянно следовала старая «тойота-лендкрузер», причем началось это еще на многолюдных улицах столицы. Вроде бы ничего серьезного здесь не было, и потом, раньше за Фордом тоже много раз следили без всяких последствий.

После захода солнца они поужинали на берегу реки Сиамреап в одном из дешевых ресторанчиков под открытым небом. Лягушки там скакали прямо по полу, а мотыльки бились о гирлянды лампочек. Вернувшись в свой неприлично дорогой номер, Форд и Джули добрые полночи занимались любовью. Они проспали до одиннадцати утра и позавтракали на террасе. А потом, пока Форд стаскивал вниз багаж, Джули спустилась к машине.

Он услышал приглушенный взрыв в тот самый момент, когда открылись двери лифта, уже спустившегося в вестибюль. Форд решил, что где-то сработал старый фугас – их в Камбодже до сих пор было полным-полно. Он помнил, как прошел мимо декоративных пальм и через дверь вестибюля увидел прямо перед гостиницей столб дыма. Выбежал на улицу. Перевернутая машина фактически раскололась надвое, над ней клубилось едкое черное облако, в тротуаре зияла вмятина. Одна шина, вся охваченная огнем, валялась в стороне, футах в пятидесяти, на нетронутой полоске газона.

Даже тогда Форд не узнал собственную машину. Он решил, что произошло очередное политическое убийство, которые были в Камбодже весьма обычным делом. Форд стоял на ступеньках и оглядывал улицу, высматривая машину с Джули и волнуясь, как бы не сработала еще одна бомба. И тут он увидел подхваченный порывом ветра кусочек ткани, вспорхнувший по ступенькам и замерший у самых его ног. Только тогда стало ясно, что это воротничок блузки, которую Джули надела утром.

Мучительным умственным усилием Форд вернулся к настоящему – к костру, к темному каньону, к сверкающим в небе звездам. Чудовищные воспоминания словно отделились, будто бы те события произошли в другой жизни, с другим человеком.

Вот только непонятно: была ли это действительно другая жизнь, а он – другим человеком?

19

Байлер подъезжал к Эспаколе, огни города маячили впереди. Полицейский все еще следовал за Бобом, но тот больше не тревожился. Он даже сожалел, что в панике затолкнул бутылку под сиденье, и несколько раз пробовал носком ботинка выкатить ее. Однако при этом грузовик сразу начинало заносить, поэтому попытки пришлось прекратить. В любой момент можно съехать на обочину и достать бутылку, но Байлер не знал наверняка, можно ли так поступить на этом участке дороги, и потом, ему не хотелось ничем привлекать внимание легавого. Наконец начала пробиваться станция «Старые хиты». Боб прибавил звук и стал мычать невпопад, подпевая знакомым голосам.

Впереди, где-то в четверти мили, виднелся первый в черте города светофор. Если успеть к тому моменту, когда загорится красный, как раз хватит времени нашарить бутылку. Черт, от этой езды пить хочется просто страшно!

Байлер поравнялся со светофором, чуть замедлил ход на желтый свет, а потом плавно, осторожно затормозил, следя в зеркало заднего вида за полицейской машиной. Стоило грузовику окончательно остановиться, как Байлер тут же наклонился и полез под сиденье. Он шарил там, пока грязной рукой не коснулся холодного стекла бутылки. Вытащил ее, и, пригнувшись, чтобы быть гораздо ниже сиденья, отвинтил крышку и плотно прижат горлышко к губам, стараясь глотать быстро и сразу помногу.

Внезапно по асфальту прошуршали шины и послышалось завывание сирен – столько всяких звуков одновременно! Байлер рывком выпрямился, позабыв о бутылке, которую держал в руке, и его ослепила белая вспышка прожектора. Похоже, грузовик окружило несколько полицейских машин. У всех горели мигалки. Ошеломленный Байлер не мог сообразить, что творится. Он дернулся, заморгал, ничего не видя от яркого света. Мысли Боба уже не путались, их просто больше не было, вообще никаких.

До него доносился резкий голос, снова и снова что-то повторявший:

– Выходите из машины с поднятыми руками. Выходите из машины с поднятыми руками.

Неужели это говорят ему? Байлер огляделся, но людей не увидел. Лишь мигалки ослепительно полыхали.

– Выходите из машины с поднятыми руками.

Да, обращались к нему. Байлер, охваченный слепой паникой, возился с дверной ручкой, которую надо было открывать не вверх, а вниз, и Боб сражался с ней, еще и налегая на дверь плечом. Вдруг она поддалась и распахнулась, Байлер вывалился из грузовика, бутылка виски вылетела у него из руки и разбилась об асфальт. Сам он остался лежать на дороге рядом с грузовиком, потрясенный и окончательно сбитый с толку. Встать у Байлера не было никаких сил.

Над ним выросла чья-то фигура, закрывшая свет. В одной руке фигура держала значок, в другой – револьвер. Голос рявкнул:

– Детектив Уиллер, полицейское управление Санта-Фе. Не двигаться!

На минуту все замерло. Байлер видел только черный силуэт на ярком фоне. Сзади, из грузовика, долетали обрывки песни Элвиса: «Ты всего лишь бродячий пес».

Музыка заглохла, и полицейский, вложив револьвер в кобуру, склонился над Байлером, пристально всматриваясь ему в лицо. Затем выпрямился, и Байлер снова услышал его голос. На сей раз полицейский обращался к кому-то невидимому:

– Кто это такой, черт возьми?

Салли, зажав в зубах спичку, карабкалась по шаткому нагромождению камней, выискивая, за что взяться рукой и куда поставить ногу. При каждом шаге каменные глыбы сдвигались, некоторые выпадали и срывались вниз. Еще шаг – и сверху градом посыпались мелкие камешки. На дно шахты рухнула очередная глыба. Казалось, заскрипел и зашатался весь завал.

Салли выдохнула так резко, что огонь погас.

Она пошарила в коробке – оставалась последняя спичка. Ее Салли решила сэкономить.

– Я иду к тебе! – Хриплый голос, жутким образом искаженный, эхом прокатился по коридорам.

Салли ощупью продолжала карабкаться наверх. Со стуком упало еще несколько булыжников. Тут она услышала прямо над собой глухой рокот смещающихся свай и камней, затем дождем обрушилась галька вперемешку с гравием. Новый шаг – и опять скрип сдвинувшихся камней. Завал вот-вот рухнет. Однако выбора у Салли не было.

Она вытянула руку вверх, ища, за что ухватиться, нащупала выступ для ноги, опробовала его, выпрямилась во весь рост. Оперлась рукой, потом установила ногу. Салли поднималась с величайшей осторожностью, перемещая собственный вес с одной опоры на другую.

– Салли, где ты-ы-ы?

Она слышала, как преследователь шлепает по воде, пробираясь по тоннелю. Салли подтянулась, пошарила рукой наверху и ухватила за сваю. Налегла на нее, проверяя на прочность. Свая скрипнула и слегка покачнулась, однако удержалась. Салли замерла с колотящимся сердцем, пытаясь не думать, каково это – быть похороненной заживо, потом снова подтянулась. Опять скрип, опять град мелких камешков, и вот беглянка уже наверху, перелезла через сваю. У себя над головой Салли нащупала раскрошенную древесину вперемешку с обломками скалы.

Придется зажечь спичку.

Раздалось чирканье, спичка ожила, вспыхнула. Наверху Салли разглядела темное отверстие – лезть надо туда. Она подержала коробок над пламенем, и он запылал, потрескивая, гораздо ярче, чем спичка, осветил углубление. И все же этого оказалось недостаточно – отверстие просматривалось лишь на несколько футов в глубину.

Одной рукой держа горящий коробок, Салли приподнялась над следующей свай, почувствовала, как та зашаталась, и услышала, как трещат и стучаются друг о друга камни наверху. Через минуту она взобралась на сваю и встала на ненадежный выступ уже в самом проеме. В свете догоравшего коробка Салли увидела, что проем заканчивается широкой трещиной в форме полумесяца, пролегшей под небольшим, градусов в тридцать, углом к основному проходу. Судя по всему, в трещину как раз удастся пролезть.

Неожиданно внизу раздался грохот – это с потолка сорвалась огромная каменная глыба. Пламя погасло.

– Вот ты где!

В темноте метнулся луч фонарика, высветивший завал. Салли подняла руки, ухватила за какой-то выступ и подтянулась. Луч света прыгал повсюду. Салли взбиралась быстро, забыв о всякой осторожности. Женщина протиснулась между двумя сырыми каменными створками и проползла в широкий разлом. Он поднимался слегка под углом и имел достаточную ширину, так что Салли уместилась в нем и смогла продвигаться вперед, медленно, извиваясь всем телом. У нее больше не осталось спичек, и нельзя было разглядеть, куда ползти, равно как и узнать, ведет ли лаз вообще куда-нибудь. Салли пробиралась все дальше, отталкиваясь руками и коленями. На секунду беглянку охватил панический страх: вдруг скала сдавит ее с двух сторон?! Салли остановилась, отдышалась, переборола свой испуг и снова поползла.

– Я к тебе иду-у-у!

Голос звучал прямо под ней. Салли продолжала ползти, с ужасом осознавая, что проход сужается. Вскоре он стал совсем узким – беглянке пришлось с усилием протискиваться вглубь, отталкиваясь и ступнями, и коленями, и даже понемногу выдыхая воздух, иначе в проеме было не поместиться. На Салли снова нахлынул страх, ибо она поняла: теперь можно двигаться лишь в одном направлении, повернуть ей не удастся. Поскольку сзади не от чего оттолкнуться ногами, ползти обратно никак нельзя.

– Ты там, наверху, я знаю, сука!

Салли услышала, как загремели камни, когда преследователь начал карабкаться по завалу. Женщина вытянула ноги, изогнувшись всем телом и ухитрилась, высвободив руку, просунуть ее вперед и пощупать, что же там, дальше. Похоже, трещина больше не сужалась, а значит, вполне могла расширяться. Вероятно, если Салли удастся преодолеть этот узкий участок, трещина приведет ее в другой тоннель.

Она выдохнула и, упиравшись ступнями в стенки лаза, протиснулась вглубь. Разорвался нагрудный кармашек ее рубашки, отлетели пуговицы. Салли пошарила рукой впереди себя. Еще одно усилие, еще выдох, только бы занимать меньше места. Она остановилась – вдохнуть полной грудью уже не получалось. Каменные стены грозили раздавить Салли. Женщина услышала, как внизу опять загрохотали падающие камни. Может, он убьется, взбираясь на завал...

Салли напряглась и с усилием протиснулась еще глубже в трещину. Ее захлестывал ужас при мысли о том, что она рискует остаться здесь, в темноте, зажатая, словно в тисках. Вода, капавшая со стен, стекала по лицу Салли. Теперь женщина знала: ей нипочем не вернуться назад. А ведь лучше было погибнуть от пули, чем помирать в этой дыре.

Салли послала подальше собственные страхи и рассудила, что, быть может, трещина еще куда-нибудь ее и выведет, только не надо останавливаться. Она оттолкнулась ногами, протиснулась еще вперед, опять разорвала рубашку. Трещина расширилась лишь самую малость. Есть, есть возможность... Новый рывок. Салли ощупью проверила, что там, впереди. Проход резко сужался, становясь сразу не более дюйма шириной. Женщина лихорадочно двигала рукой взад-вперед, пытаясь обнаружить отверстие пошире, однако ничего не находила. Она опять чуть не лишилась рассудка от ужаса, но было очевидно: разлом сужается до нескольких дюймов, и от него разбегаются несколько еще более узких трещин. Салли шарил руками и так и сяк, вытягивала одну руку вперед – а вдруг в скале окажется какая-нибудь дырка, да все без толку.

Салли переполнил несказанный ужас, подавить который было уже невозможно. Женщина, едва дыша, отчаянным усилием попробовала протиснуться в обратном направлении. Однако отсутствовала опора, и в руках не доставало сил, чтобы оттолкнуться. Она застряла. Пути вперед нет. И назад тоже.

21

Как только Том не пытался взломать замок на решетке. Бил по нему камнями, пытался протаранить решетку бревном – все бесполезно. Никаких звуков из шахты больше не доносилось, и ему казалось, он сойдет с ума от этой тишины. С Салли могло происходить что угодно: вопрос жизни и смерти решали считанные минуты. Том даже кричал, зовя похитителя и желая его отвлечь, но тот или не слышал, или попросту не слушал.

Том, задыхаясь, вылез наружу. Луна только всходила над пихтами, росшими на гребне горы. Том отдышался и стал соображать: много лет назад он бродил среди этих приисков, исследуя окрестности, и помнил, что где-то здесь есть еще шахты. Возможно, они сообщаются между собой – в золотые прииски часто ведет не один вход.

Том по крутому склону поднялся на гребень и сверху оглядел залитую лунным светом лощину. Есть! Ярдах в двухстах внизу виднелась еще одна старая-престарая постройка, а чуть ниже тянулась длинная полоса отходов золотодобычи.

Наверняка это вход в две сообщающиеся шахты.

Том сбегал вниз, оскальзываясь и перепрыгивая через валуны, и в минуту был рядом с постройкой. Вытащив пистолет, он толкнул дверь и вошел. Посветил вокруг. Да, вот вход в другую шахту, причем решетка его не загораживает. Том смело ступил внутрь и направил луч фонаря в длинный тоннель, полого спускавшийся вниз. Бродбент чувствовал: медлить нельзя ни в коем случае. Задыхаясь от волнения, он припустил вдоль прямого протяженного тоннеля и у первого разветвления остановился – послушать. Истекла минута, две. Тому казалось, еще немного, и рассудок его покинет.

И вот раздалось слабое эхо крика. Шахты и впрямь были связаны между собой.

Том бросился вниз к тоннелю, со стороны которого слышался звук. Фонарь выхватил из мрака ряд углублений в левой стене. Том посветил в одно из них и увидел темные отверстия – вероятно, вентиляционные стволы, – сверху и снизу. Он прислушался, однако оттуда не доносилось ни звука. Том ждал, томясь неизвестностью, пока не раздался еще один далекий искаженный вопль.

Снова мужской голос, на сей раз – рассерженный.

Том побежал по левому вентиляционному стволу. Порой приходилось нагибаться – до того низкий был потолок. Сверху эхо донесло новые звуки, все еще очень слабые, но уже чуть более отчетливые. Значит, Том подбирался ближе к Салли и ее похитителю.

Тоннель, несколько раз круто повернув, вывел его к центральному гроту, от которого в разных направлениях отходили четыре коридора. Том резко остановился. С трудом переводя дыхание, посветил вокруг. Старые шпалы, развалившаяся вагонетка, несколько мотков ржавых цепей, изъеденные крысами пеньковые канаты. Придется ждать, когда опять раздастся звук, и лишь потом продолжать путь.

Тишина. Тому казалось, он сойдет с ума. *Ну хоть один звук, черт, ну хоть какой-нибудь.*

И вот – слабый крик.

В мгновение ока Том оказался в тоннеле, из которого донесся вопль. Тоннель почти сразу заканчивался тупиком – вертикальным стволом шахты, окруженной ограждением. Шахта была слишком глубокой, и луч фонарика не достигал ее дна. Спуститься вниз не представлялось возможным – кругом ни лестниц, ни веревок. Том поискал глазами и не увидел ничего, что могло бы облегчить спуск.

Он осмотрел неровные края шахты, и в голову ему пришла одна мысль. Том снял свои итальянские ботинки, потом носки и бросил их вниз, считая, за какое время они достигнут дна. Ботинки летели где-то секунду – значит, тут примерно 32 фута.

Засунув пистолет за пояс и взяв фонарь в зубы, Том схватился за ограждение и перелез через край, упираясь босыми ногами в голый камень. Вытянул одну ногу, переместил вес тела чуть в сторону, нашел, за что взяться руками сверху. Медленно, с сильно бьющимся сердцем, он полз вниз по стволу шахты. Когда-то Том немного занимался альпинизмом и теперь жалел, что мало.

Другая нога опускается вниз, потом перемещаются руки. Он оступился, и на один страшный миг показалось – все, падение неминуемо. Острые камни врезались в пальцы ног. Том спускался невероятно медленно, пока с огромным облегчением не почувствовал под собой твердую землю. Посветив вокруг, он поднял носки и ботинки, обулся. Том очутился в очередном тоннеле, уходящем прямо в толщу горы. Он прислушался – все было тихо.

Том побежал по тоннелю, правда, небыстро, и, остановившись через несколько сот ярдов, снова прислушался. Фонарь светил тусклее: садились батарейки, и вначале-то никуда не годные. Том пошел дальше, поминутно замирая и вслушиваясь. Сзади донесся звук, похожий на сдавленный вопль. Том выключил фонарь и затаив дыхание буквально превратился в слух. Мужской голос раздавался все еще как будто издалека, но уже гораздо отчетливее. Удалось разобрать слова:

– Я знаю, ты там, наверху. Спускайся, а то стрелять буду.

Том слушал. Сердце его колотилось.

– Слышишь ты меня?

Том испытал такое огромное облегчение, что едва устоял на ногах. Салли жива и, по всей видимости, свободна. Он напряг слух, пытаясь определить, откуда доносится голос:

– Тебе крышка, сука!

От этих слов Тома внезапно переполнила ярость, и на мгновение у него занялось дыхание. Он прошел футов двадцать, вернулся обратно. Звук, похоже, шел снизу, будто бы пробиваясь сквозь толщу породы. Но разве Салли и похититель могут быть внизу? Слева от себя, футах приблизительно в десяти, Том заметил паутину трещин, которые разбегались по каменному полу, просевшему и покрытому неровностями. Том опустился на колени, вытянул руку над одной из трещин. Снизу поднимался прохладный воздух. Том приложил ухо к трещине.

Неожиданно гроыхнуло – стреляли из крупнокалиберного пистолета. Тут же раздался пронзительный крик, прозвучавший так близко от уха Тома, что он вздрогнул.

22

Уиллер с Эрнандесом мчались на север по 84-му шоссе, огни Эспаколы постепенно таяли вдаль, впереди зияла чернотой бескрайняя пустыня. Близилась полночь. Уиллер был вне себя от гнева. Просто поразительно, как этот недоумок Байлер ухитрился отнять у них столько драгоценных часов.

Уиллер вытащил из нагрудного кармана сигарету, сунул ее в зубы. Курить в служебной машине не полагалось, но ему давно уже стало наплевать.

– Может, Бродбент уже и Камбрес-Пасс успел проехать, – сказал Эрнандес.

Уиллер глубоко затянулся.

– Нет, не может быть. Полиция регистрировала все автомобили, проходившие через этот пункт, и колымаги Байлера среди них не было. На дорожной заставе к югу от Эспаколы он тоже не появлялся.

– Он мог бросить машину в Эспаколе, прямо в чистом поле, и скрыться в мотеле или еще где.

– Мог. Только наверняка этого не сделал.

Уиллер прибавил газ. Стрелка спидометра передвинулась со 110 на 120. От такой скорости машина, летевшая сквозь тьму, заходила ходуном.

– А как, по-вашему, он поступил?

– Думаю, поехал в тот самый монастырь Христа в Пустыне, чтобы встретиться с монахом. Туда-то мы сейчас и нагрянем.

– А почему вы считаете, что он наладился в монастырь?

Уиллер снова затянулся. Обычно детектив был даже благодарен Эрнандесу за его настойчивые вопросы: они помогали лучше обдумывать факты, но на сей раз лейтенант испытывал лишь раздражение.

– Уж не знаю почему, только считаю, – отрезал Уиллер. – Бродбент вместе со своей женушкой замешан в этом деле, да и без монаха тут не обошлось. А еще есть и третья сторона, убийца, он, ясное дело, тоже здесь завязан. Они что-то нашли в каньонах, и из-за находки сцепились не на жизнь, а на смерть. Какова бы находка ни была, она важная, причем очень. Бродбент вон даже послал полицию куда подальше и сгоряча угнал грузовик. Бог ты мой, Эрнандес, уж думай сам, ради чего субъект вроде Бродбента может рисковать на десять лет загреметь в исправительную тюрьму Санта-Фе?! Казалось бы, чего ему не хватает в жизни?

– Да уж...

– Итак, сейчас – в монастырь. Если Бродбента там нет, то я хотя бы потолкую с так называемым монахом, меня так и разбирает желание кое о чем его расспросить.

– Ну вот, кажется, у нас и план есть.

Услышав крик, Том, холодея и не веря своим ушам, узнал голос Салли. Он припал губами к трещине:

– Салли!

– Том?! – воскликнула она.

– Салли! Как ты там? Ты цела?

– Господи, Том! Это ты... – пролепетала Салли. – Я застряла. Он стреляет в меня. – Она всхлипнула.

– Салли, я здесь, все будет хорошо. – Том поднес слабо горевший фонарь к трещине и, потрясенный, увидел лицо жены внизу, менее чем в двух футах от себя.

Снова громыхнул выстрел, и было слышно, как пуля, зазвенев, отскочила от камня.

– Он стреляет по мне, но меня не видит. Том, я в ловушке!..

– Сейчас я тебя вытащу. – Том посветил вокруг. Порода и так уже была вся в разломах и трещинах, ее требовалось лишь разбить и вытащить по кусочкам. Он водил фонарем туда-сюда, разыскивая какой-нибудь инструмент. В одном из углов валялась куча гнилых ящиков и веревок.

– Я мигом.

Опять выстрел. Том бросился в угол, отбросил моток полусгнившей веревки, стал рыться в истлевших пеньковых мешках, наваленных друг на друга. Под грудой мешков, в самом низу, лежал обломок шахтерской кирки. Том схватил его и кинулся назад.

– Том!

– Я здесь. Сейчас я тебе помогу.

Раздался очередной выстрел. Салли вскрикнула.

– Он попал! Он меня ранил!

– Господи, куда?

– В ногу. О Боже, Том, скорее.

– Закрой глаза.

Том вставил стальной обломок в трещину, поднял с пола камень и ударил им по обломку, потом еще раз и еще. И без того непрочная порода моментально поддалась и начала крошиться. Том, поспешно опустившись на колени, принялся разгребать откалывающиеся куски. Порода оказалась податливой, и как только один камень был извлечен, дело пошло гораздо быстрее. Том дробил толщу скалы киркой, вынимал отдельные валуны. Он все время разговаривал с Салли, снова и снова повторяя, что она спасена и вот-вот выберется.

Новый выстрел.

– Том!

– Ты, сучка! Сейчас перезаряжу пушку, и тебе конец.

Том, дернув изо всех сил, вытащил внушительный кусок скалы, откатил его в сторону, затем извлек еще и еще один камень, страшно спеша и раня руки об острые кварцевые края.

– Салли! Где больно?..

– Нога... Но кажется, ничего серьезного нет. Давай, Том!

И опять выстрел. Том стучал по обломку кирки, снова и снова загоняя его в породу, вытаскивал камни, расширял отверстие. Он уже видел лицо Салли и ее вытянутую вперед руку.

Теперь работа двигалась быстрее. Сейчас, сейчас Салли будет свободна.

Крак! Салли дернулась.

– Ради Бога, не останавливайся!

Том с размаху всадил кирку в очередную трещину, налег, приподнял кусок скалы. Заржавленное орудие не выдержало – конец его отломился. Том, выругавшись, перевернул кирку, вставил ее в отверстие другой стороной.

– Дыра уже приличная! – крикнула Салли.

Том нагнулся, взял жену за руку и потянул вверх, сама она, отталкиваясь ногами,

продиралась через раздробленную породу; от ее рубашки отлетали пуговицы. Места оказалось все же недостаточно – у Салли не проходили бедра.

– Эй, ты, пиши пропало!

Том всадил кирку в камень. Хрупкий кварц опять превратился в крошево. Откололся порядочный валун, Салли засыпало мелким гравием. Том обнаружил, что наткнулся на золотую жилу, когда-то упущенную золотодобытчиками, однако это сейчас не имело для него никакого значения. Он вытащил одну глыбу, взялся обеими руками за следующую.

– Давай, еще немного!

Том схватил Салли за руки, она оттолкнулась ногами и внезапно оказалась на свободе, сумев-таки выбраться из пролома. Внизу прозвучал новый выстрел, эхом отдавшийся в верхнем тоннеле.

Салли лежала прямо на камнях, вся перепачканная, промокшая, в порванной одежде. Том сразу же осмотрел ее.

– Куда он тебе попал?

– В ногу.

Рана кровоточила. Том оторвал кусок материи от своей рубашки и промокнул кровь. На голени у Салли оказалось еще несколько неглубоких ссадин, оставленных разлетевшейся каменной крошкой. В принципе повреждения были неопасными.

– Салли, там нет ничего страшного. Все быстро заживет.

– Да, кажется.

– Сука! – раздался истеричный, безумный вопль.

И еще два выстрела, один за другим. Случайная пуля рикошетом влетела в разлом и, не задев ни Тома, ни Салли, со звоном отскочила от свода.

– Нужно завалить эту дыру, – сказала Салли.

А Том уже подкатывал валуны. Они с Салли принялись вталкивать в трещину камни, накрепко вгоняя их с помощью других камней. Через пять минут отверстие было заделано.

Тут Том обнял Салли, крепко прижал к себе, порывисто вздохнул.

– Господи, я думала, никогда больше тебя не увижу, – всхлипывая, говорила она. – Мне не верится, не верится, что ты меня нашел.

Том обнимал Салли и сам не мог поверить случившемуся. Он чувствовал, как бешено колотится ее сердце.

– Пошли.

Том помог ей подняться, и они побежали по тоннелю в обратном направлении. Приходилось время от времени встряхивать фонарь, чтобы он не погас окончательно. Том и Салли взобрались по стволу шахты (подъем занял немало времени) и еще через пять минут, выйдя из полуразвалившейся постройки, оказались на открытом склоне холма.

– Он пойдет через другой выход, – сказала Салли.

Том кивнул.

– Нам придется сделать изрядный крюк.

Они не стали возвращаться по гребню холма, а сбежали вниз, в темноту, под деревья, росшие на дне лощины. Там Салли и Том остановились, стараясь отдышаться.

– Как нога? Идти не очень больно?

– Да вроде ничего. У тебя пистолет с собой?

– Да. Двадцать второго калибра – и с одним-единственным патроном.

Том оглянулся на залитые серебристым светом холмы. Одной рукой он обнимал прикишкую к нему Салли.

– Мой грузовик у ворот.

– Этот гад нас опередит, – сказала Салли.

Они двинулись по лощине. Тому смутно помнилось, что лощина ведет к долине, где находится заброшенное поселение, городок-призрак. Под высокими соснами было темно, мягкий ковер из хвои чуть слышно хрустел под ногами. Шаги путников заглушал легкий ветерок, вздыхавший в кронах деревьев. Том время от времени останавливался – послушать

и посмотреть, не преследует ли их похититель, однако кругом по-прежнему стояла тишина.

Через десять минут узкая лощина стала ровнее и перешла в широкое высохшее русло. Впереди и немного внизу светились огни дома, на который Том набрел, когда только прибежал сюда в поисках жены. Везде было тихо, только принадлежавший похитителю «рейнджровер» укатил.

Том и Салли обошли границы заброшенного поселения, однако нигде не обнаружили следов человеческого присутствия.

– Думаешь, он запаниковал и смылся?

– Сомневаюсь.

Они свернули за дом и быстро зашагали через лес, параллельно дороге, одновременно стараясь держаться от нее на значительном расстоянии. До грузовика оставалось уже менее четверти мили. Том услышал какой-то звук и замер. Сердце его сильно билось. Звук повторился – глухо ухала сова. Том стиснул руку жены, и они продолжили путь. Еще через несколько минут за деревьями возникли размытые очертания проволочного заграждения.

– Так, ты первая, – шепнул Том, подсаживая Салли.

Он приподнял ее, и она ухватилась за проволоку, задрезавшую в тиши. Минута – и Салли оказалась на той стороне. Том полез следом. Они пробежали вдоль ограды, и вскоре увидели поблескивающий в лунном свете грузовик, который по-прежнему стоял там, где Том его оставил, – у ворот. Правда, теперь ворота были распахнуты настежь.

– Черт, куда же он делся? – прошептала Салли.

Том сжал ее плечо и также шепотом сказал:

– Держись в тени, старайся не поднимать голову и как можно тише лезь в грузовик. Потом сяду я, и тогда поедem.

Салли кивнула. Пригнувшись, она прокралась к машине. Том приоткрыл дверцу со стороны водителя, забрался на сиденье. Не прошло и минуты, как они устроились в кабине. Пригнув голову, чтобы ее не было видно в окно, Том отыскал ключ и включил зажигание. Выжав сцепление, повернулся к Салли:

– Держись крепче.

Заведенный грузовик ожил, взревел. На полном ходу, выкручивая руль, Том поехал назад. В эту минуту из-за поворота на краю леса ярким светом вспыхнули фары. Неожиданно послышался грохот, пули, выпущенные из крупнокалиберного пистолета, ударились о железо, и кабину грузовика засыпало разбитым стеклом и пластмассой.

– Ложись!

Том, кое-как упав на сиденье, рывком включил первую скорость. Автомобиль, виляя из стороны в сторону, помчался по направлению к дороге, выехал на нее, разбрасывая гравий. Том переключился на вторую скорость, но, услышав, как в грузовик ударили новые пули, вернулся к первой. Колеса бешено вертелись, кузов ходил ходуном. Секунду спустя Том поднял голову, однако ничего не увидел: ветровое стекло покрылось паутиной трещин. Том ударил в него кулаком, пробил дырку, через которую можно было хоть что-то разглядеть, и снова прибавил газу. Грузовик все так же прыгал из стороны в сторону, несясь по грунтовой дороге.

– Лежи, не вставай!

Том миновал первый поворот. Стрельба ненадолго прекратилась, зато теперь сзади доносился рев мотора: преследователь явно не отставал. Несколько секунд, и он тоже повернул – мимо Тома и Салли ярко промелькнули огни его машины.

Бах! Бах! – прогремели новые выстрелы. Пули угодили в крышу кабины, и Салли с Томом засыпало осколками разбитого фонаря верхнего света. Грузовик мчался на предельной скорости. Том рванул руль вправо, а потом к себе – пусть преследователю будет труднее стрелять по ним. Кузов тут же вильнул из стороны в сторону, задрожал, и сразу стало ясно: на одном из задних колес шина точно прострелена.

– Бензин! – крикнула снизу Салли. – Я слышу запах бензина!

Том тоже его слышал. Выходит, прострелен бензобак.

И снова грохот, а потом – глухое прерывистое шипение. Сзади вспыхнуло пламя, и на Тома моментально дохнуло жаром.

– Горим! – взвизгнула Салли и ухватила за ручку дверцы. – Прыгай!

– Нет, еще рано!

Том миновал еще один крутой поворот. Стрельба на мгновение прекратилась. Том посмотрел вверх – дальше дорога шла по краю обрыва. Они на полном ходу неслись прямо туда.

– Салли, я хочу пустить грузовик под откос. Когда крикну «прыгай!», ты выскочишь. Откатись в сторону, потом вставай и беги вниз, к Высоким Плоскогорьям. Сможешь так сделать?

– Смогу!

Грузовик мчался на предельной скорости, обрыв приближался. Том, схватившись за ручку, приоткрыл дверцу, одновременно продолжая давить на акселератор.

– Приготовься!

Грузовик подбросило на ухабе.

– Давай!

Том выпрыгнул наружу, покатился, ударившись о землю, вскочил на ноги и сразу бросился бежать. Поодаль он увидел темную фигуру – это с трудом поднималась Салли. Объятый пламенем грузовик скрылся за краем обрыва. Мотор издавал пронзительный звук, похожий на свист воздуха, рассекаемого хищной птицей, которая с высоты падает на жертву. Потом послышался приглушенный рев, и внезапно деревья, росшие под откосом, озарились оранжевой вспышкой.

Том оглянулся через плечо и увидел, как «рейнджровер», резко затормозив и взметнув тучу мелких камешков, успел остановиться на самом краю обрыва. Дверца автомобиля распахнулась, и Том краем глаза заметил по пояс обнаженного человека, выскочившего наружу с пистолетом в одной руке и с фонарем в другой. Через плечо у него висела винтовка. Том бросился к крутому склону над самым обрывом, но человек, уже заметивший Салли, погнался за ней, размахивая пистолетом.

– Эй, ты, сволочь! – крикнул Том, метнувшись к преследователю в надежде отвлечь его, однако тот все бежал за Салли, стремительно нагоняя ее. Она заметно припадала на раненую ногу. Пятьдесят футов, сорок... Вот-вот он окажется на достаточном расстоянии, чтобы упасть на одно колено и пустить пулю в свою жертву.

Том выхватил пистолет. Нет, слишком далеко, отсюда стрелять бесполезно.

– Ах ты, подонок!

Человек, не обращая внимания на Тома, аккуратно встал на колено и снял с плеча винтовку. Том остановился, тоже опустился на колени, оперся о землю рукой, прицелился. Ему никак не попасть в преследователя, но возможно, удастся его хотя бы отвлечь. Тут уж стоит истратить последний патрон – ведь это единственный шанс спасти Салли.

Преследователь установил винтовку параллельно щеке, стал целиться, – и тогда Том выстрелил. Преступник инстинктивно бросился на землю.

Том кинулся к нему, размахивая револьвером как сумасшедший.

– Убью!

Человек поднялся, снова прицелился, на этот раз – в Тома.

– Вот я тебя! – орал Том, несясь ему навстречу.

Криво усмехнувшись, тот нажал на спусковой крючок, но Том в ту же секунду бросился на землю, откатился в сторону, вскочил на ноги и снова пустился бежать.

Мужчина оглянулся на Салли, однако она уже скрылась. Преследователь закинул за плечо винтовку, взял пистолет и погнался за Томом.

Тот, сбегаая вниз, оказался на крутом спуске в лощину. Бродбент бежал из последних сил, перепрыгивал через валуны и поваленные деревья и радовался, что догоняют его, а не Салли. Луч света от фонаря преследователя метался у Тома над головой, мелькал между ветвями деревьев. Дважды выстрелил пистолет – крак! крак! – и пуля ударила о дерево

справа. Том рванулся вперед, упал, прокатился по земле, снова вскочил и резко взял в сторону. Преследователь находился в какой-то сотне футов от него.

Луч фонаря настигал Тома, прыгая вверх-вниз, ведь несший его человек тоже бежал. Еще две пули угодили в деревья справа и слева. Том подпрыгивал, петлял между стволами, делал зигзаги, ловчил по-всякому. Склон становился все круче, заросли – все гуще. Преследователь не отставал, наоборот, даже приближался. Том сомневался, что сможет оторваться. Надо и дальше отвлекать его, постоянно уводя от Салли, а уж потом как-то с ним разбираться. Но как?

Том намеренно замедлил бег, срезал влево – так Салли окажется еще дальше. Опять несколько пуль просвистело мимо, от дерева справа отскочил кусок коры.

Том бежал, не останавливаясь.

24

Доходяга Мэддокс видел, что постепенно догоняет Бродбента. Трижды Мэддокс делал остановки и стрелял, но каждый раз оказывался еще слишком далеко и лишь позволял Бродбенту вырваться вперед. Приходилось осторожничать: Бродбент имел при себе какой-то малокалиберный пистолет, хотя с «глоком» его, конечно, не сравнить. Сначала надо разделаться с этим типом, а потом уж вернуться и найти бабу.

Холм становился круче, деревья густели. Бродбент теперь бежал по склону глубокой лощины, по дну которой проходило высохшее русло. Ветеринар шпарил во все лопатки, однако Мэддокс настигал его. Сказывалась служба в армии, регулярные упражнения, бег и йога. Никуда Бродбенту не уйти.

Внезапно Бродбент вильнул влево – конечно, оторваться рассчитывает. Мэддокс срезал по диагонали, выиграв еще большее расстояние. Каких-нибудь пять минут, и валяться Бродбенту на земле с раскроенным черепом. Он все ловчил, стараясь скрыться за деревьями. Мэддокс, не целясь, пальнул на бегу. Склон сделался круче, лощина превратилась в настоящее ущелье. Мэддоксу оставалось преодолеть всего лишь семьдесят – восемьдесят футов. Игра была почти кончена: Бродбенту деваться некуда, он зажат между двумя высокими косогорами. Это то же самое, что попасть в тиски. Вот Бродбент упал, поднялся, и Мэддокс еще сократил расстояние между ними. Пятьдесят футов – и ку-ку.

Бродбент скрылся за развесистыми деревьями. Через минуту Мэддокс их обежал. Вдали замаячили голые камни – там, впереди, тянется пропасть – и слева, и справа глубина ее добрых сто ярдов. Пропадь имеет форму буквы "V", это как раз потому, что через нее проходит высохшее русло. Бродбент попался.

Но нет... Он куда-то исчез.

Мэддокс посветил по сторонам. Нет как нет. Этот чокнутый сукин сын спрыгнул в пропасть. Или вздумал туда спускаться. Мэддокс остановился на краю пропасти, направил луч фонаря вглубь. Он видел практически все извилистое дно, однако Бродбента нигде не было, ни внизу, ни на склонах. Мэддокса охватила ярость. В чем же дело? Неужели Бродбент свернул и побежал наверх? Мэддокс посветил назад, осмотрел косогор, однако никого не обнаружил. Среди деревьев тоже явно никто не бродил. Он вернулся к пропасти, хорошенько осветил ее фонарем, водя им вверх и вниз, искал на дне тело Бродбента.

Мэддокс поднял фонарь повыше. Футах в пятнадцати от края пропасти росла высокая ель. Послышалось, как хрустнул сучок, и стало заметно легкое движение веток с другой стороны дерева.

Этот мерзавец забрался на ель.

Мэддокс немедленно схватил в руки винтовку и прицелился туда, где шевелились ветки. Он сделал один выстрел, другой, третий, паля в движущиеся ветки и хрустящие сучки. Шевеление не прекращалось. Бродбент слезал по другой стороне ствола, прикрываясь ветками. Мэддокс оценил расстояние от пропасти до ели. Да, пятнадцать футов. Чтобы их преодолеть, Бродбенту понадобится хорошенько разогнаться, а для этого – взобраться на

какой-нибудь пригорок. И все равно дело страшно опасное. Только тот, кому приходится выбирать между жизнью и смертью, может рискнуть.

Мэддокс пробежал вдоль края пропасти, подыскивая, откуда удобнее будет выстрелить, когда Бродбент отойдет от дерева. Джимсон опустил на колено, прицелился, затаил дыхание и стал ждать.

Бродбент прыгнул с нижней ветки, и Мэддокс немедленно выстрелил. На долю секунду ему показалось, что он попал, однако этот сволочный ветеринар предвидел выстрел и, оказавшись на земле, сразу сделал перекат, потом вскочил и бросился бежать.

Черт!

Мэддокс рывком закинул винтовку за плечо и огляделся, отыскивая женщину, но она словно испарилась. Джимсон стоял на краю пропасти вне себя от гнева. Им удалось уйти.

Впрочем, еще не совсем удалось. Они спускаются вниз, к Чаме, а идя этим путем хочешь не хочешь придется переходить Высокие Плоскогорья – это миль тридцать далеко не самой легкой дороги. Мэддокс умел идти по следу, поскольку побывал на войне в пустыне, да и Высокие Плоскогорья ему были знакомы. Он найдет беглецов.

Если позволить им уйти, то придется вернуться в тюрьму и мотать срок по полной. Надо либо убить их, либо сдохнуть, пытаясь это сделать.

25

На автостоянке перед монастырем Уиллер, не выходя из машины, спустил одну ногу на землю и включил сирену, чтобы оповестить монахов о прибытии полиции. Детектив не знал, во сколько иноки ложатся, но не сомневался: в час ночи у них явно нет никаких важных дел. Монастырь был темен, как кладбище, даже снаружи не горел ни один фонарь. Над каньонами взошла луна, залившая все вокруг призрачным светом.

Снова взвыла сирена. Да пусть хоть кто-нибудь выйдет! После полуторачасовой езды по дороге, хуже которой, наверное, нет во всем штате, Уиллер находился не в том настроении, чтобы проявлять вежливость.

– О, свет зажегся.

Уиллер посмотрел туда, куда указывал Эрнандес. В одном из окон тускло горел огонек – желтый прямоугольничек, вдруг замаячивший в море тьмы.

– Вы правда думаете, что Бродбент здесь? На стоянке-то пусто.

На Уиллера нахлынула новая волна раздражения из-за неуверенности, прозвучавшей в голосе Эрнандеса. Детектив вытащил из кармана сигарету, взял ее в зубы, закурил.

– Мы знаем, что Бродбент ехал по 84-му шоссе в угнанном «додже». Он не появлялся ни на одном из блокпостов, и на Ранчо Привидений его нет. Так где же ему еще быть?

– От шоссе в обе стороны отходит масса дорог, они ведут через лес.

– М-да. Но до Высоких Плоскогорий только одна дорога, вот эта. Может, Бродбента здесь и нет, а мне все-таки хочется потолковать с его приятелем-монахом.

Уиллер затаился, выпустил дым.

По тропе, покачиваясь, двигался луч света. Через минуту к машине приблизилась фигура в капюшоне. Лицо подошедшего оставалось в тени. Уиллер продолжал стоять у распахнутой дверцы автомобиля, одной ногой на подножке.

Монах поравнялся с ним, протянул руку:

– Брат Генри, настоятель монастыря Христа в Пустыне.

Этот невысокий человек проворно двигался, глаза его блестели, эспаньолка была аккуратно подстрижена. Уиллер пожал монаху руку, несколько сконфузившись от такого дружелюбного, искреннего приветствия.

– Лейтенант Уиллер, полиция Санта-Фе, отдел по расследованию убийств, – сказал он, откалывая свой значок, – а это сержант Эрнандес.

– Ясно, ясно. – Монах рассмотрел значок при свете фонаря, потом вернул его детективу. – Не могли бы вы потушить фары, лейтенант? Братия спит.

– Да. Разумеется.

Эрнандес нырнул в машину, потушил. Ему было неловко и боязно разговаривать с монахом. Может быть, не следовало им так сигналить.

– Мы разыскиваем человека по имени Томас Бродбент, – сказал Уиллер. – Похоже, он поддерживает приятельские отношения с одним из ваших монахов, Уайманом Фордом. У нас есть основания полагать, что Бродбент находится в монастыре или где-то на пути к нему.

– Я не знаком с мистером Бродбентом, – ответил настоятель. – А брата Уаймана в монастыре нет.

– Где он?

– Он покинул монастырь три дня назад, уединившись в пустыне для молитв.

«Ага, для молитв, черта с два», – подумал Уиллер.

– А когда он вернется?

– Должен был вернуться вчера.

– Это правда?

Уиллер пристально посмотрел на монаха. Трудно было представить себе более открытое и искреннее лицо. По крайней мере лгать настоятель не станет.

– Значит, Бродбента вы не знаете? – спросил Уиллер. – Я осведомлен, что он пару раз здесь побывал. Светлые волосы, высокий, ездит на пикапе «шевроле» пятьдесят седьмого года.

– Ах да, человек на диковинном грузовике. Теперь я понимаю, о ком вы. Насколько мне известно, он был у нас дважды. Последний раз – почти неделю назад.

– Согласно моим данным, Бродбент приезжал сюда четыре дня назад. За сутки до того, как ваш монах, Форд, отправился в пустыню для своих «молитв».

– Похоже, вы правы, – мягко согласился настоятель.

Уиллер достал блокнот, набросал заголовок, что-то черкнул под ним.

– Разрешите спросить, лейтенант, что случилось? – поинтересовался настоятель. – Нечасто к нам среди ночи наведывается полиция.

Уиллер захлопнул блокнот.

– У меня ордер на арест Бродбента.

Несколько секунд настоятель смотрел на Уиллера, и его взгляд неожиданно привел детектива в замешательство.

– Ордер на арест?

– Да, я же говорю.

– Позвольте узнать, на каком основании?

– При всем к вам уважении, святой отец, я не могу сейчас об этом распространяться.

Наступило молчание.

– Мы можем где-нибудь побеседовать? – спросил Уиллер.

– Да, конечно. В принципе в стенах монастыря мы соблюдаем обет молчания, но нам можно поговорить в палате прений. Прошу, следуйте за мной.

– Ведите, – сказал Уиллер и посмотрел на Эрнандеса.

Они пошли за монахом вверх по извилистой дорожке и приблизились к небольшому глинобитному строению с жестяной крышей. Оно располагалось позади церкви. Настоятель остановился у двери, вопросительно глядя на Уиллера. Тот, в свою очередь, воззрился на монаха.

– Простите, лейтенант – ваша сигарета...

– А, да, конечно.

Уиллер бросил ее и затоптал каблуком, чувствуя, как монах неодобрительно смотрит на него, и досадуя на то, что ему уже начинают навязывать какие-то условности. Настоятель повернулся, и полицейские вслед за ним вошли внутрь. Маленькое строение разделялось на две скромные беленые комнаты. В комнате побольше у стен стояли скамьи, а в дальнем конце ее висело распятие. В другой комнате не было ничего, кроме грубого деревянного стола, лампы, ноутбука и принтера.

Монах включил свет, и они опустились на жесткие скамьи. Уиллер поерзал, пытаясь устроиться поудобнее, достал блокнот и ручку. С каждой минутой он все больше раздражался, думая о невесте куда запропастившихся Форде и Бродбенте и о том времени, которое было утроблено на поездку сюда. Черт подери, почему монахам нельзя иметь какой-то несчастный телефон?

– Должен вам сказать, аббат, у меня есть причины считать, что Уайман Форд замешан в этом деле.

Настоятель успел снять капюшон, и теперь было видно, как его брови удивленно изогнулись.

– В каком деле?

– Мы еще не знаем всех деталей, но оно напрямую связано с убийством, совершенным на прошлой неделе в Лабиринте. В районе Высоких Плоскогорий творятся какие-то темные делишки явно преступного характера.

– Я никак не могу верить в то, что брат Уайман замешан в преступных делах, не говоря уже об убийстве. В нравственном плане он безупречен.

– В последнее время Форд часто уходил в горы?

– Не чаще, чем обычно.

– Но ведь он подолгу там бывает?

– Он всегда подолгу бывал там, с тех самых пор, как пришел сюда три года назад.

– Вам известно, что он бывший агент ЦРУ?

– Лейтенант, мне известно многое, хотя в данном случае это все, что я знаю. Мы не выпрашиваем у братьев об их былой жизни больше того, о чем потребно говорить в исповедальне.

– Вы заметили какую бы то ни было перемену в поведении Форда, какие-то изменения в его привычках?

Настоятель помедлил.

– В последнее время он довольно много работал за компьютером. Там что-то связанное с цифрами... Но как я уже сказал, я уверен, он ни в коем случае не может быть замешан...

Уиллер перебил его:

– Форд за тем компьютером работал? – Он кивнул в сторону другой комнаты.

– У нас нет других компьютеров.

Детектив еще что-то черкнул в блокноте.

– Брат Форд – божий человек, и я могу вас заверить...

Уиллер прервал его нетерпеливым жестом.

– Вы не представляете себе, куда именно Форд отправился «для молитв»?

– Нет.

– А то, что он не вернулся в срок, вас не тревожит?

– Я жду его возвращения в любой момент. Он обещал быть здесь еще вчера. Обычно он держит слово.

Уиллер мысленно выругался.

– Еще что-нибудь?

– Пока нет.

– В таком случае я хотел бы удалиться. Мы поднимаемся в четыре утра.

– Ладно, идите.

Монах ушел.

Уиллер кивнул Эрнандесу:

– Пойдем подышим.

Только они оказались на улице, как детектив сразу же закурил.

– Что скажете? – спросил Эрнандес.

– Тут дело нечисто. Я намерен допросить так называемого монаха Форда, чего бы мне это ни стоило. «Уединился для молитв» – с трудом верится!

Уиллер посмотрел на часы. Почти два. Детектив все сильнее ощущал, что они бьются

напрасно и попросту теряют время.

– Спустись к машине и вызови вертолет из Санта-Фе, а заодно запроси ордер на конфискацию ноутбука, который мы только что видели.

– Вызвать вертолет?

– Да. Чтобы он был здесь на рассвете. Мы разыщем этих сволочей. Тут федеральная территория, поэтому пусть наше полицейское управление обязательно поддерживает связь с Бюро по управлению землями и вообще со всеми, кому вздумается ныть и плакаться, что все, мол, решается без них.

– Будет сделано, лейтенант.

Уиллер смотрел, как покачивается фонарь в руке у Эрнандеса, спускающегося к стоянке. Через минуту полицейская машина словно ожила, послышались треск и шипение приемника. Разговор, в котором не удавалось разобрать ни слова, длился долго. Уиллер успел выкурить одну сигарету и уже принялся за другую, когда Эрнандес наконец вернулся.

Он остановился, его пухлые бока ходили ходуном после подъема в гору.

– Ну?

– Они только что закрыли воздушное пространство от Эспаколы до границы с Колорадо.

– Кто это – «они»?

– Федеральное авиационное агентство. Почему – никому не известно, приказ поступил с самых верхов. Запрещено летать и гражданской авиации, и частным самолетам – всем.

– Надолго?

– На неопределенный срок.

– С ума сойти. А что насчет ордера?

– Все без толку. Разбудили судью, судья злой как черт – он, видите ли, католик, и ему нужны более веские основания для конфискации компьютера, принадлежащего монастырю.

– Я тоже католик, ну что с того, черт возьми?

Уиллер сердито докурил сигарету, бросил окурочек наземь, придавил его ногой и принялся растирать вперед-назад, вперед-назад, пока не осталась лишь одна щепотка от фильтра. Потом детектив кивнул в сторону каньонов и скал, темной массой громоздившихся позади монастыря.

– Большие дела творятся там, в Высоких Плоскогорьях. А мы ни черта не знаем. Мы даже вот на столечко не представляем себе, что же именно происходит.

Часть четвертая

Место дьявольских игрищ

Она была очень смышленной. Подобное соотношение размеров мозга и тела встречаюсь у очень немногих рептилий, как вымерших, так и ныне живущих, а если говорить в абсолютных терминах, то столь внушительным мозгом еще никогда не обладало ни одно наземное позвоночное животное. Он мог бы сравниться с мозгом человека. Однако та его часть, которая отвечает за разумные действия, у нее фактически отсутствовала. Этот мозг представлял собой нечто вроде устройства ввода-вывода, обрабатывающего сложные модели инстинктивного поведения. Природа заложила в нее идеальную программу. Действия просто совершались, безо всяких размышлений.

Она обходилась без долговременной памяти. Память – удел слабых. Ей не требовалось узнавать никаких хищников, чтобы их остерегаться, не приходилось избегать никаких опасностей, – ничего не надо было запоминать. Об удовлетворении ее потребностей, не отличавшихся замысловатостью, заботился инстинкт. А нуждалась она в мясе. В большом количестве мяса.

Быть существом, лишенным памяти, – значит обладать свободой. Песчаные холмы, где она появилась на свет, ее мать и братья с сестрами – ничего не сохранилось в памяти,

равно как и ослепительные закаты, и проливные дожди, от которых реки делались багряными, а низины стремительно затоплялись наводками, и засушливая жара, такая, что растрескивалась земля. Она просто проживала жизнь, представлявшую собой сплошной поток ощущений и реакций на них. Прошлое терялось, подобно реке, вливающейся в океан.

Она видела, как погибли пятнадцать ее братьев и сестер, которых растерзал более крупный хищник, и ничего не испытывала. Она вообще не понимала, в чем дело. Она не заметила, что их не стало, но стоило им умереть, как они тут же превратились в мясо, в пищу. Вот и все. Покинув мать, она никогда больше не возвращалась к ней. Мать сделала конкуренткой, а спустя какое-то время – мясом, подобно братьям и сестрам.

Хищница охотилась, убивала, утоляла голод, спала, кочевала с места на место. Ей было невдомек, что у нее есть определенная «территория», она лишь направляла свой путь туда, где видела вытоптанную растительность и вырванные с корнем папоротники – свидетельство пребывания огромных стад утконосых динозавров. Она не запоминала эти места и не узнавала их впоследствии. Просто привычки утконосых были ее привычками.

Таких человеческих чувств, как любовь, ненависть, страдание, сочувствие, счастье или сожаление, мозг хищницы не ведал. Она знала лишь боль и удовольствие. В соответствии с заложенной в нее программой ей доставляло удовольствие совершение тех действий, которых требовал инстинкт, отказ же от этих действий был просто невыносим.

Ее не занимал смысл собственного существования. Она не осознавала, что существует, она просто была, только и всего.

Марстон Уэзерс

1

Перекрещивающиеся взлетно-посадочные полосы ракетного испытательного полигона Уайт-Сэндс в штате Нью-Мексико дремали в предрассветных сумерках – две полосы черного асфальта на белой, как снег, соленой равнине. На краю одной из них помещалось главное здание, освещенное желтыми натриевыми лампами, чуть поодаль в ряд выстроились ангары. Воздух был удивительно прозрачен и неподвижен.

На востоке, на фоне светлеющего неба, возникла точка. Она медленно превратилась в силуэт боевого истребителя F-14 «Томкэт» с двумя хвостовыми винтами и стреловидными крыльями. Самолет стал снижаться, и гул его двигателей постепенно перешел в оглушительный рев. Истребитель приземлился, два облачка дыма взметнулись вверх от шасси, и засохшие юбки вдоль края посадочной полосы зашелестели, когда он промчался мимо. Самолет заглушил двигатели, притормозил в конце посадочной полосы, развернулся и застыл перед главным зданием. Два человека из наземной команды засуетились вокруг истребителя, принялись подпирать его колеса и разматывать топливные шланги.

Дверца кабины открылась, от переднего сиденья, того, что рядом с креслом пилота, отделилась худощавая мужская фигура и легко соскочила на землю. Мужчина был одет в синий спортивный костюм, а в руке нес потрепанный кожаный портфель. Размашисто прошагав по бетонированной площадке, он четко и уверенно отдал честь двум солдатам, дежурившим у входа. Они ответили на приветствие, пораженные неожиданной формальностью.

Мужчина был воплощением холодности, аккуратности и симметричности, словно его отлили из гладкой стали. Прямые черные волосы короткой челкой спадали ему на лоб. Выдающиеся скулы двумя острыми бугорками выступали на гладкой коже лица. Маленькие руки выглядели такими аккуратными, что, казалось, мужчина недавно воспользовался услугами маникюрши. Тонкие сероватые губы будто вылепили из глины. Он мог сойти за азиата, если бы не пронизывающие синие глаза, резко выделявшиеся на лице из-за контраста с черными волосами и бледной кожей.

Джей Джи Масаго миновал проходную и вошел в бетонное главное здание. В центре зала он помедлил, недовольный тем, что его никто не встречает. Трату времени Масаго

считал непозволительной роскошью.

До сих пор операция шла блестяще. Он вышел из затруднительного положения в музее и изъяснил необходимые данные. Их экстренное предварительное изучение в Агентстве национальной безопасности дало результаты, превзошедшие все ожидания. Свершилось важнейшее событие, которого подразделение ЛО480 – возглавляемое Масаго секретное ведомство – ждало с момента возвращения миссии «Аполлона-17» более тридцати лет назад. Партия перешла в эндшпиль.

Масаго сожалел о том, что ему пришлось сделать с тем британцем в музее. Необходимость лишать кого-то жизни – всегда трагедия. Солдаты гибнут на войне, а гражданское население – в мирное время. Жертвы в любом случае неизбежны. Ассистентку Крукшенк возьмет на себя кто-то другой. Теперь, когда информация и образцы находятся в полной безопасности, о женщине можно временно забыть. И все же понадобится еще одно досадное, но необходимое вмешательство.

Масаго был сыном японки и американца, его зачали в руинах Хиросимы в первые недели после падения бомбы. Несколько лет спустя мать Масаго умерла в страшных муках – во время Черного Дождя она заболела раком. Отец, разумеется, исчез еще до рождения мальчика. Когда Масаго исполнилось пятнадцать лет, он отправился в Америку. В том же году командный модуль «Аполлона-17» совершил посадку в долине Таурус-Литтроу на краю лунного Моря Спокойствия. Масаго и не догадывался, что в ходе этой миссии будет совершено важнейшее открытие, которое по своей значимости превзойдет все сделанные ранее. Возможно, оно даже явится величайшим научным открытием всех времен, а тайну, с ним связанную, в конце концов доверят ему, Масаго.

Он поступил в колледж еще до окончания средней школы и проявил столь необыкновенные способности к математике и инженерным наукам, что вскоре его приняли на полную стипендию в Калифорнийский технологический институт. Оттуда благодаря свободному владению японским Масаго попал в ЦРУ и вступил на извилистый и весьма разветвленный карьерный путь. Он служил на разных уровнях Разведывательного управления министерства обороны и преуспел в силу величайшей осторожности в поведении, благодаря интеллекту, блеск которого не демонстрировал в открытую, и профессиональным достижениям, скрываемым под маской скромности. В итоге ему поручили руководство небольшим секретным подразделением, известным как ЛО480, и доверили тайну.

Величайшую из всех тайн.

Это была судьба. Масаго понимал одну простую истину, по-настоящему осознать которую ни у кого из его коллег не хватало смелости. Он знал, что дни человечества сочтены. Раз люди обрели возможность уничтожить самих себя, значит, они себя непременно уничтожат. Что и требовалось доказать. Масаго это представлялось столь же простым и очевидным, как дважды два – четыре. Неужели хоть один раз за всю историю человечества люди отказались воспользоваться оружием, имевшимся у них в распоряжении? Говоря о гибели населения Земли, следует употреблять не слово «если», а слово «когда». Масаго контролировал то, что это самое «когда» подразумевало. В его власти было отсрочить конец. Если он будет хорошо выполнять свой долг, то, возможно, ему лично удастся продлить существование человечества еще на пять лет, вероятно – на десять, а то и на целое поколение. Это благороднейшее призвание требовало, впрочем, нравственной самодисциплины. Чья-то преждевременная смерть – недорогая цена. Если гибель одного человека способна отсрочить катастрофу хоть на пять минут... Но каким цветам суждено распуститься в спасенном мире?

В течение десяти лет Масаго руководил ЛО480, постоянно оставаясь в тени. Его подразделение занимало выжидательную позицию, находясь в подвешенном состоянии, на перепутье. Масаго всегда знал, что последняя капля однажды упадет.

И вот теперь она упала. Самым непостижимым образом, в самом невероятном месте. Однако Масаго не был застигнут врасплох. Десять лет он ждал этого момента, и потому

сейчас действовал быстро и весьма решительно.

Темно-синие глаза Масаго снова бегло осмотрели помещение: торговые автоматы у стены, серое ковровое покрытие из полиэстра, пластиковые стулья, привинченные к полу, конторки и кабинеты на другом конце – унылые, строгие, официальные и типично армейские. Он ждал уже целых две минуты, и это ему начинало порядком надоедать. Наконец дверь одного кабинета отворилась, и оттуда вышел человек с седой шевелюрой, в измятой камуфляжной форме для пустыни, с двумя звездами на погонах.

Масаго подождал, пока человек подойдет к нему, и лишь тогда протянул руку.

– Генерал Миллер?

Генерал ответил твердым военным рукопожатием.

– А вы, должно быть, мистер Масаго. – Он широко улыбнулся и кивнул в направлении взлетно-посадочной полосы, где заправляли истребитель. – Раньше служили в ВМС? Такие гости у нас нечасто бывают.

Масаго не улыбнулся и не ответил на вопрос, а поинтересовался:

– Все подготовлено надлежащим образом, генерал?

– Разумеется.

Генерал развернулся, и Масаго проследовал за ним в один из дальних кабинетов, отличавшийся строгой обстановкой. На металлическом столе лежали какие-то папки, значок и небольшое устройство, вероятно, секретная версия военного спутникового телефона. Генерал взял значок и телефон и молча протянул их Масаго. Потом снял со стола самую верхнюю папку с красными штампами.

– Вот.

Несколько минут Масаго просматривал содержимое папки. Все полностью соответствовало его заказу: беспилотное воздушное средство, оснащенное радаром с синтезированной апертурой, полиспектральным и гиперспектральным формированием изображения. Масаго с удовольствием отметил, что машина представляет собой модификацию спутника с инфракрасной оптикой КН-11, использующегося радиоэлектронной разведкой.

– Что насчет людей?

– Команда состоит из десяти человек, ранее переведенных национальным командованием из групп захвата и диверсионных отрядов в оперативный отдел ЦРУ. Они полностью готовы к участию в операции.

– Их уже ввели в курс дела?

– Этих людей не вводят в курс дела заранее, поскольку операция проводится в обстановке строжайшей секретности. Хотя их, конечно, сориентировали в самых общих чертах.

– Это было сделано намеренно. – Масаго помолчал. – В данной миссии имеется, так сказать, необычный психологический компонент, который привлек мое внимание буквально сейчас.

– Какой же, интересно?

– Возможно, эти люди получают приказ уничтожить нескольких американцев, гражданских лиц, причем находящихся на территории США вполне законно.

– Черт возьми, что вы имеете в виду?! – резко спросил генерал.

– Я имею в виду лиц, являющихся биотеррористами. Дело в том, что к ним в руки попало нечто очень опасное.

– Ясно. – Генерал посмотрел на Масаго долгим немигающим взглядом. – Люди, которые войдут в команду, психологически подготовлены практически ко всему. Но не могли бы вы объяснить...

– Нет, это невозможно. Достаточно сказать, что данное дело серьезнейшим образом касается национальной безопасности.

Генерал Миллер проглотил слюну.

– Когда люди получают приказ действовать, говорить об их предполагаемых задачах

следует без обиняков.

– Генерал, тут я намерен поступить так, как считаю нужным. Я прошу вас подтвердить тот факт, что ваши люди могут справиться с не совсем обычным заданием. А сейчас, слушая вас, я склоняюсь к следующей мысли: не понадобится ли мне команда более высокого класса?

– Одно могу вам сказать: людей лучше этих десятерых вы не найдете. Они первоклассные солдаты, других таких нет нигде.

– Буду полагаться на ваше утверждение. А что насчет вертолета?

Генерал мотнул седой головой в сторону взлетно-посадочной площадки.

– Птичка уже готова лететь.

– Это многоцелевой вертолет для спецопераций МН 60G «Пейв-хок»?

– Как вы и заказывали. – Голос генерала сделался ледяным.

– А кто командует группой? Расскажите мне об этом человеке.

– Сержант первого класса Антон Хитт, его биография – в папке.

Масаго вопросительно взглянул на Миллера.

– Сержант?

– Вы просили лучших солдат, а не тех, у кого высокое звание, – сухо ответил генерал и, помолчав, спросил: – Операция ведь будет проводиться не на территории Нью-Мексико? Неплохо было бы нас предупредить на тот случай, если вдруг в процессе выполнения операции вы окажетесь в нашем штате.

– Без этой информации, безусловно, не обойтись, генерал. – В первый раз губы Масаго растянулись в некое подобие улыбки. Растянулись и побелели.

– Экипажу вертолета требуется инструктаж...

– Пилоты и остальные члены экипажа получают письменные инструкции, когда вертолет поднимется в воздух, тогда же им сообщат координаты места проведения операции. Сама оперативная группа получит все распоряжения уже в пути.

Генерал ничего не ответил, только на щеке у него слегка дрогнул мускул.

– Приготовьте еще грузовой вертолет, который сможет в случае надобности немедленно вылететь на место операции и забрать груз весом до пятнадцати тонн.

– Могу я поинтересоваться, на какое расстояние отсюда вы летите? – спросил генерал. – У нас может быть недостаточно топлива.

– Заполним бак на семьдесят два процента. – Масаго захлопнул папку и убрал ее в свой портфель. – Проводите меня до взлетно-посадочной площадки.

Они проследовали через приемную, вышли в боковую дверь и пересекли широкую асфальтированную площадку, на которой стоял гладкий черный вертолет «Пейв-хок». Винт его уже бешено вращался. Небо на востоке стало еще светлее, голубоватый оттенок сменился бледно-желтым. Почти у самого горизонта виднелась Венера – точка света, тонушая в сиянии приближающегося восхода.

Масаго шагал, не закрываясь от струи воздуха, трепавшего его черные волосы. Он вскочил в кабину, и люк закрылся. Винт завертелся еще быстрее, взметнулись тучи пыли, и через несколько секунд массивный вертолет поднялся в воздух, медленно повернул на север и, постепенно набирая скорость, унесся в предрассветное небо.

Генерал посмотрел, как вертолет скрылся из виду, и пошел к главному зданию, качая головой и сердито ворча себе под нос:

– Паршивый штатский, чтоб его.

2

Том Бродбент остановился, перевел дыхание. Салли, шедшая чуть позади, оперлась рукой о его плечо. Пустыня вокруг безмолвствовала, все еще спало. Сотни сероватых холмиков напоминали горки золы. Впереди виднелась песчаная низина, ее покрывал слой растрескавшейся грязи, местами белевшей вкраплениями кристаллов соли. Небо на востоке

посветлело, солнце вот-вот должно было взойти. Том и Салли шли всю ночь, и путь их освещала лишь луна, уже почти полная.

Салли ударила песок ногой – вверх взметнулось беловатое облачко, потом медленно осело.

– Пятая скважина, и опять пустая.

– Наверное, здесь на прошлой неделе дождь не шел.

Салли присела на камень и искоса посмотрела на Тома.

– У меня есть сильное подозрение, что ваш костюм, мистер, скоро прикажет долго жить.

– Валентино бы разрыдался, увидев его, – ответил Том, с трудом изображая на лице улыбку. – Давай посмотрим, как там твоя нога.

Он осторожно снял с Салли джинсы, затем бережно размотал повязку. Мелких осколков камня в ране не было, их он удалил.

– Инфекция вроде не попала. Болит?

– Я так устала, что уже ничего не чувствую.

Том совсем убрал повязку и достал из кармана чистый кусок шелка, который еще раньше оторвал от подкладки костюма. Аккуратно наложил новую повязку. Внезапно его захлестнула почти непереносимая ярость при мысли о человеке, похитившем его жену.

– Залезу вон на тот пригорок, посмотрю, идет еще за нами этот гад или нет. А ты отдохни.

– Да, это не помешает.

Том вскарабкался по склону ближайшего пригорка, пригибаясь так, чтобы не быть заметным. Последние десять футов он буквально прополз по-пластунски. Заглянул за край холма. При иных обстоятельствах Том пришел бы в восторг от величественного зрелища, которое представляла собой местность, где они проходили совсем недавно. Но сейчас эта панорама лишь утомляла его. За последние пять часов Том и Салли преодолели по меньшей мере двадцать миль, стараясь уйти от преследователя как можно дальше. Том сомневался, что преступнику удавалось следовать за ними в темноте, но все же хотел окончательно оторваться от погони.

Он устроился поудобнее и приготовился ждать. Расстилавшийся позади пейзаж казался совершенно безжизненным и пустым. Впрочем, многочисленные низины и впадины на дне каньонов были просто не видны, и, возможно, преследователь еще очень скоро выйдет на открытое пространство. Лежа на животе, Том оглядывал пустыню, искал глазами человека – движущуюся точку – и ничего не видел. Прошло пять минут, десять. Постепенно Том расслабился. Взошло солнце, раскаленный огненный диск, озаривший местность оранжевым светом, который сначала падал лишь на самые высокие вершины и хребты, а затем медленным золотистым потоком пополз по их склонам. Наконец осветилась вся пустыня, и Том затылком ощутил жар.

Он по-прежнему никого не видел: вокруг было пусто и мертво. Преследователь исчез. Бог его знает, может, скитается до сих пор по каньону Даггета, изнемогая от жажды, и грифы кружатся над его головой.

С этой приятной мыслью Том спустился с пригорка и увидел Салли, которая спала, привалившись спиной к огромному камню. Том посмотрел на жену: длинные светлые волосы спутаны, рубашка вся перепачкана, джинсы и ботинки покрыты пылью. Он наклонился и осторожно поцеловал ее.

Салли открыла глаза – точно сверкнули два изумруда. У Тома сдавило горло. Он ведь чуть было не потерял ее.

– Видел его?

Том покачал головой.

– Точно?

Он замялся:

– Не то чтобы...

Том не понимал, почему так сказал, почему у него еще не до конца исчезли сомнения. На лице Салли отразился ответный страх. Она проговорила:

– Нам нельзя останавливаться.

Том помог ей подняться, она застонала.

– Я вся как ватная. Не надо было вообще садиться.

Они пошли вниз по высохшему руслу реки. Том подстраивался под шаг Салли. Солнце поднималось все выше. Том положил в рот камешек и стал сосать его, стараясь забыть о жажде, становившейся сильнее и сильнее. Похоже, им не найти воды, пока они не достигнут реки, а до нее еще пятнадцать миль пути. Ночью было прохладно, но сейчас, когда вставало солнце, жара постепенно давала о себе знать.

А днем будет настоящее пекло.

3

Доходяга Мэддокс лежал ничком, притаившись за камнем, и через четырехкратный оптический прицел винтовки видел, как Бродбент наклонился и поцеловал свою женушку. Нос у Мэддокса до сих пор ныл от ее удара, расцарапанная до крови щека горела, ноги одеревенели, и пить хотелось с каждой минутой все сильнее. Эти сволочи шли, сохраняя почти сверхъестественную скорость и не делая ни единой передышки. Мэддокс не мог понять, как им удается так передвигаться. Если бы не фонарь и не луна в небе, он бы наверняка их упустил. Однако местность здесь была удобной для выслеживания, и Мэддокс имел преимущество – знал, что они направляются к реке. А куда ж им еще идти? Все источники, которые встречались на их пути, оказывались совершенно сухими.

У Мэддокса затекла нога, он переменял положение. Бродбент с женой пошли дальше по каньону. Из своего укрытия Мэддокс мог бы, наверное, уложить Бродбента, но так стрелять довольно рискованно – его сучка ведь сразу смоеется. Теперь, когда наступил день, Мэддоксу обязательно удастся их накрыть, нужно только прибавить ходу и подойти наискосок. Для засады места сколько хочешь.

Главное – не выдать своего присутствия. Если они поймут, что он до сих пор идет следом, тогда застать их врасплох станет гораздо труднее.

Через оптический прицел винтовки Мэддокс осматривал пустыню, лежавшую впереди, и при этом старательно отводил линзу от солнечных лучей – ничто не выдаст его скорее, чем вспышка света, отраженного стеклом. Мэддокс хорошо знал этот пустынный край Высоких Плоскогорий благодаря как самолично проведенной разведке, так и многим часам, просиженным над геологическими картами, которыми его снабдил Корвус. Черт возьми, вот бы сейчас сюда хоть одну из тех карт! На юго-западе угадывался огромный хребет, известный под названием Навакского Кольца и вздымающийся над окружающей пустыней на высоту восьмисот футов. А между хребтом и здешними холмами, вспомнил Мэддокс, тянутся извилистые Эхо-Бэдлендс, изборозжденные глубокими каньонами и странными скалами, которые наискось перерезает гигантская трещина в земле – каньон Тираннозавра. Впереди, милях, наверное, в пятнадцати от себя, Доходяга Мэддокс едва различал границу Меса-де-Лос-Вьехос, напоминавшую туманную полосу на горизонте. В оба склона плоскогорья словно врезались несколько каньонов, самым большим из них был каньон Хоакина. Он вел в Лабиринт, где Мэддокс убил охотника за динозаврами. Оттуда можно напрямик выйти к реке.

Вот куда идет Бродбент с женой.

Казалось, сто лет прошло с тех пор, как Мэддокс накрыл охотника, и с трудом верилось, что все произошло... Сколько, восемь дней назад? Многое же успело произойти с той поры.

Ладно, блокнот уже у Мэддокса в руках, да и с прочими неувязками он почти разделался. Бродбент с женой явно движутся к единственной тропе, ведущей через Навакское Кольцо, значит, они пойдут по пустыне на юго-запад и свернут недалеко от входа

в каньон Тираннозавра. Мэддокс кое-что видел впереди – долину, из-за которой лишились воды практически все здешние земли. В том месте естественным образом сходились многочисленные мелкие каньоны, и Бродбентам придется там пройти.

Мэддокс мог бы сделать крюк, двинувшись в южном направлении, обогнуть подножие Навакского Кольца и, пройдя назад, на север, атаковать Бродбентов из засады у входа в долину. Придется поторопиться, тогда меньше чем через час со всем будет покончено.

Мэддокс выбрался из своего укрытия, убедился, что его не заметили, и пошел на юг, через дикую пустынную землю, к песчаниковому склону Навакского Кольца.

Завтра в это же время он будет садиться в самолет, летящий в Нью-Йорк самым ранним рейсом.

4

Мелоди шагала в восточном направлении по Семьдесят девятой улице. Впереди неясно вырисовывался музей. В предутреннем сумраке сверкали огни верхних этажей, и огромный силуэт здания со всеми его башенками и горгульями казался темной глыбой.

Сон не шел к Мелоди, и практически всю ночь она мерила шагами наиболее оживленную часть Бродвея, будучи не в силах сдержать бешено скачущие мысли. Она проглотила бутерброд в какой-то ночной закусочной недалеко от Таймс-сквер, потом выпила чаю в другой работающей всю ночь забегаловке рядом с Линкольновским центром сценических искусств. Ночь тянулась бесконечно долго.

По въезду для служебных машин Мелоди прошла к входу, предназначенному только для персонала, посмотрела на часы. Без четверти восемь. Во время работы над диссертацией Мелоди пришлось провести не одну бессонную ночь, и такое состояние было ей не в новинку. Однако на сей раз все ощущалось как-то по-другому. Голова работала ясно и четко – тут срабатывало нечто большее, чем просто способность здраво рассуждать при любых обстоятельствах. У входа, открытого по ночам, Мелоди нажала кнопку звонка и вставила свой пропуск в картоприемник.

Мелоди миновала круглое центральное помещение и пошла прямо, через анфиладу огромных выставочных залов. Идя по музею ранним утром, в отсутствие персонала и посетителей, она всегда испытывала трепет при виде безмолвных темных витрин, при гулком звуке собственных шагов по мраморному полу.

Мелоди, как обычно, прошла коротким путем через образовательный центр, с помощью своего пропуска вызвала лифт, дождалась, пока он подъехал, лязгая и скрипя, и отправилась в подвал.

Двери лифта раскрылись, Мелоди вышла в подвальный коридор. Здесь, в чреве музея, царили тишина и безмолвие, все было как всегда – точно в пещере, и у Мелоди мороз проходил по коже каждый раз, когда она сюда спускалась. В неподвижном воздухе постоянно ощущался едва заметный запах тления.

Мелоди заторопилась к минералогической лаборатории, одну за другой миную двери хранилища окаменелостей: вот динозавры триасового периода, вот – юрского, мелового, здесь олигоценовые млекопитающие, там – эоценовые – она будто перемещалась по эволюционной лестнице. Еще один поворот, и Мелоди оказалась в холле, откуда слабо поблескивающие двери из нержавеющей стали вели в разные лаборатории: маммологическую, герпетологическую, энтомологическую. Она подошла к двери с табличкой «Минералогическая лаборатория», отперла ее своим ключом, толкнула и, шаря по стене, стала искать выключатель. Зажглись лампы дневного света.

Мелоди остановилась. За стеллажами с окаменелостями она увидела, что Корвус уже здесь, спит перед стереомикроскопом, а рядом стоит его плоский кожаный чемоданчик. Что тут понадобилось доктору? Однако ответ на этот вопрос возник у Мелоди почти сразу: он пришел рано, поскольку хотел сам проверить результаты ее работы. Потому и выбрал такое время.

Мелоди робко шагнула внутрь, кашлянула. Корвус не пошевелился.

– Доктор Корвус? – Она двинулась вперед уже увереннее. Корвус уснул прямо за столом, положив голову на согнутую руку. Мелоди на цыпочках подошла ближе. Видимо, перед тем как заснуть, он рассматривал под стереомикроскопом образец – трилобита.

– Доктор Корвус?

Ответа не было. Мелоди приблизилась к столу и слегка встревожилась: вдруг у него случился сердечный приступ? Маловероятно. Для этого Корвус чересчур молод.

– Доктор Корвус? – прошептала Мелоди, не в силах заговорить громче. Она обошла вокруг стола и, наклонившись, заглянула Корвусу в лицо. Невольно ахнув, Мелоди отпрянула, зажав рот рукой.

Широко открытые глаза доктора смотрели в одну точку и были подернуты пленкой.

У Корвуса в самом деле случился сердечный приступ. Мелоди неловко отступила назад еще на шаг. Она понимала, что должна протянуть руку и пощупать ему пульс, что нужно действовать, делать искусственное дыхание изо рта в рот... Однако необходимость прикоснуться к Корвусу вызывала отвращение. Эти его глаза... Он мертв, сомневаться не приходится. Мелоди снова отступила, протянула руку, сняла телефонную трубку – и застыла.

Что-то тут было не так. Мелоди во все глаза смотрела на мертвого зрителя, прислонившегося к микроскопу: голова доктора лежала на согнутой руке, словно он утомился, прилег и заснул. От ощущения «что-то не так» у Мелоди мурашки ползли по спине. В чем же дело? И вдруг ее осенило: Корвус изучал трилобит!

Она взяла образец в руки, пристально рассмотрела. Обыкновенный кайнозойский трилобит, такие продаются по несколько баксов за штуку в любом магазине, торгующем окаменелостями. В музее их, наверное, миллион. Корвус недавно узнал о самом грандиозном палеонтологическом открытии века и вдруг ни с того ни с сего решил рассмотреть обычного трилобита?

Ну уж нет!

На Мелоди нахлынул ужас. Она прошла к своему шкафчику с образцами, установила нужную комбинацию цифр на замке, рывком распахнула дверцу.

Компакт-диски и срезы образца, которые она убрала туда в полночь, исчезли.

Мелоди огляделась, заметила чемоданчик Корвуса. Вытащила его из-под безвольно повисшей руки доктора, положила на стол, расстегнула, перебрала содержимое.

Ничего.

Все сведения о динозавре пропали. Исчезли все ее диски, все фрагменты образца. Как будто их никогда не существовало. Тут Мелоди припомнила еще одну маленькую деталь: когда она вошла, свет в лаборатории не горел. Если Корвус заснул за работой, кто же тогда выключил свет?

Нет, это не сердечный приступ.

Внутри у Мелоди все похолодело. Кто бы ни убил Корвуса, они ведь могут прийти и за ней. В данной ситуации нужно действовать очень, очень осторожно.

По внутреннему телефону Мелоди позвонила охранникам. Ответил чей-то ленивый голос.

– Говорит доктор Крукшенк из минералогической лаборатории. Я только что пришла и обнаружила доктора Айэна Корвуса здесь, в лаборатории. Он мертв.

И через несколько секунд, отвечая на неизбежный вопрос, Мелоди очень спокойно произнесла:

– Судя по всему, у него случился сердечный приступ.

5

Лейтенант Уиллер стоял у входа в глинобитную палату прений и смотрел, как восходит солнце, освещая крутые холмы над рекой. Из церкви, расположенной позади палаты,плыли

звуки песнопений, то нарастая, то замирая в сухом воздухе пустыни.

Уиллер отшвырнул окуроч предпоследней сигареты, раздавил его и, откашлявшись, смачно сплюнул в сторону. Форд не вернулся, и о Бродбенте ни слуху ни духу. Эрнандес сидел внизу, в машине, он в последний раз выходил на связь с полицейским управлением. В Санта-Фе на полицейском вертодроме уже ждал вертолет, прибывший из Альбукерке и готовый к отправлению, а воздушное пространство по-прежнему оставалось закрытым, и никто ни словом не обмолвился, когда же его в конце концов откроют.

Уиллер увидел, как Эрнандес, пригнувшись, вылез из машины, услышат, как хлопнула дверца. Через несколько минут помощник, пытаясь, поднялся по тропинке. Поймал взгляд Уиллера и покачал головой:

– Ни черта.

– Что-нибудь насчет Бродбента или машины?

– Ничего. Как сквозь землю провалились.

Уиллер выругался.

– Больше нам здесь делать нечего. Начнем прочесывать лесные дороги, которые отходят от 84-го шоссе.

– Ладно.

Уиллер бросил последний взгляд на церковь. Сколько же времени они тут потратили! Когда Форд вернется, детектив за шиворот притащит этого якобы монаха в город и выяснит, какого черта он делал среди Высоких Плоскогорий. А когда объявится Бродбент, о, тогда детектив с удовольствием посмотрит, как ветеринару-миллионеру понравится делить подвальную камеру со всяким сбродом и жрать на обед жареные кукурузные початки.

Уиллер стал спускаться по тропинке, поигрывая наручниками и дубинкой, Эрнандес шел следом. Позавтракать бы сейчас лепешками бурритос да парой галлонов кофе в заведении «У Боуда». И новой пачкой «Мальборо» запастись. Мысль о том, что осталась одна-единственная сигарета, всегда доводила Уиллера до белого каления.

Ухватившись за ручку дверцы, он хотел было распахнуть ее, как вдруг в воздухе послышалось отдаленное гудение. Уиллер поднял голову и увидел в светлеющем небе черную точку, постепенно увеличивавшуюся в размерах.

– Э, да не вертолет ли это? – прищурившись, воскликнул Эрнандес.

– Однозначно он.

– Пять минут назад мне говорили, что вертушка еще не поднялась в воздух.

– Идиоты.

Уиллер достал последнюю сигарету, закурил – у пилота Фредди всегда с собой пара пачек.

– Ну все, пора за дело.

Детектив смотрел на приближающийся вертолет, и его недовольство постепенно проходило. Они положат конец увеселительным прогулкам по каньонам, которые затеяли эти негодяи. Пространство тут просто огромное, однако Уиллер чувствовал: вся заваруха происходит в Лабиринте, туда-то и надо лететь в первую очередь.

Черная точка продолжала увеличиваться в размерах, и детектив смотрел на нее с возрастающим замешательством. К ним подлетал не полицейский вертолет, по крайней мере Уиллер таких никогда не видел. Этот был гораздо больше, черного цвета, и по бокам у него помещались отделяемые грузовые отсеки, свисающие, как поплавки у гидросамолета. Вдруг внутри у детектива что-то неприятно перевернулось – он догадался, в чем тут, собственно, дело. Закрытое воздушное пространство, черный вертолет. Уиллер повернулся к Эрнандесу:

– Ты то же самое подумал?

– ФБР?

– Именно.

Уиллер тихонько чертыхнулся. Очень похоже на федералов, ничего не скажешь: пусть местные сотрудники правоохранительных органов тычутся туда-сюда, вслепую, как идиоты, а эти потом прибегут прямехонько на задержание да на пресс-конференцию.

Вертолет слегка накренился, приближаясь, замедлил ход и принялся кружить над стоянкой. Он заходил на посадку. Вертолет сел, подавшись назад, и обратный поток воздуха от винта обдал стоявших на земле волной едкой пыли. Уиллер, сморщившись, пригнул голову, а вертолет тем временем окончательно остановился. Лопасты винта еще вращались, но боковой люк уже открылся, и из него выскочил человек в камуфляже, с карабином М-4 и рюкзаком за плечами.

– Что это такое, черт возьми? – сказал Уиллер.

На землю спрыгнули еще девять солдат. Некоторые были нагружены тюками и коробками с электронным оборудованием и средствами связи. Последним вылез высокий худой мужчина в спортивном костюме, черноволосый, со скулстым лицом. Восемь человек гуськом взбежали по тропинке, ведущей к церкви, двое остались рядом с неизвестным в спортивном костюме.

Уиллер докурил сигарету, бросил окурочок на землю, выпустил дым и стал ждать. Это были даже не федералы, по крайней мере он таких никогда не встречал.

Человек в спортивном костюме приблизился к Уиллеру, остановился перед ним.

– Я бы попросил вас назваться, офицер, – сказал он безразличным тоном власти имущего.

Секунду Уиллер медлил.

– Лейтенант Уиллер, полиция Санта-Фе. А это сержант Эрнандес. – Он не двигался с места.

– Я бы очень попросил вас отойти от машины.

Уиллер опять выждал некоторое время. Потом сказал:

– Если у вас есть значок, мистер, неплохо бы вам его показать.

Человек едва заметно взглянул на одного из военных. Тот шагнул вперед – этаким крепкий детина, стриженный «ежиком» и с раскрашенной в камуфляжные цвета физиономией, которого буквально распирало от чувства выполняемого долга. Подобных типов Уиллер повидал достаточно еще в армии и симпатии к ним никогда не испытывал.

– Пожалуйста, сэр, отойдите от машины.

– Кто вы такой, черт возьми, чтобы тут командовать? – Уиллер не собирался терпеть подобное отношение к себе. По крайней мере пока ему не продемонстрируют какие бы то ни было документы. – Я детектив, лейтенант отдела по расследованию убийств Управления полиции Санта-Фе, нахожусь здесь официально – преследую беглого преступника. У меня есть ордер на его арест. А вам кто дал право тут находиться, черт побери?

Человек в спортивном костюме хладнокровно произнес:

– Я Масаго из Агентства национальной безопасности при правительстве Соединенных Штатов Америки. Данная территория объявлена зоной проведения спецоперации и закрыта вследствие чрезвычайного положения. Это люди из объединенной команды диверсионно-десантного отряда «Дельта», они выполняют миссию, связанную с обеспечением национальной безопасности. Последний раз повторяю, отойдите от машины.

– Пока я не увижу...

В следующую секунду Уиллер уже лежал на земле, согнувшись пополам и судорожно ловя ртом воздух, а стоявший рядом военный ловко отбирал у него табельное оружие. Наконец детектив, широко открыв рот, ухитрился сделать один жадный вдох. Он перевернулся, с трудом поднялся на четвереньки, кашляя, отплевываясь и стараясь сдержать подкатывавшую к горлу тошноту. Мышцы живота дергало и сводило, будто лейтенант проглотил здорового живого зайца. Превозмогая боль, Уиллер встал на ноги и, испытывая невероятные мучения, выпрямился.

Ошарашенный Эрнандес стоял на прежнем месте, тоже обезоруженный.

Уиллер не веря своим глазам смотрел, как один из солдат нырнул в машину – его служебную машину – с отверткой. Через минуту он вылез, держа в одной руке радиоприемник с болтающимися проводами. В другой руке у него были ключи от автомобиля.

– Офицер, сдайте портативную рацию, – приказал человек в спортивном костюме. Уиллер снова втянул воздух, расстегнул ремень и передал военному рацию.

– Сдайте дубинку, наручники, газовые баллончики и прочее оружие и средства связи. А также все комплекты ключей от машины.

Уиллер подчинился. Он слышал, как то же самое приказывают Эрнандесу.

– Теперь мы поднимемся к церкви. Вы с сержантом Эрнандесом пойдете впереди.

Уиллер и Эрнандес двинулись по тропинке, ведущей к церкви. Проходя мимо палаты прений, лейтенант заметил, что вдребезги разбитый ноутбук валяется в грязи у дверей, рядом лежит сломанная спутниковая антенна, и от нее тянутся провода. Краем глаза детектив увидел солдат, занятых установкой электронного оборудования внутри палаты. Один из них укреплял на крыше другую спутниковую антенну, гораздо массивнее прежней.

Они вошли в церковь. Пение давно уже прекратилось, всюду было тихо. Монахи сгрудились у стены, охраняемые двумя десантниками. Один военный сделал Уиллеру и Эрнандесу знак присоединиться к группе.

Человек в спортивном костюме выступил вперед и обратился к безмолвствовавшим монахам:

– Я мистер Масаго из Агентства национальной безопасности при правительстве Соединенных Штатов Америки. На данной территории проводится спецоперация. Ради вашей же безопасности мы попросим вас оставаться здесь, в этом помещении. До окончания операции не предпринимайте попыток установить сообщение с внешним миром. Эти солдаты останутся с вами, за помощью во всех случаях обращайтесь к ним. Операция продлится ориентировочно от двенадцати до двадцати четырех часов. Все необходимое у вас есть: вода, туалет, небольшая кухня – там, в холодильнике, продукты. Прошу извинить за доставленные неудобства.

Он кивнул Уиллеру, показал на боковую комнату. Лейтенант проследовал за ним. Человек закрыл дверь и, обернувшись к детективу, тихо произнес:

– А теперь, лейтенант, мне хотелось бы услышать все касательно причин, по которым вы здесь оказались, и узнать, кто этот беглый преступник.

6

Прошло уже несколько часов с момента восхода солнца, и уединенная долина словно помертвела, превратилась в раскаленный ад. Жар солнечных лучей, пульсируя, отражался от огромных валунов. Форд шел по низине вдоль сухого русла и размышлял над тем, что название Место Дьявольских Игрищ днем подходит этому уголку еще больше, чем ему показалось накануне, в сумерках.

Форд опустил на камень, снял флягу, которую нес за плечом, глотнул из нее немного. Лишь неимоверным усилием воли он обуздал себя и не стал пить дальше. Завинтил крышку, взвесил флягу в руке – в ней оставалось около литра. На плоском камне, лежавшем прямо под ногами, Форд аккуратно расправил изрядно запачканную карту, уже начавшую расплзаться на сгибах, вытащил огрызок карандаша. Наскоро подточил его перочинным ножом, отчеркнул очередной тщетно обследованный четырехугольный участок.

Ощущение, что ископаемое вот-вот обнаружится, постепенно начало покидать Форда – так на него действовала неприветливая местность, по которой он бродил с рассвета. Три больших каньона и множество мелких сходились, образуя настоящий каменный хаос, – сплошные лабиринты, где все изъедено эрозией, искорежено паводками, исковеркано обвалами. Словно Господь, создавая мир, превратил это место в свалку для кучи строительного мусора: остатков песка и камня, которым нигде не нашлось применения.

Кроме того, Форд пока не видел вообще никаких окаменелостей, ему не попадались даже остатки доисторических деревьев, столь часто встречающиеся повсюду в Высоких Плоскогорьях. Местность была мертвой во всех смыслах этого слова.

Форд снова встряхнул флягу, подумал: "А что, собственное – сделал глоток и потом

посмотрел на часы. Десять тридцать. Он уже осмотрел приблизительно полдолины. Оставалась другая половина, да без счета боковых каньонов и оврагов, заканчивающихся тупиками, – еще один день точно понадобится. Однако он не сможет завершить поиски, пока не найдет воду, а ведь ясно же: воды в этом аду не отыщешь. Чтобы не было риска погибнуть от жажды, придется начать двигаться к реке никак не позднее завтрашнего утра.

Форд сложил карту, повесил флягу через плечо и сверился с компасом, выбрав в качестве ориентира заостренный обломок песчаника, когда-то отколовшийся от склона ущелья и скатившийся вниз. Послушник заковылял по песчаной равнине и наткнулся на очередное углубление, уже давно лишенное влаги. Под сандалиями путника с растрескавшейся земли поднималась белая соленая пыль. Размеренно шагая, Форд пошел чуть быстрее, миновал огромный валун и пустился вдоль пальцевидной балки, начинавшейся сразу за каменной глыбой. В то утро Форд ел очень мало: всего несколько ложек овсяных хлопьев, сваренных в жестяной посудине, и теперь ощущал в желудке уже ставшую привычной пустоту – нечто большее, чем просто голод. Ноги его болели, ступни покрылись волдырями, глаза покраснели от пыли. В определенном смысле Форд приветствовал подобный отказ от телесного комфорта и истязание плоти. Сама по себе эта епитимья утешала. С другой стороны, наступал момент, когда переизбыток неудобств превращался в опасное излишество. Перелом ноги и даже просто растяжение лодыжки обрекут его на верную смерть: с таким ничтожным запасом воды он умрет еще до того, как подоспеют спасатели. Однако это было Форду не в новинку, в жизни ему приходилось подвергаться куда большим опасностям.

Он шел и шел, испытывая противоречивые чувства. У песчаникового склона балка делала резкий изгиб. В том месте образовался природный навес высотой футов в пятнадцать. Под ним, на серпообразном тенистом участке, Форд на минуту остановился. Неподалеку рос одинокий полузасохший можжевельник, он стоял неподвижно, словно застыл от зноя. Форд сделал пару глубоких вдохов, борясь с желанием снять с плеча флягу и снова отпить из нее. Впереди виднелся гигантский обвал, возникший в результате частичного разрушения склона, – пятисотфутовое нагромождение валунов, каждый из которых был размером с автомобиль.

Форд кое-что заметил в этом нагромождении. Гладкая поверхность одного из валунов была повернута как раз под таким углом, что солнечный свет падал на нее косо. И там, на валуне, превосходно, четко отпечатались цепочка следов динозавра – огромного, трехпалого, с массивными когтями, который, видимо, когда-то переходил древнюю топь. Форд закинул флягу за плечо и, ощутив небывалый прилив энергии, направился к основанию обвала. Вся его усталость куда-то испарилась. Он напал на след, как в буквальном смысле, так и в переносном. Тираннозавр рекс где-то там, в каменном лабиринте. И может, даже следы ему и принадлежат – но это одному Богу ведомо.

Именно в тот момент Форд и услышал шум, едва различимый даже в полном безмолвии окружающей пустыни. Он остановился, поднял голову, но среди вздымающихся скал виднелся лишь кусочек неба. Шум усилился, и Форд решил, что это слабое гудение небольшого самолета. Звук стих, и послушник не успел разглядеть в синем небе его источник. Форд пожал плечами и полез на груды камней, желая поближе рассмотреть следы. Скала раскололась вдоль плоскости напластования, и обнажилась волнистая поверхность аргиллита, почти черного по сравнению с окаймлявшими его слоями кирпично-красной породы. Форд проследил, что аргиллит проходит между окружающими образованиями темной полоской толщиной дюйма в четыре. Если следы принадлежат тираннозавру – а похоже, так оно и есть, – тогда черная прожилка может служить ориентиром, указывающим на пласт, где вероятнее всего можно обнаружить ископаемое.

Форд спустился на землю и стал пробираться дальше, вверх по узкому каньону, но через несколько поворотов на пути встали отвесные утесы, и пришлось повернуть обратно. Опять, на сей раз уже громче, раздалось гудение самолета. Форд поднял голову, прищурившись, взгляделся в синее марево и увидел вспышку света, отразившегося от

небольшого самолетика, который пролетал практически над самым ущельем. Уайман козырьком приставил руку ко лбу, однако самолет растворился в ослепительном, режущем глаза солнечном блеске. Форд достал бинокль и принялся оглядывать небо. Наконец он снова увидел самолет и от изумления широко раскрыл глаза.

Это был маленький белый летательный аппарат без иллюминаторов, около двадцати пяти футов длиной, с выпуклым носом и двигателем, расположенным в хвостовой части. Форд сразу распознал беспилотное воздушное средство «Хищник» MQ-1A.

Следя за самолетом в бинокль, Форд недоумевал, с чего это вдруг ЦРУ или Пентагону вздумалось запускать сверхсекретную авиационную технику над федеральными территориями. Уайман знал, что «Хищник» является рабочей версией некоего аппарата, который находился в стадии разработки еще в дни его службы в ЦРУ. Это был беспилотный самолет, использующий технологию НКСУ – независимая компьютерная система управления. Она позволяла летательному аппарату функционировать даже в случае временной потери контакта с живым пилотом, который осуществлял дистанционный контроль. Таким образом, значительно снижались требования к личному составу, управляющему этим самолетом, – с ним мог справиться наземный экипаж из трех человек с переносной станцией вместо обычных двадцати человек на громоздком трейлере. Форд заметил, что «Хищник» несет две ракеты «Хеллфайр»¹⁴ с лазерным наведением.

Самолет пролетел у Форда над головой, двигаясь на запад. Затем километрах в пяти от наблюдателя плавно повернул и лег на возвратный курс. Судя по всему, «Хищник» снижался и одновременно набирал скорость, причем стремительно. Что же это такое? Форд, замороженный, продолжал наблюдать за самолетом в бинокль. Похоже, тот имитировал атаку.

Раздалось чуть слышное шипение, и «Хищник» слегка дернулся – он только что сбросил одну из ракет. Невероятно. Во что или в кого она должна попасть? Через десятую долю секунды глубоко потрясенный Форд понял: целью ракеты был он сам.

7

Мэддокс одолел последний хребет и остановился, оглядывая ущелье, оставшееся внизу. Там два каньона сходились, образуя один, широкий, представляющий собой каменный амфитеатр с ровным основанием из желтого песка. Мэддокс тяжело переводил дыхание – ему пришлось чертовски долго идти до места слияния каньонов, и у него начинала кружиться голова, неизвестно отчего: то ли от жары, то ли от полученных ранений. Он отер пот со лба и шеи, аккуратно приложил мокрую руку ко вспухшим участкам кожи, которые пострадали от ногтей и пинков той стервы. Царапину от пули на бедре болезненно дергало, и Мэддокс думал, уж не попала ли туда какая зараза. Но больше всего он беспокоился насчет воды. Солнце стояло прямо над головой, и было, наверное, около сорока градусов, все вокруг буквально плавилось от жары. Жажда становилась мучительнее с каждой минутой.

Мэддокс отыскал глазами глубокую расселину в центральном каньоне. Именно в этот каньон Бродбенты и спустятся. Они направляются к воде, а до реки, по-видимому, добраться можно только так, если не идти в обход, длинным путем через Навахское Кольцо.

Мэддокс с трудом проглотил слюну. Рот его был словно набит засохшим клеем. Зря он не кинул в машину флягу с водой, когда отправлялся в погоню. Теперь-то уже слишком поздно. И потом Мэддокс знал: Бродбент с женой тоже страдают от жажды не меньше его самого.

Джимсон поискал взглядом место поудобнее, откуда можно будет их пристрелить. Среди массы валунов, скатившихся сверху, с краев каньона, намечалось множество хороших точек. Мэддокс, оглядывая красноватые склоны, выбрал одну, где несколько гигантских

¹⁴ «Hellfire» (англ.) – адский огонь.

каменей частично загородили откос, как раз напротив каньона, из которого выйдут будущие жертвы. Идеальное место для засады, еще лучше того, откуда Мэддокс застрелил Уэзерса. Однако надо было, чтобы из найденного укрытия легко и метко стрелялось, ведь предстояло уложить не одного, а сразу двоих, и к тому же Бродбент имел при себе оружие. А кроме того, Мэддокс неважно себя чувствовал. Он не собирался больше ходить вокруг да около, все, без дураков: надо прикончить гадов и выбираться из этой чертовой дыры.

Мэддокс стал осторожно спускаться, оступаясь и скользя, для равновесия хватаясь за полынь и кустарник. Ему попалась гремучая змея, прятая под камнем, она резко выгнулась дугой и зашумела погремучкой. Мэддокс обошел ее. Это была уже пятая змея за одно утро. Он спустился на дно ущелья, пересек его и полез по откосу, все время следя за тем, чтобы не осталось следов. У нагромождения камней Мэддокс остановился, посмотрел, нет ли вокруг змей, не увидел ни одной. Укрытие находилось на самом солнце, а пекло стояло адское, зато отсюда идеально просматривался противоположный край ущелья. Мэддокс снял с плеча винтовку и сел по-турецки, положив оружие на колени. Наскоро проверил винтовку – она оказалась в удовлетворительном состоянии – и установил ее для стрельбы. Из двух камней, упиравшихся друг в друга и образовавших V-образную выемку, получилась превосходная бойница. В нее Мэддокс поместил ствол, наклонился, прицелился, подвигав винтовку туда-сюда. Лучшего обзорного пункта и не найти: Мэддокс полностью видел каньон, из которого спустятся Бродбенты: две отвесные стены из песчаника, между ними – ровный слой песка. Никакого укрытия, даже кустов нет, и бежать некуда, разве только обратно, наверх. Если верить встроенному в оптический прицел цифровому дальномеру, то когда Бродбент с женой выйдут из-за последнего поворота, они окажутся в 415 ярдах от Мэддокса. Он подпустит их по крайней мере еще ярдов на двести, а потом выстрелит. Все пройдет чисто, гладко и незаметно.

Несмотря на ломоту во всем теле и боль от ушибов, Мэддокс ухмыльнулся, представляя себе, как пули угодят этим гадам в спину, как забрызжет на песок кровь. Он опустил винтовку, снова положил ее на колени. В воздухе пахло пылью и нагретыми камнями, у Мэддокса внезапно закружилась голова. Господи Боже! Он закрыл глаза и стал повторять свою мантру, пытаясь хоть немного прояснить сознание и сосредоточиться, но не мог из-за сильной жажды. Мэддокс открыл глаза и снова посмотрел на каньон. Еще по меньшей мере десять минут. Он полез в карман и достал тот самый блокнот, засаленный, с загнутыми уголками, размером всего примерно четыре дюйма на шесть. Мэддокс поразился, до чего же невзрачным кажется блокнот. Полистал его. В нем были цифры – какой-то шифр, а на последней странице – два больших восклицательных знака. Что бы цифры ни значили, это Мэддокса уже не касается, Корвус сообразит, как с ними поступить. Мэддокс засунул блокнот в карман, переменял позу и вытер платком взмокшую шею. Несмотря на крайнюю усталость, он испытывал приток адреналина, состояние его было сродни опьянению от обострения всех чувств, что всегда происходило с ним перед убийством. Краски казались ярче, воздух – прозрачнее, звуки – четче. Это хорошо. Еще минут на десять такое восприятие сохранится.

Он опять проверил винтовку, больше для того, чтобы чем-то себя занять. Она обошлась ему почти в две тысячи, зато службу сослужила хорошую. Мэддокс погладил ствол и тут же отдернул руку: ствол страшно раскалился. Ох, Господи.

Мэддокс напомнил себе, что выполняет эту работу не ради денег, как какой-нибудь киллер. Им движут более высокие мотивы. У Мэддокса есть настоящее чувство долга.

К тому же хоть Корвус когда-то и вытащил его из тюрьмы, он же имеет возможность снова туда отправить, изменив свое решение. Поэтому надо было спасать собственную шкуру. Если он не прикончит обоих Бродбентов, тогда никто, даже Корвус, ему не поможет.

жар от раскаленного песка. Мозоли на ногах давно полопались, и места, где была содрана кожа, постоянно натирало. Однако чем сильнее становилась жажда, тем меньше ощущалась боль. Том и Салли прошли уже несколько тинахас¹⁵ – выбоин в скале, в которых обычно скапливается вода. Все оказались сухими.

Том остановился на серебристом острове тени, отбрасываемой нависшей скалой.

– Передохнем немножко?

– Ой, да.

Они сели, стараясь как можно лучше укрыться в тенистом полукруге. Том взял Салли за руку.

– Ты как?

Она тряхнула головой, отбрасывая с лица длинные светлые волосы.

– Я нормально, Том. А ты?

– Жив пока.

Салли потрогала шелковые брюки костюма «мистера Кима» и слабо улыбнулась.

– Костюмчик произвел нужное впечатление?

– Нельзя было мне тебя оставлять одну.

– Том, прекрати себя корить.

– Ты не догадываешься, кем может быть похититель?

– Он как раз этим передо мной постоянно хвастался. Наемный убийца, работает на смотрителя одного музея где-то в восточных штатах. Смотритель помог ему смоделировать громадную, на всю спину, татуировку в виде тираннозавра. И вытащил его из тюрьмы. Пусть этот тип и необразованный, но далеко не дурак. – Салли оперлась о скалу и прикрыла глаза.

– Так, значит, он убил Уэзерса, чтобы заполучить блокнот, а потом явился за тобой. Господи, не надо было мне лететь в Тусон. Прости меня...

Салли положила руку ему на плечо.

– Давай будем извиняться друг перед другом, когда отсюда выберемся. – Помолчав, она спросила: – Думаешь, он и правда потерял наш след?

Том не ответил.

– Тебя что-то тревожит, да?

Том кивнул и посмотрел вниз, в каньон.

– Не нравится мне, как он вот так вдруг взял и исчез. Помнишь, в заброшенном поселке то же самое было.

– Тебе все кажется. Он шел за нами и заблудился.

– Он понимает, что если не убьет нас, то конец настанет ему. Это его здорово подстегивает.

Салли задумчиво кивнула.

– Он не из тех, кто легко отступает. – Она снова прислонилась головой к скале и закрыла глаза.

– Поднимусь повыше и осмотрюсь еще раз.

Вскрабавшись по каменистому склону, Том добрался до уступа, огляделся. Кругом раскинулась сплошная каменистая пустыня, дикая, безжизненная. Несколько минут Том смотрел на нее, стараясь забыть о жажде и сосредоточиться на чем-нибудь другом. До реки еще по меньшей мере миль двадцать, но где именно они находятся сейчас, Том представлял весьма смутно. Он шепотом выругался, сетуя, что под рукой нет карты.

Раньше ему не случалось забредать так далеко в эти края; кто знает, какие преграды могут ждать путников на дороге к реке. Том спустился вниз. Постоял несколько секунд, глядя на Салли. Потом осторожно тронул ее рукой. Она открыла глаза.

– Ну что, пошли?

Салли кивнула и, держась за него, со стоном поднялась на ноги. Вдруг через пустыню

¹⁵ Большой глиняный кувшин (исп.).

прокатился низкий рокот, похожий на раскат грома, и странным эхом отозвался в каньонах.

Том посмотрел вверх.

– Прямо чудеса. На небе-то – ни облачка.

9

Форд лежал под откосом лицом вниз, съежившись и закрыв голову руками. Оглушительный грохот сброшенной ракеты сотряс землю, а потом, словно громовой раскат, постепенно замер, отразившись от склонов каньона. Форда засыпало песком и гравием. Даже когда затихли отголоски эха, песок продолжал падать откуда-то сверху. Форд лежал ничком очень долго, пока наконец не решился поднять голову.

Он увидел одно сплошное тускло-оранжевое облако, закрывшее небо и землю. Все еще оглушенный взрывной волной, Форд закашлялся, прикрыл рот краешком сутаны, попытался сделать вдох. Грохот от падения ракеты показался ему невероятно сильным, вся смертоносность будто заключалась именно в звуке. И тем не менее вот он, Форд, живой и невредимый, хоть и не верящий в свое спасение.

Уайман прислонился к отвесной скале, голова его гудела, в ушах стоял звон. Он правильно поступил, спрятавшись в естественном углублении под склоном каньона. Вся земля кругом была усеяна громадными каменными обломками, но Форд находился в защищенном месте – под прикрытием выступа. Пыль начала медленно оседать, и оранжевый туман превратился в полупрозрачную дымку. Форд ощутил странный запах – пахло удушливой смесью каменной крошки и кордита. Он тщетно вглядывался в пелену пыли, однако она висела практически неподвижно в сравнительно узком пространстве между склонами каньона и потому долго не рассеивалась.

А ведь теперь пыль станет для Форда защитой. Она спрячет его от всевидящих камер на борту беспилотного «Хищника», который наверняка до сих пор кружит в небе, оценивая характер и степень ущерба, нанесенного местности.

Форд вернулся под выступ скалы, а облако пыли тем временем медленно уплыло, вытесненное незаметным движением воздуха. Уайман сидел без движения, весь сжавшийся. Пыль так густо запорошила его, что он, наверное, сам стал похож на одну из каменных глыб. Сверху до слуха Форда доносилось едва различимое жужжание. Прошло около десяти минут, прежде чем звук затих окончательно.

Форд с трудом поднялся на ноги, кашляя и отплевываясь от пыли, стряхивая ее с сутаны и волос, смахивая с лица. Лишь теперь он начал осознавать всю непостижимость происшедшего. «Хищник», засекреченный беспилотный самолет, сбросил на него ракету. Почему?

Явная ошибка? Просто неудачно проведенное испытание? Эту догадку Форд быстро отверг. Во-первых, он знал, что секретный беспилотный аппарат никогда не станут испытывать над общественными землями, особенно в Нью-Мексико, – ведь здесь и так находится Уайт-Сэндс, крупнейший испытательный полигон страны. «Хищник» не мог никоим образом оттуда ускользнуть и оказаться тут – у него не та дальность полета. И потом, ту маневренность и огневую мощь, какие продемонстрировал самолет, независимая компьютерная система управления задать не может. «Хищником» управлял живой пилот, видевший непосредственно Форда и следивший за его перемещениями.

Могли они преследовать кого-то другого и принять Форда за него? Уайман не исключал такую возможность, хотя тогда, следовательно, имело место грубое нарушение первого правила ведения боя, которое требовало безопасной визуальной идентификации цели. Как можно принять его, монаха в сутане и сандалиях, за кого-то еще? Неужели ЦРУ охотится конкретно за ним из-за чего-то, что он знает или совершил? Однако мыслимое ли дело для ЦРУ убить человека из своих рядов? Разумеется, это преступление, но важнее другое – подобные действия полностью противоречат традициям разведки. Даже если бывшие коллеги действительно хотели убить Форда, то все равно не стали бы отправлять на

задание секретный беспилотный самолет стоимостью в сорок миллионов долларов. Гораздо проще было бы прикончить его в собственной постели, в незапертой монастырской келье, и обставить происшествие как обыкновенный сердечный приступ.

Тут происходит что-то другое, очень странное и непонятное.

Форд снял сутану, стряхнул с нее остатки пыли, оделся. В бинокль тщательно осмотрел небо, однако самолет уже скрылся. Тогда Форд принялся разглядывать холм, в который ударила ракета. На темно-сером песчанике выделялся свежий оранжевый рубец, виднелась выбоина в скале, до сих пор сочащаяся струйками пыли и песка. Если бы он не бросился под выступ в склоне, его наверняка убило бы.

Форд стал спускаться по ущелью. Звон в ушах не прекращался. Случившееся представлялось ему по-прежнему невероятным, однако теперь он начал думать, что атака имеет какое-то отношение к ископаемому динозавру. Форд не мог сказать, почему так решил, это было скорее предчувствие, чем умозаключение. Прочие предположения просто не имели смысла. Как говорил Шерлок Холмс? «Когда все догадки отвергнуты, та, которая остается, и является верной, какой бы неправдоподобной она ни казалась».

По некой необъяснимой причине, размышлял Форд, одна из правительственных организаций желает завладеть ископаемым динозавром, не оставив при этом свидетелей, и потому стремится очистить территорию и уничтожить возможных соперников. Но здесь возникает новый вопрос: откуда им стало известно, что Форд отправился на поиски динозавра? Об этом знал один Том Бродбент.

Форд стал сосредоточенно обдумывать, кто конкретно мог предпринять атаку. Во время службы в ЦРУ ему порой приходилось иметь дело с различными секретными ведомствами, специальными оперативными группами и «черными подразделениями». Последние представляли собой небольшие сверхсекретные команды профессионалов, формируемые для выполнения особых следственных или исследовательских задач и распускавшиеся сразу после решения конкретной проблемы. На профессиональном жаргоне ЦРУ их называли «командами Ч». Предполагалось, что «команды Ч» контролирует Агентство национальной безопасности, Разведывательное управление министерства обороны или же непосредственно Пентагон, но в действительности они не подчинялись никому. Все, связанное с «командами-Ч», держалось в секрете: цели, источники финансирования, состав, даже само их существование. Некоторые из этих подразделений были настолько засекречены, что и высшие чины ЦРУ могли получить разрешение на взаимодействие с ними далеко не сразу. Форд припомнил те немногие «черные подразделения», с которыми сотрудничал. Все они носили сложные, солидно звучащие названия-аббревиатуры: РГЭИиТР (Рабочая группа по электромагнитным импульсам и термоядерным реакциям), ОНДП (Объединенное национальное дезинформационное подразделение) и ТПЗБО (Точечное подразделение по защите от биологического оружия).

Форду вспомнилось, насколько он и его коллеги по ЦРУ презирали «черные подразделения» – своенравные, не подотчетные никому, управляемые недобросовестными типами, считавшими, что цель оправдывает средства, а какая цель и какие средства – дело десятое.

Сейчас душком «черных подразделений» несло за километр.

Часть пятая

«Венерины зеркальца»

Пришло время, и тираннозавры-самцы стали вступать в ритуальные поединки из-за нее. Она стояла в стороне, а они кружили на месте, медленно сближаясь, и каждый пытался лягнуть или оцарапать противника, не гнушаясь и обманными маневрами, а лес так и дрожал от их злобного рыка. Потом самцы налетали друг на друга, сталкивались головами, отскакивали, в необузданном порыве валя деревья и взрывая землю. От рева

самцов бока самки трепетали, а лоно пылало. Когда победитель, торжествующе трубя, взбирался на нее, она подчинялась, едва сдерживая могучее желание распороть своему ухажеру шкуру от шеи до хвоста.

Как только спаривание заканчивалось, воспоминание о нем тут же уходило. Чтобы отложить яйца, она уходила на запад, где под сенью гор тянулась вереница песчаных холмов. Самка выкапывала в песке гнездо и прикрывала кладку сырыми гниющими растениями, которые, разлагаясь, давали тепло. Температуру покрытия самка проверяет с помощью собственного носа, то и дело подкладывая новые растения поверх сгнивших. Она практически не покидала гнездо, часто даже обходясь без еды. Отпрысков своих самка охраняла от врагов с неистовством, а растила с нежностью. Размерами она превосходила самцов своего вида, поскольку именно от них, от их бездумной жажды добычи ей приходилось защищать молодняк. То, что она при этом испытывала, нельзя было назвать материнской любовью. Самка представляла собой биологическую машину, выполняющую сложную программу и стремящуюся сохранить копии самой себя, обеспечив их достаточным количеством мяса, чтобы они дожили до половой зрелости. К «заботе» как таковой она была не способна физически.

Детеныши выросли до определенных размеров и начинали охотиться одной хищной стаей, постепенно расширяя свою территорию, – ведь мяса им требовалось все больше. Тогда мать оставляла молодняк и возвращалась к старым местам обитания, перестав осознавать факт существования потомства.

Пока она находилась в пути, страх расползлся по лесу подобно ядовитому газу. Ее шаги в пятнадцать футов шириной были бесшумны. Когда она шла, земля не дрожала, не было заметно вообще никакого движения. Самка передвигалась на одних пальцах, легко и беззвучно, а окраска ее сливалась с деревьями.

Она знала, что такое голод и что такое насыщение. Она знала, как кровь жертвы мощным потоком устремляется изо рта прямо в глотку. Она отличала свет от тьмы. Она знала, что сон сменяется пробуждением.

Биологическая программа неумолимо продолжала работать.

Марстон Уэзерс

1

На глазах у Мелоди последняя группа охранников, звеня ключами и громко переговариваясь в коридоре, покинула минералогическую лабораторию. Мелоди закрыла и заперла за ними дверь, прислонилась к ней спиной, перевела дух. Было уже около часа. Приходил коронер, он подписал кипу бумаг; санитары забрали тело; скучающий полицейский без особого интереса прошелся по музею, черкая на листочке, прикрепленном к пластиковой доске. Все предполагали сердечный приступ, и Мелоди не сомневалась, что вскрытие это подтвердит.

Одна она подозревала: совершено убийство. Убийца охотился за динозавром, в этом Мелоди была уверена. А зачем еще ему выкрадывать все результаты их исследований – ее исследований? Но похоже, убийца не знал того важного факта, что исследование сделано именно ею, да и как он узнает... Пока у Мелоди еще есть время действовать.

Она сомневалась, правильно ли поступила, ни с кем не поделившись подозрениями. Впрочем, высказав свое мнение, она ничего хорошего не добилась бы. У нее не было ни доказательств, ни улики, разве что свет не горел, а Корвус нехотя занялся трилобитом. Если бы Мелоди заявила о собственных подозрениях и оказалась вовлеченной в дело, тогда убийца бы сосредоточился именно на ней. А этого она не могла допустить, особенно сейчас, когда ставки столь высоки, когда, как говорится, клюнула крупная рыба.

Мелоди схватила тяжелое металлическое кресло и, подтащив его к двери, подсунула под ручку и хорошенько прижала, чтобы никому не удалось войти, даже тем, у кого есть ключ. Если вдруг кто-нибудь спросит, почему она забаррикадировала дверь, всегда можно

сказать – мол, недавно здесь человек умер, и ей стало жутко. Да только немногие зрители музея соглашались спуститься из своих обитых деревом кабинетов на пятом этаже в подвальную лабораторию, особенно в воскресенье.

У Мелоди будет много времени, чтобы спокойно поработать.

Она быстро прошла в прилегающее к лаборатории складское помещение. Там на металлических стеллажах, высящихся от пола до потолка, помещались десятки тысяч минералов и образцов органических окаменелостей, пронумерованных и рассортированных по категориям. Более мелкие образцы находились в выдвижных ящиках, образцы покрупнее – в коробках на открытых стеллажах. Металлическая лестница с поручнями, наподобие тех, что бывают в библиотеках, позволяла добраться до самых высоких полок.

С колотящимся от волнения сердцем Мелоди подтолкнула лестницу к нужному ряду стеллажей. Взобралась на нее. Под потолком, в полумраке, на верхней полке, стоял ветхий деревянный ящик с вытесненными на нем монгольскими письменами. На старой бирке значилось:

Протоиератопс Эндрюси, кладка яиц
Горячие Скалы
Регистрационный номер 1923-5693
Находка принадлежит У. Грэйнджеру

Казалось, крышка ящика прибита гвоздями, но на самом деле это было не так. Мелоди приподняла ее, отодвинула в сторону, затем сняла рогожку.

Они никуда не исчезли.

Спрятанные среди окаменевших яиц в гнезде ископаемого динозавра, лежали копии дисков, на которых Мелоди сохранила все данные и все изображения, полученные в результате исследования. Тут же помещалась крошечная пластмассовая коробочка с тремя тончайшими срезами оригинального образца, такими маленькими, что хранить их просто так было нельзя.

Не трогая диски, Мелоди взяла коробочку, вернула на прежнее место рогожку, снова накрыла ящик крышкой, спустилась с лестницы и откатила ее туда, где она стояла раньше.

Мелоди отнесла коробочку к полировочному устройству и, вынув один из срезов, закрепила его на полировочном бруске. Когда застыла эпоксидная смола, исследовательница приступила к полировке, стремясь получить совершенное сечение микроскопической толщины – только так потом просвечивающий электронный микроскоп даст наиболее четкие изображения. Работа требовала напряжения, а у Мелоди тряслись руки, и это значительно усложняло задачу. Несколько раз она вынуждена была прерываться, делать несколько глубоких вдохов и говорить себе, что у убийцы нет никаких причин возвращаться, что он завладел всем необходимым и ему даже в голову не может прийти мысль о сделанных ею дубликатах. Когда полировка закончилась, Мелоди отнесла образец в помещение, где находился ТЭМ¹⁶, включила аппарат и стала ждать, пока тот нагреется. Тут она заметила лежащий рядом с микроскопом раскрытый журнал. В глаза ей бросилась последняя запись, сделанная четким косым почерком:

Исследователь: Айэн Корвус.

Местонахождение ископаемого/номер образца: Высокие Плоскогорья/необитаемая территория в р-не р. Чама, Нью-Мексико. Тираннозавр рекс, образец №1.

Примечания: Третий этап анализа замечательного фрагмента позвоночника тираннозавра рекса. Невероятно! Историческое значение данной находки огромно. – А.К.

Третий этап? Полистав журнал назад, Мелоди обнаружила еще две записи, обе – внизу страницы, где Корвус, очевидно, нашел несколько свободных строк. Мелоди догадывалась о

¹⁶ ТЭМ – другое название просвечивающего электронного микроскопа, от англ. transmission electron microscope.

чем-то подобном, но не думала, что все будет выглядеть так вопиюще. Этот негодяй заранее планировал присвоить себе результаты ее работы, целиком и полностью. А она, вежливый и покладистый техник, практически позволила ему выполнить задуманное. Мелоди прошла к сканирующему микроскопу, пролистала другой журнал, и там тоже нашла аналогичные «дутые» записи. Так вот чем Корвус занимался в лаборатории прошлой ночью – выкрадывал результаты ее труда и подделывал рабочие журналы.

Мелоди тяжело дышала. Почти с первого класса она мечтала о карьере ученого и потом, становясь старше, лелеяла мысль, что наука – единственная сфера приложения человеческих усилий, где люди руководствуются альтруистическими мотивами и работают не для собственного блага, а ради развития всеобщего знания. Мелоди всегда верила: наука – это поле деятельности, в котором труд вознаграждается должным образом.

Как наивно.

Меньше двенадцати часов назад здесь, в лаборатории, убили человека. Убили из-за окаменелости. Убийцей мог быть сотрудник музея, посторонний исследователь, да кто угодно. Напуганная тем, что никому нельзя доверять, Мелоди твердо решила работать быстро и четко, закончить начатое и вывести все тайны, которые еще заключает образец. А потом обнародовать результаты исследований.

Только так она сможет полностью себя обезопасить.

Ей нужно оказаться первой, нужно прорваться в печать быстрее убийцы с его краденными сведениями. Если Мелоди подробно опишет все результаты и представит их в электронное издание «Палеонтологического журнала», то они пройдут экспертную оценку и будут опубликованы в Интернете в течение трех дней.

Естественно, Мелоди воздаст должное Корвусу за его довольно несущественный вклад: он ведь лишь снабдил ее образцом. Откуда окаменелость взялась, кому принадлежала, как попала Корвусу в руки – эти вопросы к работе Мелоди отношения не имеют. Конечно же, разгорятся споры. Возможно, образец краденый, возможно, его изначально добыли незаконным путем. Однако Мелоди тут совершенно ни при чем: ей дали исследовать окаменелость, что она и сделала. Как только результаты исследований будут опубликованы, всякая опасность исчезнет. Убивать Мелоди станет просто незачем.

Тогда-то она и сможет предъявить собственный счет.

2

В своем укрытии за огромным валуном Мэддокс улегся поудобнее, вытянув ногу и пошевелив ступней, чтобы размять затекшую лодыжку. Солнце жгло шею так, будто до нее дотрагивались раскаленным железом. Пот сочился по голове и лицу, и от него саднило царапины. Рана на бедре болела невероятно – туда явно попала инфекция.

Он вытер лицо рукавом, сморгнул пот с ресниц. Язык у Мэддокса словно покрылся слоем ржавчины, губы потрескались. Господи, ну и жажда. Прошло уже двадцать минут, а Бродбенты все не показывались. Мэддокс посмотрел в оптический прицел, обвел взглядом пустынный каньон. Неужели они пошли неизвестным ему окольным путем или, может, даже нашли воду? Если да, тогда их путь теперь лежит в другом направлении, на север, к Льявесу. А если Мэддокс упустил Бродбентов...

И вдруг они появились.

Пристраиваясь к оптическому прицелу и опуская палец на горячий изгиб спускового крючка, Мэддокс заставлял себя расслабиться и выждать, пока Бродбенты окажутся в пределах двухсот ярдов. Видна была рукоятка пистолета за поясом у ветеринара. У него не будет времени даже выхватить оружие, не то что выстрелить. Да если и будет, толку-то палить с двухсот ярдов?

Через минуту они подошли на нужное расстояние.

Мэддокс надавил на спусковой крючок, дал длинную очередь, винтовка задержалась. Он поднял голову и увидел обоих Бродбентов, бегущих назад в ущелье. *Обоих.*

Что за черт?..

Мэддокс промахнулся. Он снова прицелился, взял на мушку женщину, дал еще одну очередь и еще, но пули взрывали песок, пролетая высоко над головами Бродбентов, которые зигзагами бежали к стене ущелья. Они намеревались уйти, скрыться за поворотом.

Негодующе взревев, Мэддокс вскочил, поставил винтовку на полуавтоматический режим и стал спускаться вниз по осыпи. Остановился, упал на одно колено, выстрелил еще раз. Это была глупость – Бродбенты уже были под прикрытием каменной стены.

Как Мэддокс мог промахнуться? Что с ним такое? Он вытянул перед собой руку, сжал и разжал кулак и поразился, до чего же рука сильно дрожала. Мэддокс был вымотан, изранен, мучился от жажды, возможно, у него начинался жар, и все-таки как промах вообще оказался возможным? И вдруг Мэддокс догадался. Он не привык стрелять с такой большой высоты и неверно рассчитал траекторию пули, летящей вниз. Надо было сделать пробный выстрел и постепенно пристреляться.

А он слишком торопился выпалить.

И все равно, раз каньон имеет отвесные склоны, уходящие далеко назад, Бродбентам отсюда никуда не деться. Мэддокс еще может пуститься за ними в погоню и прикончить их – вот только бы догнать.

Он перекинул винтовку через плечо и побежал. Через минуту поворот уже остался позади. Мэддокс видел бегущих Бродбентов, впереди, в трехстах – четырехстах ярдах от себя. Мужчина помогал женщине. Даже на таком расстоянии было заметно, что она ослабела. Неудивительно: сутки с лишним без еды, да и жажда мучит Бродбентов ничуть не меньше, чем Мэддокса. К тому же женщина ранена в ногу.

Он бежал за ними не слишком быстро, в одном темпе. Рыхлый песок затруднял бег, но это давало Мэддоксу преимущество. Он делал широкие шаги и берег силы, твердо веря: Бродбентов можно будет измотать длительным преследованием. Условия для погони вообще были отвратительные: песок раскалился, пылавшее в небе солнце слепило глаза. Поначалу Бродбенты запаниковали и, несясь во весь дух, сильно вырвались вперед, однако Мэддокс бежал размеренно, и вскоре они начали спотыкаться и снижать скорость. Еще один поворот, другой, третий – преследование продолжалось. Миновав третий поворот, Мэддокс увидел, что женщина уже практически выбилась из сил, и муж ее поддерживает. Джимсон сократил расстояние между собой и беглецами ярдов до двухсот, даже меньше, и все равно не торопился, не ускорял бег. Теперь ему было ясно: он превзойдет Бродбентов по выносливости и в конце концов настигнет их. Они скрылись за очередным поворотом. Когда и Мэддокс забежал за угол, Бродбенты оказались еще ближе. Было слышно, как Том разговаривает с Салли, подбадривает ее, помогая двигаться дальше.

Мэддокс упал на одно колено, прицелился, выпустил очередь. Бродбенты бросились наземь, и Мэддокс воспользовался случаем, чтобы еще сократить расстояние между ними и собой. Они едва-едва поднялись, а он был уже меньше чем в ста ярдах от них. Бродбенты скрылись за очередным поворотом, через секунду свернул и Мэддокс.

Салли опять упала, и муж помогал ей встать. До них оставалось уже сорок ярдов. Ну и пусть руки трясутся, тут попасть пара пустяков. Бродбент поставил жену на ноги, та пошатнулась. Дальше они не побежали, а повернулись и с вызовом посмотрели на Мэддокса.

Он прицелился, но потом раздумал стрелять и подошел ближе. Двадцать пять ярдов. Отключил автоматический режим, опустил на колено и выстрелил.

Щелк!

Ничего. После нескольких выпущенных подряд очередей магазин был пуст. И тут Бродбент, буквально обезумев, кинулся к Мэддоксу. Джимсон нашарил свой пистолет, выстрелил, но женщина прыгнула на него, как дикая кошка, и схватила пистолет двумя руками. Они сцепились, пытаясь вырвать оружие друг у друга, покатались по земле, и вот Мэддокс, завладев пистолетом, надел на женщину, приставил дуло ей к виску и стал неловко просовывать палец к спусковому крючку.

Тут он почувствовал, как ему самому к затылку приставили пистолет. Это был

Бродбентов револьвер 22-го калибра.

– Считаю до трех, – сказал Бродбент.

– Я ее прихлопну! Точно прихлопну!

– Раз.

– Клянусь, я ей вышибу мозги! Я не шучу!

– Два.

Понимая, что на два выстрела времени не хватит, Мэддокс извернулся, рванулся к Бродбенту и выпалил, не целясь, но попав чуть ли не в лицо. Том упал. Мэддокс прицелился, выстрелил для верности еще раз и нанес Бродбенту страшный удар в пах. И тут внезапно руку Джимсона свело, а пистолет выстрелил снова, уже сам. Одновременно Мэддокса словно резко дернули за ногу, и она мгновенно онемела. На песок брызнула темно-красная струя. Оказывается, эта сучка Бродбент, лежа на земле, дала ему пинка.

– Нога! – взвыл Мэддокс, роняя пистолет. Он бешено рванул брюки, пытаясь прикрыть свою рану. – Моя нога! – Кровь хлестала сплошным потоком, *его* кровь, и ее было так много! – Я истеку кровью!

Женщина отступила, держа Мэддокса на мушке его же собственного «глока». Отойдя на достаточное расстояние, она подняла пистолет, прицелилась как следует, и по ее манере держать оружие Мэддокс понял: стерва умеет с ним обращаться.

– Нет! Подожди! Пожалуйста!

Она не стала стрелять.

Но этого уже и не требовалось. Кровь, бившая из разорванной бедренной артерии Мэддокса, насквозь промочила обе штанины.

Женщина засунула пистолет за пояс и торопливо опустилась на колени перед раненым Бродбентом, лежавшим на песке. Мэддокс смотрел на нее, и его переполняло облегчение оттого, что она не выстрелила и он еще жив. Джимсон чувствовал струящиеся по щекам слезы благодарности, но вот у него началось головокружение, и стены ущелья заплясали, заходили ходуном. Мэддокс попробовал встать, однако, не сумев даже поднять голову из-за страшной слабости, упал обратно на песок – неодолимое бессилие словно придавливая его к земле.

– Нога... – прохрипел он.

Ему хотелось посмотреть на свою ногу, но не получалось, мешала слабость. Теперь он видел лишь высокое синее небо над головой. И Мэддокс начал как бы отдаляться от происходящего, будто стал дымом и теперь поднимался, рассеивался, растворялся, превращаясь в ничто.

А потом он и в самом деле стал ничем.

3

Уайман Форд остановился около каменной колонны и постоял, прислушиваясь. Вокруг царил тишина. Но ведь только что до него отчетливо доносились выстрелы – три очереди, выпущенные из автоматического оружия, вполне возможно – из винтовки М-16, а за ними последовали два выстрела, прозвучавшие глуше, – это, вероятно, был крупнокалиберный пистолет. Звуки, похоже, раздавались на дальнем крае Места Дьявольских Игрищ, наверное, в миле к северо-востоку, за беспорядочным нагромождением камней.

Форд подождал, надеясь услышать еще что-нибудь, но после немногих выстрелов все стихло.

Он отошел в тень. Происходило нечто из ряда вон выходящее. Если подготовка, полученная в ЦРУ, чему-то его и научила, так это следующей истине: выживает тот, кто обладает более ценной информацией. Оружие, высадка десантников и высокотехнологичное оснащение играют не столь важную роль. В схватках побеждают в первую очередь благодаря информированности. Ее-то Форду сейчас и не хватало.

Он поболтал флягой, встряхивая воду, отвинтил крышку, отпил немного. Оставалось

примерно пол-литра, а ближайший источник воды находится, по всей вероятности, милях в двадцати. Форду нужно идти прямо к воде, больше делать нечего. Однако выстрелы раздавались недалеко, и на пересечение долины – а они донеслись с другого ее конца – понадобится каких-то двадцать минут.

Форд повернул назад, твердо решив выяснить, что происходит. Он пошел на северо-восток через Место Дьявольских Игрищ, направляясь к устью каньона и минуя цепочки низких песчаных дюн. Форд перелез через несколько плоских камней, пересек ряд холмиков мелкого каменного мусора и золы, прыгнул в сухое русло и продолжал свой путь.

Противоположный край Места Дьявольских Игрищ имел еще более странный вид, чем рисовал в своем воображении Форд. Стены каньона с обеих сторон словно расступались, песчаник перемежался с глинистым сланцем и вулканическим туфом. Во многих боковых каньонах, заканчивающихся тупиками, громоздились голые куполообразные валуны и виднелись узкие полосы песка, смешанного с камнями. Вся местность состояла из сплошных неровностей. И ведь где-то здесь находился немыслимо громадный окаменевший динозавр.

Форд покачал головой. Каким же он был глупцом, до сих пор думая лишь о поисках ископаемого. Выбраться бы отсюда живым, унести бы ноги.

4

Том открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Салли. Ее светлые волосы падали ему на лицо, он чувствовал их запах. Салли осторожно прикладывала к его голове кусок ткани.

– Салли? С тобой все в порядке?

– Со мной все отлично. Это тебя вот пуля задела. – Салли попыталась улыбнуться, хотя ее голос дрожал. – И ты какое-то время пролежал в отключке.

– А он?

– Умер. Вроде бы.

Том успокоился.

– А долго я?..

– Всего несколько секунд. Боже мой, Том, я подумала... – Голос ее прервался. – Еще четверть дюйма вправо, и... ладно, не важно. Черт, ты такой везунчик.

Том попробовал подняться и поморщился – в голове болезненно загудело.

Салли снова уложила его на спину.

– Я еще не закончила. Тебя царапнуло, возможно, есть контузия, но кость не повреждена. Твердолобый ты мой. – Она перевязала ему голову полоской голубого шелка. – Пусть Армани займется дизайном повязок. Ты смотришься обалденно.

Том попробовал улыбнуться, сморщился.

– Слишком туго?

– Нет, хорошо.

– Кстати, я тебя еще даже не поблагодарила. Здорово ты тогда с тем незаряженным пистолетом...

Он коснулся ее пальцев. На минуту Том и Салли застыли, держась за руки.

– Помоги-ка мне сесть, – попросил Том. – Вроде в голове проясняется.

Салли приподняла его, затем помогла ему встать на ноги. Том покачнулся, но головокружение быстро прошло.

– Ты точно нормально себя чувствуешь? – спросила Салли.

– Я о тебе гораздо больше беспокоюсь, чем о себе.

– Я придумала: давай поменяемся беспокойствами.

Том, стараясь не обращать внимания на жажду, принял наиболее устойчивое положение. Он увидел человека, распростертого на песке – подонка, который похитил, а потом пытался изнасиловать и убить его жену. Мертвец лежал на спине, вытянув руки вдоль туловища, и походил на спящего. Ноги он держал прямо; на джинсах, на правой штанине,

зияло большое отверстие – туда попала пуля. Штанина почернела от крови, вытекшей из бедра. Огромная ее лужа постепенно впитывалась в песок.

Том опустился на колени. У человека было худое, небритое лицо со впалыми щеками, черные волосы, засыпанные пылью. Он почти улыбался, расслабив губы и запрокинув голову, так что виднелся заросший щетиной выступающий кадык. Из уголка рта выбежала струйка слюны. Неплотно прикрытые глаза напоминали щелочки.

Том пощупал ему шею и, потрясенный, почувствовал биение пульса.

– Он мертв? – спросила Салли.

– Нет.

– Что будем делать?

Том попробовал разорвать мокрую штанину, но джинсы сидели чересчур туго. Он вытащил у человека из-за пояса охотничий нож, извлек его из чехла, разрезал штанину и развел в стороны две половинки ткани. Бедра и пах превратились в кошмарное месиво, а вытереть кровь, чтобы как следует осмотреть рану, Тому было нечем. Пуля прошла насквозь и вышла под коленом, ни кожи, ни мышц там практически не осталось. Кровь сочилась до сих пор.

– Похоже, повреждена бедренная артерия.

Салли смотрела в сторону.

– Помоги мне оттащить его в тень, поближе к скале.

Они прислонили раненого к склону ущелья. Отрезав от его рубашки кусок ткани, Том смастерил жгут, который наложил на рану достаточно свободно, только чтобы перестала течь кровь. Он пошарил у человека в карманах, в поисках удостоверения личности вытащил бумажник. Открыл, достал водительские права, выданные в штате Огайо. На них была фотография мужчины с нахальным взглядом и самоуверенной кривой ухмылкой. Настоящий психопат.

– Джимсон Э. Мэддокс, – вслух прочитал Том и посмотрел на лицо похитителя своей жены – оно выглядело удивительно миролюбивым.

Бродбент обыскал бумажник, вынул толстую пачку наличных денег, кредитных карт, квитанций. Внимание его привлекла замызганная визитка.

Айэн Корвус, доктор философии, выпускник Оксфордского университета
Помощник смотрителя музея
Отдел палеонтологии позвоночных
Музей естественной истории
Музейный проезд, 1
Нью-Йорк, NY 10024

Том перевернул визитку. На обратной стороне твердым почерком был записан адрес клуба, номера мобильных телефонов, электронные адреса. Он протянул визитку Салли.

– Вот на кого он работал, – сказала она. – Вот кто вытащил его из тюрьмы.

– Трудно поверить, что ученый из крупного музея окажется соучастником похищения, кражи и убийства.

– Если ставки высоки, некоторые готовы пойти на все.

Салли отдала визитку Тому, и он убрал ее себе в карман вместе с обнаруженными водительскими правами. Просмотрел остальные отделения бумажника, потом быстро обыскал карманы раненого. Нашел похищенный блокнот, достал его, поднес к глазам.

– Да, подумать только... – сказала Салли.

Блокнот тоже перекинул Тому в карман. В небольшой портупее, пристегнутой к поясу Мэддокса, обнаружился запасной магазин с патронами к пистолету. Том огляделся и увидел сам пистолет, валявшийся на земле, там, где Салли его уронила. Он засунул оружие себе за ремень и перепоясался портупеей.

– Ты правда считаешь, что это снаряжение тебе пригодится? – спросила Салли.

– У него может быть помощник.

– Не думаю.

– Никогда ведь не знаешь наверняка.

Больше ничего достойного внимания Мэддокс при себе не имел. Том еще раз проверил пульс раненого. Пусть прерывистый, он все же прощупывался. Том думал, что уж лучше бы Джимсон Мэддокс умер – меньше сложностей. Его слегка поразила невозможность испытать хотя бы крошечную жалость к этому человеку.

Том поднялся, морщась от неприятной пульсации в голове и боли в стертых, покрытых ссадинами ногах. Винтовка Мэддокса лежала на песке, в нескольких футах от них. Тащить ее с собой? Нет, ни в коем случае. Том поднял винтовку, выдвинул пустой магазин, отшвырнул его в сторону. В портупее лежал еще один, Том опорожнил и этот, высыпал патроны на песок, выбросил сам магазин. Сказал Салли:

– Пошли.

– А он?

– Мы только одно можем для него сделать: выбраться отсюда и поискать помощь. Если уж говорить начистоту, то жить ему осталось недолго. – Том приобнял Салли. – Ты готова?

Держась за руки и помогая друг другу, они медленно, прихрамывая, пошли вниз по высохшему руслу. Десять минут прошагали молча, и тут Том в изумлении остановился.

К ним навстречу спешил, подняв руку, человек в сутане. Это был монах, Уайман Форд.

– Том! – позвал человек, уже не шагавший, а бежавший бегом. – Том! – Монах, отчаянно размахивая руками, неся к Тому и Салли. В ту же минуту Том услышал слабое гудение и увидел, как небольшой самолетик без иллюминаторов, с выпуклым носом, влетев в каньон, медленно повернулся по направлению к ним.

5

Мелоди, не отрываясь, смотрела на монитор компьютера – там прокручивались результаты последнего исследования образца с помощью микрозонда. Мелоди дважды моргнула, сделала вращательные движения глазами сначала в одну сторону, потом в другую, пытаясь сфокусировать взгляд на экране. Странно: она чувствовала одновременно и невероятную усталость, и подъем. В голове у нее сильно шумело, как после целого бокала martinis. Мелоди подняла глаза на большие часы, висевшие в лаборатории. Четыре часа дня. На ее глазах минутная стрелка, тихонько клацнув, чуть продвинулась вперед. Мелоди провела без сна более пятидесяти часов.

Щелкнув по клавише, она загрузила данные. Мелоди исследовала образец всеми возможными способами и нашла ответы практически на все основные вопросы. Лишь «венерины зеркальца», что называется, «повисли в воздухе». Она твердо решила с ними разобраться до представления своей статьи к публикации в Интернете. В противном случае за нее это сделает какой-нибудь другой ученый, а ведь она уже подошла к разгадке совсем близко.

Мелоди взяла последний из приготовленных срезов образца, положила на предметное стекло поляризационного микроскопа. При 500-кратном увеличении «венерины зеркальца» едва просматривались – крошечные черные точки, тут и там теснившиеся внутри клеток. Мелоди сняла срез с предметного стекла, поместила в микроступку и аккуратно измельчила, постепенно доведя до порошкообразного состояния, а получившийся порошок пересыпала в пластмассовую мензурку.

Мелоди прошла к шкафчику, который обычно держали закрытым, и достала оттуда бутылку с двенадцатипроцентной фтористоводородной кислотой. Было несколько неблагоприятно после длительного напряжения и отсутствия сна брать в руки столь опасный химикат, вообще-то способный растворить стекло. Однако только эта кислота годилась для необходимого Мелоди полного растворения замещающего минерала без повреждения углеродной оболочки «венериних зеркалец». Она хотела высвободить «зеркальца», чтобы посмотреть на них, так сказать, в натуральном виде.

Мелоди поднесла бутылку к вытяжному колпаку и поставила в гнездо с пометкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ФТОРИСТОВОДОРОДНЫХ КИСЛОТ». Затем надела защитные очки, нитриловые перчатки, резиновый фартук и нарукавники. Чтобы уберечь лицо, опустила вытяжной колпак почти до конца, включила его и приступила к работе.

Мелоди отвинтила крышку и налила небольшое количество кислоты в пластмассовую пробирку с измельченным образцом, отчетливо сознавая: попадание хотя бы одной капли химиката на кожу может оказаться смертельным. Понаблюдала, как порошок вспенился и местами потемнел. Выдержала время с точностью до секунды. Когда реакция закончилась, Мелоди немедленно разбавила кислоту в пропорции пятьдесят к одному, чтобы остановить процесс, затем слила излишек и разбавила его во второй и в третий раз.

Мелоди подняла к свету пробирку с получившейся массой: на доньшке тонким слоем лежал минеральный осадок, а в нем наверняка должно было содержаться определенное количество нужных частиц.

С помощью микропипетки исследовательница собрала практически весь осадок, высушила его над нагревателем, затем, воспользовавшись специальной воронкой и раствором натриевого метавольфрамата, заставила более легкие компоненты осадка подняться над более тяжелыми. Когда и этот процесс завершился, Мелоди набрала в микропипетку небольшое количество жидкости, содержащей частицы, и накапала ее на ячеистое предметное стекло – таким образом частицы распределились по ячейкам. Произведя быстрый подсчет при стократном увеличении, Мелоди обнаружила около тридцати «зеркалец», в основном неповрежденных и практически полностью очищенных от разнообразных лишних примесей.

Она сосредоточилась на одной особенно хорошо сохранившейся частице, усилив увеличение до 750 раз. Частица сразу стала видна гораздо отчетливее, заполнила собой весь объектив. Мелоди рассматривала ее с растущим недоумением. Частица еще сильнее, чем раньше, напоминала символ Венеры – углеродная сфера с длинненьким ответвлением, как бы перечеркнутым на конце. Мелоди открыла рабочий блокнот и тщательно зарисовала частицу.

Закончив, Мелоди откинулась на спинку кресла и посмотрела на свой рисунок. Она была совершенно поражена. Частица не походила ни на какое вкрапление, которое могло бы выкристаллизироваться в окаменелости естественным путем. На самом деле Мелоди вообще еще не видела ничего подобного, разве только радиолярию – еще будучи старшеклассницей и трудясь над школьным исследованием, Мелоди провела несколько дней за ее изучением и рисованием. Эта частица определенно имела биологическое происхождение – хотя бы в этом сомневаться не приходилось.

Мелоди перенесла приблизительно полдюжины «венериних зеркалец» с ячеистого стекла на предметный столик сканирующего электронного микроскопа. Поместила в вакуумную камеру, приготовила к сканированию. Нажала на кнопку, и аппарат негромко загудел, выкачивая из камеры воздух.

Настало время взглянуть на эти штуковины «в чистом виде».

6

Масаго стоял посреди беленого монастырского помещения, теперь превратившегося в станцию наземного управления «Хищником». Взгляд Масаго застыл на плоском экране, показывающем панораму, которая находилась в поле зрения главной камеры самолета. На грубом деревянном столе теснились сложнейшие электронные приборы, за ними следили три оператора. Главный, в особом шлеме для моделирования условий полета, был боевым контролером из 615-й специальной тактической летной группы. На пульте, за которым он работал, имелись все те же самые устройства, что и на приборной панели обычного самолета: ручка управления, указатель воздушной скорости, компас, альтиметр, рычаг управления дросселем, а еще – координатная ручка, как в F-16.

На секунду Масаго быстро перевел взгляд с экрана на двоих помощников оператора. Они работали сосредоточенно, не замечая ничего, с головой уйдя в электронный мир. Один следил за загрузочным пультом – массой клавиш, дисплеев, рубильников и цифровых счетчиков, отвечавших за наблюдательные и зондирующие функции «Хищника». Этот компактный самолет весом в четыреста пятьдесят фунтов вмещал электрооптические и инфракрасные камеры, радар с синтетической апертурной решеткой на случай неблагоприятных погодных условий, а также черно-белую видеокамеру DLTV с 955-миллиметровым объективом и возможностью менять масштаб изображения. Кроме того, на борту «Хищника» имелаась инфракрасная система переднего обзора с шестью полями зрения – от 19 до 560 миллиметров.

Остальные солдаты находились снаружи, у вертолета. Их черед действовать настанет позже.

Масаго посмотрел на другого помощника оператора, управлявшего тремя многоспектральными системами наведения с лазерным целеуказателем, дальномером, радиоэлектронным обеспечением и радиолокационным противодействием, а также индикатором движущихся объектов. «Хищник» уже израсходовал на монаха одну из двух своих ракет.

Масаго переключил внимание на главный экран и буквально окаменел.

– Кое-что есть, – прошелестел у него в наушниках бесстрастный голос одного из операторов.

На экране – двое. К ним подходит третий, до которого какая-то сотня ярдов. Чуть дальше в ущелье, где-то в четверти мили от них, – распростертая на земле фигура.

– Дайте крупный план самого южного объекта. Девятьсот миллиметров.

На экране возникло новое изображение. Человек, прислоненный к стене каньона. Под ним огромное пятно – кровь. Человек мертв. Масаго, допросив детектива Уиллера, знал и о монахе, и о тех двоих. Но этот третий, мертвец, был ему незнаком.

– Назад на двести сорок.

Масаго вновь увидел три фигуры. Та, что находилась севернее, вдруг бросилась бежать. На секунду мелькнуло побелевшее, запрокинутое вверх лицо. Это неугомонный агент ЦРУ, якобы монах. От удивления Масаго широко раскрыл глаза: «монах», оказывается, остался жив после взрыва ракеты.

– Похоже, мы по нему промазали – по тому, который в юбке, – пробормотал оператор, контролировавший системы наведения.

Масаго сосредоточенно склонился к экрану, разглядывая изображение так пристально, словно хотел постигнуть какой-то его неведомый смысл.

– Покажите мне средний объект.

Камера резко переключилась, во весь экран возникла мужская фигура. Бродбент. Вот кто нужен в первую очередь Масаго, вот кто в данном случае играет решающую роль. Бродбент нашел умирающего охотника за динозаврами и, следовательно, именно ему наверняка известно точное местонахождение ископаемого. Если верить Уиллеру, то и жена Бродбента, и монах имеют отношение к делу, однако общая картина все равно не ясна. Да это и не требуется. Задача Масаго проста: узнать о местонахождении окаменелости, очистить территорию от лиц, не уполномоченных на ней присутствовать, добыть динозавра и улететь. Пусть потом какая-нибудь бумажная крыса расписывает детали для секретного отчета.

– Назад на сто шестьдесят миллиметров, – приказал Масаго оператору загрузочного пульта.

На экране сразу возникло прежнее изображение. Все три фигуры спешили укрыться у стен каньона.

– Активируем селектор движущихся целей, – сказал оператор.

– Нет, постойте, – вполголоса произнес Масаго.

Оператор озадаченно взглянул на него.

– Объекты необходимы мне живыми. Да, монах тоже.

– Есть, сэр.

Масаго оглядел изображение каньона. Глубина ущелья составляла восемьсот футов. Стены его как бы постепенно расступались и сначала образовывали подобие расширяющегося бутылочного горлышка, а потом за ними открывалась обширная каменистая долина. Немногочисленные боковые каньоны все до единого заканчивались тупиками. Пространство практически замкнутое, но у беглецов появляется возможность...

– Видите место, где каньон сужается? На вашем экране эта точка соответствует приблизительно двум часам, если уподобить экран циферблату.

– Да, сэр.

– Туда вам и надлежит целиться.

– Сэр?

– Ракета должна ударить в тот склон каньона. Камни, которые при этом обрушатся, преградят им дальнейший путь. У нас появится шанс поймать их в ловушку.

– Да, сэр.

– Курс один восемьдесят, спуск до двух тысяч, – сказал оператор-пилот.

– Вижу неподвижную цель. Готов к сбросу ракеты.

– Ждите моего сигнала, – тихо сказал Масаго в микрофон. – Еще не время.

Он уже понимал, что ракета опять полетит мимо цели. Обод каньона резко ушел вверх, и фигуры людей вдруг пропали за тысячефутовой каменной стеной.

– Проклятие, – пробормотал оператор-пилот.

– Курс один шестьдесят, – сказал Масаго. – Идите на снижение, пусть самолет летит прямо над каньоном.

– Они заметят...

– Это нам и нужно. Самолет должен зависнуть над ними. Доведем их до паники.

Самолет начал закладывать вираж, изображение на экране сместилось.

– На пятьдесят миллиметров.

На экране вновь возник крупный план. Масаго были видны оба края каньона. Когда «Хищник» снова оказался в поле зрения, появились и три объекта: три черных муравья, бегущих вдоль отвесного склона по направлению к долине.

– Цель видна хорошо, – негромко проговорил оператор.

– Ракету сбрасывать еще рано, – так же тихо ответил Масаго.

Крупный план на его экране позволял увидеть, что каньон делает изгиб, за которым тянется прямой участок длиной как минимум в четыреста ярдов. Все это напоминало погоню за антилопой гну на вертолете. Масаго наблюдал за фигурками, и с высоты казалось, будто они движутся медленно и беспомощно, словно насекомые. Не очень-то разбежишься, когда ты зажат между крутыми склонами высотой в восемьсот футов. Они миновали поворот и теперь бежали по ровному участку, продолжая жаться к стене в надежде, что там обретут убежище.

– Перед тем как выпускать ракету, – прошептал Масаго, – переключите меня на видеосигнал, который поступает с нее.

– Есть, сэр. Цель находится у меня в поле зрения.

– Ждите...

Воцарилось долгое молчание.

Люди, спотыкаясь, бежали по каньону. Обессилели, ясное дело. Женщина упала, муж и монах помогли ей подняться. До склона ущелья, в который должна была ударить ракета, им оставалось четыреста ярдов. Триста пятьдесят. Триста двадцать пять...

– Приготовились. Огонь!

Изображение на экране снова дернулось – шло переключение на видеосигнал, идущий от встроенной в ракету камеры. Сначала возникла только полоска неба, потом – стремительно приближающаяся земля, затем – левый склон каньона, верхняя его часть. Изображение перестало дрожать. Склон быстро увеличивался в размерах – ракета осуществляла наведение с помощью лазера. Как только она ударила в цель, видеосигнал

автоматически снова стал идти от камеры, находящейся на борту «Хищника», и вот Масаго уже опять смотрел сверху и видел беззвучно взметнувшееся вверх облако пыли, перемешанной с каменными обломками. Фигурки замерли, припав к земле. Масаго выжидал. Ему нужно было, чтобы они перенесли тяжелое потрясение, но остались живы.

Слабый ветерок начал теснить пылевое облако на юг, прочь из каньона. Фигурки, вновь возникшие в поле зрения, побежали в обратном направлении, туда, откуда пришли.

– Посмотрите только, ну они и припустили, сволочи.

Масаго улыбнулся.

– Поднимите самолет на предельную высоту и продолжайте следить за ними. «Хищник» свое дело сделал. Они теперь наши – три крысы на горячей плите.

7

Том бежал следом за Салли. Грохот взрыва до сих пор отдавался у него в ушах. Поднявшаяся пыль неслась по каньону вслед за ними. Они добрались до выступа в стене и укрылись там. Тяжело дыша, Том оперся о скалу. Их нагнал Форд.

– Что за чертовщина такая творится? – выдохнул Бродбент.

Монах только покачал головой.

– Как называется штуковина, которая в нас стреляла?

– Беспилотный самолет. Он все еще над нами, следит. Но ракет у него больше нет. На таких самолетах бывает только по две.

– Безумие какое-то.

– Сдается мне, самолет сбросил ракету, чтобы заблокировать выход из каньона. Они хотят устроить нам ловушку.

– Кто это – они?

– Позже объясню, Том. Сначала надо отсюда выбраться.

Том, прищурившись, повертел головой, присмотрелся к обоим склонам ущелья. Взгляд его остановился на широкой косой трещине, на дне которой длинненькой горкой лежала осыпь. В этой наклонной расселине имелось множество выступов – их образовали обломки, когда-то упавшие и напрочь засевшие в скале. Они вполне послужат естественными точками опоры для рук и ног.

– Кое-что вижу, – сказал Том. – Мы можем взобраться наверх вон по той трещине. – Он обернулся к Салли. – Ты сможешь?

– Ну конечно.

– Вы, Уайман?

– Запросто.

– Будет удобнее лезть по правой стороне, двигаясь вон к тому уступу.

Форд сказал:

– Полезайте первым.

– Да, ни когда я еще не забредал так далеко в Высокие Плоскогорья.

Том посмотрел на свои итальянские ботинки ручной работы за четыреста долларов. Они были истрепаны до неузнаваемости, но пока держались. Все-таки подошва резиновая. Он запрокинул голову и увидел лениво клубящееся в вышине облако пыли, еще не осевшей после взрыва: на небо словно набросили желтовато-серое покрывало.

– Пошли.

Том ухватился за первый выступ, подтянулся.

– Смотрите, где я берусь руками и куда ставлю ноги, и в точности копируйте мои движения. Будем держаться на расстоянии примерно десяти футов друг от друга. Салли, ты полезешь после меня.

Том оперся коленом о камень, снова осторожно подтянулся. Рот у него был словно набит гравием, но он старался не обращать на это внимания. Мучительнейшая жажда давно уже перестала быть просто жаждой и превратилась в физическую боль.

Подъем был крутым и тяжелым, однако выступов попадалось предостаточно. Том лез аккуратно, каждую минуту оглядываясь и проверяя, как там Салли. Крепкая от природы, она быстро освоила технику. Форд, не выказывая ни малейшего страха, карабкался по-обезьяньи, без видимых усилий. Они поднимались выше и выше, а внизу разверзалась огромная, жуткая пропасть. При взгляде на отвесную песчаниковую стену начинала кружиться голова. Том, Салли и Форд взбирались без страховки, без кольев и канатов, вообще без всего. Альпинисты образно называют такие подъемы «не оступись» – кто оступится, того ждет верная смерть.

Том сосредоточил взгляд на противоположной скале. Он уже не чувствовал усталости, ибо перешел границы собственных возможностей.

Взобравшись на небольшой уступ, они остановились. Форд достал флягу.

– Господи, неужели вода? – спросила Салли.

– Здесь совсем чуть-чуть. Выпейте по паре глотков.

Салли дрожащими руками обхватила флягу, отпила. Потом передала флягу мужу. Том тоже глотнул. Вода была теплая и отдавала нагретой пластмассой, но ему казалось, он в жизни не пробовал более восхитительного напитка. Потребовалось огромное усилие воли, чтобы остановиться. Форд принял флягу у него из рук и, не сделав ни глотка, убрал в рюкзак.

– Вы не пьете?

– Мне не нужно, – коротко ответил он.

Том поднял голову. Слабое, похожее на комариный писк гудение самолета слышалось до сих пор, но видно ничего не было. Том прижался спиной к камню, снова пытаясь осмыслить недавнее нападение.

– Что же, черт возьми, происходит?

– Нас преследует беспилотное воздушное средство под названием «Хищник». Стоит оно сорок миллионов долларов и все до последнего винтика засекречено.

– Но почему эта штуковина за нами охотится?

Форд покачал головой:

– Точно не знаю. Давайте лучше подумаем, как нам двигаться дальше.

Стена каньона буквально излучала жар. Том осмотрел часть склона, которую оставалось преодолеть, наметил, где можно будет пройти, и возобновил подъем. Салли и Форд молча последовали за ним. Они уже находились на высоте как минимум двухсот футов, но взбираться наверх стало легче. Том старался сосредоточиться на камнях в трех дюймах от собственного лица и не думать больше ни о чем. Ему никак не удавалось унять дрожь в левой ноге.

Еще через пять минут отвесная часть скалы была позади. Десять минут спустя, с трудом преодолев оставшиеся крутые скаты и уступы, беглецы достигли вершины.

Салли, тяжело и прерывисто дыша, растянулась на плоских камнях, рядом с ней – Том. Он смотрел вверх, на ясное синее небо. Оттуда не доносилось ни звука, видимо, самолет улетел. Форд достал из кармана изодранную карту, развернул ее.

– Где мы? – спросил Том.

– Здесь это место не обозначено. – Форд сложил карту.

Том поднял голову, разглядывая местность, простиравшуюся перед ними. Вершина плоскогорья представляла собой каменное плато, обширное и гладкое, состоящее из голого песчаника, который ветер и дождь испещрили впадинами. В этих углублениях местами скопился наносной песок, от постоянного ветра легший волнами. Кое-где в трещинах жались к камням истрепанные кустики можжевельника. Через четверть мили плоскогорье заканчивалось, и там уже не было видно ничего, кроме сплошного синего неба. Том сощурился, пристально посмотрел вперед.

– Хочется увидеть, что за краем плоскогорья. Все-таки здесь мы – легкая добыча.

– Мы всюду легкая добыча, когда с неба за нами следит такой глаз.

– Значит, они до сих пор смотрят на нас? – недоверчиво проговорила Салли.

– Увы, это так. И я нисколько не сомневаюсь, что за нами снарядили вертолет. В нашем

распоряжении есть где-то от десяти до двадцати минут.

– С ума сойти можно. Вы действительно не догадываетесь, в чем тут дело?

Форд покачал головой:

– Единственное, что здесь, среди Высоких Плоскогорий, достойно внимания, – так это, насколько мне известно, тот самый динозавр.

– Почему он мог их заинтересовать? По-моему, вероятнее, что бомбардировщик по случайности потерял бомбу или секретный спутник потерпел аварию, да мало ли...

Форд снова покачал головой:

– Почему-то я так не думаю.

– Но даже если тут дело в динозавре, зачем охотиться на нас? – спросил Том.

– Чтобы получить от нас сведения.

– Какие сведения? Мы понятия не имеем, где динозавр.

– Вовсе не факт, что им это известно. У вас блокнот, у меня – графическое изображение данных радара. С помощью либо того, либо другого динозавра можно найти за несколько дней.

– А когда они завладеют всем, что им нужно?

– Тогда они убьют нас.

– Но вы же не считаете, что так и будет, ведь верно?

– Я не считаю, Том. Я это знаю. Они уже пытались убить меня. Впрочем, нам надо идти.

Форд поднялся, Том не без труда последовал его примеру, помог Салли. Монах двинулся по каменному плато своим обычным стремительным шагом. Его коричневая сутана мела землю. Он шел к дальнему краю плоскогорья.

8

Масаго, прикрыв лицо от пыли и мелких камешков, вскочил в вертолет, когда винт уже вовсю вращался. Агент, будто крадучись, прошел мимо семерых бойцов оперативной группы и сел в кресло, помещавшееся в носовой части вертолета и обращенное против хода. Командир экипажа передал ему наушники и микрофон, специальным проводом подсоединенные к потолку. Масаго надел наушники и пристроил микрофон ближе ко рту, а вертолет тем временем поднялся в воздух с открытым люком и, перелетев в каньон, заскользил над плоскогорьями и крутыми холмами, порой проносясь над глубокими ущельями, которые зияющими разломами прорезали землю. Солнце стояло почти в зените, и полуденная жара, казалось, докрасна раскалила камни и песок внизу.

На полу, обтянутом ковровым покрытием, Масаго разложил топографическую карту места проведения операции. Карта имела масштаб 1:24 000. Масаго до сих пор предпочитал бумажные карты электронным, составленным по сведениям, которые давали глобальные системы навигации. Бумага непостижимым образом помогала ему почувствовать местность, чего не могли сделать электронные схемы. На изображениях, передаваемых беспилотным аппаратом, – он незримо кружил на высоте 25 000 футов – были видны люди, выбравшиеся наконец из каньона и направляющиеся к глубокой, сильно пересеченной долине. Найти их там станет гораздо труднее, но без преимуществ тоже не обойдется: долина представляет собой ограниченное пространство, которое можно будет оцепить по периметру.

Разметив карту красным карандашом, Масаго передал ее командиру группы, сержанту первого класса Антону Хитту. Хитт молча изучил карту, затем стал последовательно вводить координаты отмеченных точек в навигационное устройство. Военные получили основные инструкции непосредственно перед взлетом и восприняли их без комментариев, как должное, даже когда Масаго кратко отметил, что, возможно, возникнет необходимость убивать представителей гражданского населения. Разумеется, он сгустил краски, назвав потенциальных жертв биотеррористами, в руках у которых штаммы смертоносного вируса. Большинству людей не под силу усвоить сложные истины, лучше уж все упростить.

Масаго наблюдал за действиями Хитта. У командира группы, немногословного афроамериканца, был высокий смуглый лоб и ясные светло-карие глаза. Хитт отличался прекрасной физической подготовкой и невероятно хладнокровной манерой держаться. Одетый в камуфляжную форму для операций в пустыне и походные ботинки, он имел при себе винтовку М-4 с патронами SPC и коллиматорным прицелом. На поясе у Хитта был револьвер «руджер магнум» 22-го калибра – весьма необычный выбор оружия для спецназовца, который Масаго тем не менее приветствовал. В качестве холодного оружия Хитт избрал нож марки «Трейс Ринальди», и данное предпочтение опять же говорило в его пользу. Масаго позволил Хитту лично принимать решения касательно экипировки, и сержант счел, что отряд должен быть способен к быстрому перемещению налегке, без дополнительных боеприпасов – гранат и запасных магазинов. Солдаты несли флаги емкостью всего в один литр и не надевали кевларовых бронежилетов. Не предполагалось даже легких пулеметов. В конце концов, это не какая-нибудь операция в центре Могадишо, когда вооруженные до зубов громилы могут выпрыгнуть из любого подъезда.

Хитт закончил ввод данных, отдал карту Масаго.

– Четверым солдатам, которых мы сбросим в долину, не придется поддерживать радиомолчание. Вокруг биотеррористов расставляется оцепление, и оно постепенно стягивается. План очень прост. Я люблю, чтобы все было просто.

Масаго кивнул.

– Больше вопросов не имеете?

Хитт покачал головой.

– Сержант Хитт, – медленно заговорил Масаго, – в скором времени я прикажу вам убить нескольких безоружных гражданских лиц. Это не представит для вас сложности? Как только речь пойдет о лишении других людей жизни, вы просто подчинитесь моим распоряжениям. Но вас, случайно, не заинтересовало, почему спецоперация проводится именно на американской территории и почему в ходе ее могут погибнуть граждане США?

Хитт медленно поднял на Масаго свои ясные глаза.

– Сэр, я солдат. Я выполняю приказы.

– Приказы подобного рода поступили ко мне с самых верхов – я получил их от правительства. Поскольку биотеррористы представляют слишком большую опасность, их обезвреживание нельзя доверить органам юстиции. Вам надлежит действовать с максимальной беспощадностью.

– Есть, сэр.

Масаго скрестил на груди руки и откинулся на спинку кресла. Все-таки генерал Миллер оказался прав: Хитт – хороший солдат.

Ритмично гудя, вертолет летел дальше, и вот Хитт, сверившись с навигационным устройством, обратился к одному из военных:

– Хальбер, десятиминутная готовность к сбросу на точку «танго».

Спецназовец, бритоголовый двадцатилетний парень, кивнул и стал напоследок проверять свое вооружение. Летели над длинным и глубоким каньоном, выходящим в долину, куда направлялись «биотеррористы». Прямо под вертолетом подрагивала его тень, смещаясь то вверх, то вниз. Местность представляла собой кошмарное зрелище: всю ее разъели, изъязвили трещины. Незаживающая рана на лице Земли. Масаго с нетерпением ждал возвращения во влажный и теплый Мэриленд, утопающий в зелени.

– Пятиминутная готовность, – сказал Хитт.

Вертолет накренился, заходя на вираж, обогнул крутой каменистый холм и, перелетев через откос, неподвижно завис над тем местом, где боковой каньон выходил на открытое бесплодное пространство. Хальбер встал и взялся за веревочную лестницу, которая лежала, аккуратно свернутая, у люка. Ее выбросили наружу, и Хальбер стал спускаться, вскоре скрывшись из виду.

Через минуту лестницу втянули в вертолет, и он набрал высоту.

– Салливан, – Хитт указал на одного из оставшихся солдат, – сброс на точку

«фокстрот» через восемь минут.

Вертолет снова неся над красноватой пустыней. На севере Масаго различал темные неправильные контуры застывшего древнего потока лавы. Справа, вдалеке, несколько поросших лесом холмов встречались вершинами с цепью заснеженных пиков. Масаго уже успел в достаточной мере оценить дикую красоту этого края.

– Салливан, через минуту будьте полностью готовы.

Салливан закончил осмотр оружия, поднялся, взялся за веревочную лестницу. Вертолет тем временем завис в воздухе. Лестницу спустили вниз, и солдат исчез из виду.

Двенадцать минут спустя сбросили четвертого и последнего человека, потом вертолет взял курс на место посадки. Он летел к долине, переходившей в громадное ущелье, которое на карте Масаго было обозначено как каньон Тираннозавра.

9

Форд первым достиг вершины уступа и посмотрел вниз, на долину. Потрясенный, он осознал, что, оказывается, они сделали крюк и вернулись обратно, очутившись на другом краю Места Дьявольских Игрищ. Уаймана поражало следующее: несмотря на его знания о пустыне и опыт ориентирования в необитаемой местности, каменный лабиринт сбил их с толку. Сверившись по карте, Форд обнаружил, что они находятся на северо-западном крае долины.

Он огляделся, в любую минуту ожидая увидеть на горизонте черную точку и услышать знакомый пульсирующий гул вращающегося винта.

За свою жизнь Форд много раз попадал в переделки, но ничего подобного ему переживать еще не случалось. Раньше он всегда имел возможность оперировать информацией, теперь же действовал вслепую. Форд знал только одно: его пытаются убить правительство родной страны.

Он дождался Тома и Салли. Эти двое держались на удивление бодро, если учесть, что оба были ранены, предельно утомлены и всерьез страдали от обезвоживания. В любой момент они дойдут до предела своих возможностей, и тогда волей-неволей придется остановиться. Вероятно, у них наступит тепловая прострация, гипертермия, при которой организм теряет способность поддерживать постоянную температуру тела. Форд однажды наблюдал такое в камбоджийских джунглях. У одного из его людей внезапно прекратилось потоотделение, температура подскочила до сорока двух, начались судороги, настолько сильные, что у бедняги крошились зубы, и через пять минут он был мертв.

Форд, прищурившись от яркого солнца, посмотрел вдаль. С одной стороны, в пятнадцати милях, находились горы, с другой, в двадцати милях, – река. Воды осталось меньше пинты, жара стояла, наверное, сорокаградусная. Даже не считая преследования, проблем хватает, да еще и каких.

Форд смотрел на крутой склон с возрастающим беспокойством. Том упорно искал глазами тропу.

– Вот здесь, наверное, можно спуститься, – сказал он.

Форд колебался, глядя на жуткую расселину, идущую почти вертикально. До его слуха донесся едва различимый пульсирующий звук. Уайман замер, оглядел горизонт и заметил точку – в двух, может, в трех милях от них. Ему даже не понадобился бинокль: он точно знал, что это такое.

– Пошли.

10

Мелоди Крукшенк во все глаза смотрела на трехмерное изображение, полученное с помощью сканирующего микроскопа, и испытывала благоговейный страх. Возраст неизвестного вкрапления составлял шестьдесят пять миллионов лет, и тем не менее

выглядело оно так, будто возникло буквально вчера. Это изображение было гораздо четче, нежели те, которые мог дать оптический микроскоп. Здесь строение «венериного зеркала» просматривалось до мельчайших деталей: идеально правильная сфера с отходящей от нее трубкой, пересеченной на конце двумя поперечинами – они напоминали корабельные мачты. Теперь Мелоди разглядела, что и сами поперечины имели на кончиках какие-то сложные образования: пучки крошечных трубочек, похожие на головки созревших одуванчиков.

Рентгеноструктурный анализ подтвердил догадки Мелоди: углеродная сфера действительно представляла собой, как выражаются химики, «фуллерен» – полую оболочку, состоящую из двухвалентных атомов углерода, которые располагаются в форме «геодезического купола» Бакминстера Фуллера. Ученые открыли фуллерены лишь недавно, в природе они встречались нечасто и обычно имели микроскопические размеры, этот же был гигантским. Главная черта фуллеренов – их чрезвычайная прочность: все, что попадет внутрь такой оболочки, оказывается наглухо запечатанным. Только осторожное воздействие наиболее сильными ферментами в лабораторных условиях способно «взломать» фуллерен.

Именно это и сделала Мелоди.

Внутри сферы она обнаружила удивительное сочетание неорганических веществ, включавшее редкую разновидность плагиоклазового полевого шпата, $\text{Na}_{0,5}\text{Ca}_{0,5}\text{Si}_3\text{Al}_{0,8}$ с примесью титана, меди, серебра и ионов щелочных металлов. По сути, это была сложная смесь легированной глины, силикатов и оксидов металлов. Трубка, под прямым углом выходящая из фуллерена, оказалась гигантских размеров микропротоком, состоящим опять же из углерода. Боковые образования на поперечине содержали сложные компоненты глины вперемешку с оксидами металлов.

Прямо фантастика.

Мелоди с хрустом открыла банку теплого «Доктора Пеппера» и, отклонившись на спинку кресла, принялась задумчиво потягивать напиток. После того как забрали тело Корвуса, в лаборатории стало тихо, словно в склепе, – чересчур тихо, даже для воскресенья. Все старались держаться подальше от подвального помещения. И тут Мелоди вспомнила, до чего же у нее мало друзей в музее. Никто не заглянул узнать, как она, никто не предложил ей выпить или пообедать, чтобы отойти от происшедшего. Отчасти здесь была виновата сама Мелоди, хоронившая себя в подвальной лаборатории, будто монашка-отшельница. Однако немаловажную роль играл и ее низкий статус, и наметившаяся репутация неудачницы, бедной девицы с ученой степенью, в течение пяти лет рассылавшей свои резюме.

Но скоро все переменится.

Мелоди загрузила с компакт-диска несколько полученных ранее изображений неизвестного вкрапления. Она хотела найти больше доказательств, которые подтвердили бы теорию, начавшую зарождаться у нее в мозгу. Мелоди заметила, что максимальная концентрация «венериных зеркалец» наблюдается в ядре клетки. Изучив несколько изображений, оставленных еще для Корвуса, она обнаружила следующее: многие из тех клеток, где были вкрапления, имели вытянутую форму. Кроме того, неизвестные частицы, по-видимому, занимали именно пары клеток, располагавшихся бок о бок. Между этими двумя наблюдениями существовала непосредственная связь, которую Мелоди быстро осознала. У нее даже мурашки побежали по спине. Просто удивительно, как она раньше не замечала! Вкрапления в основном содержатся в тех клетках, где в момент гибели организма происходил митоз, значит, «венерины зеркала» побуждали клетки к делению. Многие современные вирусы действуют подобным образом и в результате убивают своего носителя, фактически делая клетки злокачественными.

Еще в 1925 году великий палеонтолог Генри Фэйрфилд Осборн, работавший здесь же, в Музее естественной истории, первым предположил, что массовое вымирание динозавров было вызвано эпидемией заболевания, подобного чуме, которое опустошило все континенты. Роберт Бэккер развил эту теорию в своей книге «Заблуждения относительно динозавров». Он выдвинул предположение, что массовое исчезновение можно объяснить буйством

чужеродных бактерий, «свирепствовавших» в организмах динозавров. «Чужеродные» бактерии распространились вследствие слияния Азии с Северной Америкой. Различные виды животных взаимодействовали, и так разносились новые вирусы, против которых у иных видов не было природного иммунитета. Книга вышла около двадцати лет назад, и по мере того как астероидная теория массового вымирания находила все больше сторонников, теория Бэккера постепенно забылась.

Теперь правота Бэккера подтверждалась.

Динозавров действительно уничтожила некая чума, размышляла Мелоди, и вот ее возбудитель здесь, прямо перед глазами. Однако медленное слияние континентов не могло вызвать эпидемию. Она началась вследствие падения астероида. Его столкновение с Землей послужило причиной повсеместных лесных пожаров, потемнения, голода и катастрофической утраты живыми организмами привычных сред обитания. Современные расчеты показывали, что на Земле в течение многих месяцев после падения астероида стояла темная ночь, все водоемы были загрязнены, а воздух переполнен удушливой пылью и копотью. В результате катастрофы возникли прекрасные условия для распространения заболевания среди уцелевших организмов: повсюду мертвые или умирающие животные, выжившие истощены, обожжены, изранены, их иммунные системы ослаблены. В подобных условиях опустошительная эпидемия не просто возможна... Она неизбежна. При падении астероида погибло большинство динозавров, а последующая эпидемия уничтожила оставшихся.

В данной теории имелся, впрочем, один неожиданный нюанс, и весьма немаловажный. Мелоди сомневалась, не слишком ли эта идея безумна, чтобы излагать ее письменно, не порождена ли она пятидесятичасовой бессонницей. Мысль была такова: раз «венерины зеркальца» не похожи на земную форму жизни, значит, они скорее являются... инопланетными организмами.

Возможно – это лишь предположение – «венерины зеркальца» были занесены самим астероидом.

11

Масаго соскочил на землю. Постепенно стихал гул винта, вращавшегося все медленнее. Масаго сошел с посадочной площадки и, сощурившись, всмотрелся в раскаленную пустыню. Согласно данным, полученным с борта «Хищника», преследуемые спустились с края плато в эту безымянную долину и снова принялись штурмовать отвесную скалу без страховки.

Вертолет приземлился в самом центре долины – сюда подтянутся четыре человека из оцепления.

К Масаго подошел Хитт, за ним – двое оставшихся солдат из оперативной группы, рядовые первого класса Хиршем и Говицки.

Местность гористая, пересеченная, однако – и это самое главное – «биотеррористы» здесь, в долине, как в ловушке, они отрезаны утесами от остальной территории. Четверых солдат, постепенно стягивающихся к центру, сбросили в точки, которые являются единственно возможными выходами из долины. Сейчас Хитту и двоим его ребятам остается только оттеснить преследуемых сюда. У них нет никакого шанса на побег, ни малейшего.

Сержант и рядовые уже выгрузили свое снаряжение и экипировались. Теперь они возились с системами навигации, одновременно негромко совещаясь по рации с членами команды, готовящимися осуществить захват в клещи.

– Пора выступать, – сказал Масаго.

Хитт кивнул, и по его команде рядовые перестроились, образовав треугольник, направленный основанием вперед. Согласно плану, Масаго со своей верной «береттой кугуар» серии 8000 в наплечной кобуре должен был держаться сзади, на расстоянии ста ярдов от «основания» треугольника, которое образовывали Хитт и рядовой Говицки. Чуть поодаль от них шел Хирш, и так, все вместе, они осторожно двинулись вдоль высохшего

русла к тому месту, куда, по последним данным «Хищника», направились трое беглецов. Масаго искал на песке следы, однако ничего не видел. Что ж, еще увидит, это лишь вопрос времени.

Группа шла вверх по руслу, постепенно оно стало шире и разветвилось. Солдаты остановились, и Хитт, вскарабкавшись на вершину ближайшего каменистого холма, произвел рекогносцировку. Несколько минут спустя он слез, коротко мотнув головой. Потом кивнул остальным, и они двинулись дальше, к гряде скал, похожих на грибы. Вдалеке высились утесы и крутые холмы.

Никто не произносил ни слова. Подъем закончился, военные разошлись и стали приближаться к причудливому скоплению стоячих скал, скоро оказавшись в тени.

– Вижу след, – раздался приглушенный голос Говицки. – И еще один.

Масаго опустил на колени. Следы были свежие, и оставил их человек в сандалиях – монах. Оглядевшись, Масаго увидел и другие следы, поменьше, оставленные обувью шестого или седьмого размера, – они принадлежат женщине. И тут же, рядом, – мужские, размер обуви одиннадцать с половиной или двенадцать. Путники шли быстро. Знали, что их преследуют.

Солдаты прошагали вслед за Хиттом под скалы, в тень. Масаго был абсолютно уверен: нападения из засады можно не опасаться. Это же самоубийство – вступать в схватку с отрядом командос, имея при себе лишь пару пистолетов. Да и не факт, что у «биотеррористов» вообще имелись пистолеты. Беглецы спрячутся... но они их выследят. Первый этап операции подходил к концу.

Отряд приблизился к тому месту, где несколько огромных каменных глыб практически смыкались, и через узкую прогалину между ними надо было пробираться ползком. Хитт дождался Масаго, указал на несколько шероховатых отпечатков на жестком песке. Беглецы прошли здесь, причем совсем недавно.

Масаго кивнул.

Хитт, встав на четвереньки, полез первым. Последним шел Масаго. Выпрямившись, он увидел вздымающиеся со всех сторон ступенчатые скалы, преградившие путь. Масаго не поленился свериться по карте. Похоже, беглецы забрели в закрытый каньон, в тупик, из которого им уже не выбраться.

Масаго негромко проговорил в микрофон:

– Они нужны мне живыми до тех пор, пока я не получу от них необходимую информацию.

12

– Ждите здесь, – сказал Форд. – Я поднимусь вон туда, посмотрю.

Салли с Томом привалились к валуну, а Форд вскарабкался по крутому откосу, забрался на округлый валун и осмотрелся. Они находились посреди пустыни, заваленной беспорядочными нагромождениями камней. Повсюду торчали древние пальцевидные скалы, «худу». Менее чем в полумиле, посреди долины, сел вертолет. Форд не сомневался: на их след уже напали. Он также знал еще по собственному опыту подготовки, полученной в ЦРУ, что у возможных выходов из долины расставлены люди, которые наверняка медленно стягиваются к центру, намереваясь отрезать беглецам путь к спасению. Единственный шанс – найти новый, не обнаруженный до сих пор выход из каньона или же очередное укрытие.

Форд посмотрел на дальний конец ущелья. Цепочка мертвых бледно-серых холмов сменялась скоплением голых каменных глыб, похожих на сомкнувших ряды монахов в клобуках. Очевидно, вода, пробиваясь сквозь пласт твердой покрывающей породы, встретила залегающий глубже более мягкий слой – так и возникли эти образования. Несколькими милями дальше вздымались ряды кирпично-красных утесов, словно ступенями восходивших к другому плато. Утесы выглядели заманчиво. Если получится пройти там и выбраться из долины, то побег удастся. Однако это не самая многообещающая перспектива.

Форд посмотрел на Салли и Тома. Оба быстро слабели, и у него не было уверенности, что они долго продержатся на ногах. Нужно искать укрытие.

Форд спустился вниз.

– Видно что-нибудь? – спросил Том.

Форд покачал головой, не желая вдаваться в детали.

– Пойдем дальше.

Они продолжили путь по высохшему руслу, вошли в каменный лес, образованный торчащими вертикально глыбами. Там стояла тень, поскольку скалы нависали над головой. В замкнутом пространстве скопился тяжелый горячий воздух. Форд, Салли и Том продвигались вперед, перелезая через упавшие каменные обломки и протискиваясь между песчаниковыми валунами, оказываясь то на солнце, то в тени и стремясь забраться как можно дальше в глубь гряды стоячих скал. Порой скалы оказывались склоненными настолько низко друг к другу, что приходилось проползать между ними на четвереньках.

Практически внезапно каменный лес закончился, и беглецы очутились у склона утеса, закруглявшегося с обеих сторон наподобие купола. Вдалеке, футах в пятидесяти над дном ущелья, осталась пещерка, давным-давно проделанная текшим там раньше ручьем. Форд различал еле заметные впадины в скале – то была выдолбленная древними индейцами анасази тропа, по которой они, цепляясь руками и ногами, забирались в пещеру.

– Посмотрим, что там, – сказал Форд.

Они приблизились к основанию утеса, и Том осмотрел индейскую тропу, потом перевел взгляд на Форда и Салли.

– Нас здесь найдут, Уайман, – сказал Том.

– Других вариантов нет. Может, эта пещера имеет выход. И возможно, они собьются с пути, если мы уничтожим свои следы здесь, внизу.

Том повернулся к Салли:

– А ты как думаешь?

– Я уже не в состоянии думать.

– Ну, пошли.

Постаравшись как следует затереть собственные следы, беглецы стали взбираться по тропе, ставя ноги в углубления и хватаясь руками за выступы. Подъем оказался несложным, через несколько минут они влезли на песчаниковый уступ и вошли в пещеру. Форд остановился, тяжело дыша. Даже он был на пределе своих возможностей, и его удивляло, как Салли с Томом вообще передвигают ноги. Оба выглядели ужасно. К счастью или, наоборот, к несчастью, пещера знаменовала собой конец их пути.

По форме она напоминала сводчатый собор, пол ее покрывал ровный слой песка, а песчаниковые стены, закругляясь, переходили в куполообразный свод. Косо падавший солнечный свет наполнял пещеру красноватым сиянием. Пахло пылью и, казалось, самым временем. В глубине лежала огромная глыба, видимо, отколовшаяся от потолка много веков назад. Ее обточила и отполировала вода, сочащаяся сквозь паутину трещин в своде.

Пройдя глубже в пещеру, беглецы вспугнули стайку гнездившихся там ласточек. Птицы, издавая резкие крики, заметались в полумраке под сводом.

– Может быть, за этим камнем пещера продолжается, – сказал Форд.

Они приблизились к отколовшейся глыбе, и Том произнес:

– Смотрите, следы.

Песок был аккуратно разровнен, но в промежутке между глыбой и стеной виднелись отпечатки широконосых ботинок.

Протиснувшись в щель, Том, Салли и Форд оказались в самой глубине пещеры, позади громадной каменной глыбы.

Форд обернулся и... вот оно: прямо из скалы выставились боковая часть головы, кусок шеи, одна передняя конечность с когтями и последние сегменты хвоста. Остальное было скрыто, похоронено, запечатано в камне. А сквозь стену пещеры шел тот пласт темной породы дюйма в четыре толщиной, в которой Форд ранее заметил следы динозавра.

Все онемели. Зрелище было необычайное. Форд никогда не думал, что оно окажется настолько впечатляющим. Огромная тварь, будто бы яростно пытавшаяся вырваться, освободиться, навеки погребена в камне. Динозавр лежал на боку, однако частично осевшая скала придала ему почти вертикальное положение, отчего он казался еще более живым, просто неправдоподобно живым. Глядя на него, Форд фактически представлял последние мучительные минуты земной жизни громадного животного.

Люди молча подошли к основанию скалы. Внизу, на песке, в беспорядке валялось несколько фрагментов, когда-то отколовшихся от окаменелости, среди прочего – один почерневший длинный зуб, по форме похожий на кривой турецкий ятаган.

Том присел и поднял его, взвесил в руке, провел пальцем по угрожающе зазубренному внутреннему краю. Тихонько присвистнул и протянул зуб Форду.

Прохладный окаменевший зуб тяжело лег Уайману на ладонь.

– Невероятно, – прошептал Форд, снова глядя на огромное застывшее чудовище.

– Смотрите сюда, – сказал Том, указывая на какие-то непонятные предметы, частично ушедшие в песок и явно созданные руками человека. Это были древние статуэтки, вырезанные из дерева. Опустившись на колени, Том разгреб песок. Под ним обнаружилось еще несколько статуэток и небольшой горшочек, наполненный наконечниками стрел.

– Дары, – проговорил Форд. – Вот почему индейцы проложили сюда тропу. Они поклонялись чудовищу. И неудивительно.

– А это что?

Том показал на торчавший из песка краешек чего-то металлического. Смахнув песок, Том увидел обгоревшую жестянку. Взял ее в руки, поднял крышку. Внутри была сумка, застегнутая на молнию, а в ней – стопка писем в конвертах, помеченных датами и адресованных некой Робби Уэзерс. Надпись на первом конверте гласила: «Моей дочурке Робби. Надеюсь, история эта тебе понравится. Тираннозавр рекс целиком твой. Любящий папа».

Ни слова не говоря, Том сложил письма и убрал их назад в жестянку.

Салли, стоявшая ближе к входу в пещеру, вдруг прошептала:

– Голоса!

Форд вздрогнул, как будто проснувшись. Он мгновенно вернулся к реальности.

– Нам нужно спрятаться. Посмотрим, далеко ли уходит пещера.

Том включил еле живой фонарь, который до сих пор нес с собой, и осветил в глубь пещеры. Остальные молча, внимательно посмотрели туда. Пещера заканчивалась узкой расселиной, образовавшейся под воздействием воды, впрочем, чересчур узкой, чтобы туда пролез человек. Том поводит фонарем вверх, вниз, осветил вокруг.

– Мы в тупике, – тихо произнес Форд.

– Так, значит, все? – спросила Салли. – Что нам теперь делать? Сдаваться?

Вместо ответа Форд метнулся к входу, прижался к стене и внимательно посмотрел вниз. Через минуту он вернулся.

– Они внизу, в каньоне. Трое военных и один штатский.

Том сам подошел к отверстию в скале и осмотрел небольшой, похожий на амфитеатр полукруг внизу. Там бродили два человека с винтовками, одетые в желтовато-коричневую камуфляжную форму. Появился третий, за ним четвертый. Они осматривали то место, где беглецы пытались замести следы. Один указывал наверх, на пещеру.

– Все, – сказал Форд. – Мы проиграли.

– Чепуха.

Том достал из портупеи пистолет, шелкнул магазином, заряжая его двумя оставшимися патронами, и опять убрал оружие. Поднял глаза и увидел, что Форд качает головой.

– Стрелять наугад в этих командос – верное самоубийство, причем мгновенное.

– Без борьбы я не сдамся.

– Я тоже. – Форд помолчал, на его обветренном морщинистом лице отразилась глубокая задумчивость. Будто в рассеянности, он вынул из кармана зуб динозавра, подержал

в руке, потом спрятал. – Том, та записная книжка у вас?

Том достал блокнот.

– Отдайте ее мне. И пистолет тоже.

– Что вы собираетесь...

– Нет времени объяснять.

13

Снизу Масаго наблюдал, как Хитт и двое других командос взобрались по крутому песчаниковому склону и распластались под самым краем пещеры, растянувшись так, чтобы захватить беглецов с трех сторон. Это был классический маневр, хотя, вероятно, здесь ребята переборщили, ведь злоумышленники скорее всего были безоружны.

Когда спецназовцы заняли свои места, заговорил Хитт. Голос его звучал негромко, но холодно и властно:

– Вы, в пещере. Мы превосходим вас численностью и вооружением. Сейчас мы войдем. Не двигаться, руки держать так, чтобы нам было их видно.

Масаго наблюдал, борясь с непривычным внутренним напряжением.

Хитт выпрямился, так что невидимые люди внутри пещеры теперь наверняка заметили его. Двое солдат составили ему прикрытие.

– Да, вот так. Руки вверх. Никто из вас не пострадает.

Он сделал знак двоим другим командос; солдаты вышли из укрытия.

Все было кончено. Три «биотеррориста» стояли с поднятыми руками на открытой центральной площадке пещеры.

– Прикройте меня.

Хитт приблизился к пленникам и обыскал их, убедившись, что они не вооружены. Потом сказал в микрофон:

– Сэр, мы оцепили пещеру. Можете подниматься.

Масаго ухватился за выступ в скале, подтянулся и через пять минут, вскарабкавшись по склону, уже стоял у входа в пещеру, оглядывая монаха и Бродбента с женой, имевших такой жалкий вид, какого ему давно ни у кого не приходилось наблюдать.

– Оружия при них нет?

Хитт мотнул головой.

– Произвести повторный обыск. Я хочу видеть все, что они имеют при себе. Все. Выкладывайте на песок, вот здесь, передо мной.

Хитт кивнул одному из своих людей, и тот принялся обыскивать троих перепачканных пленников. На песок аккуратно, рядком, легли бумажники, электрический фонарь, ключи, водительские права. В мешке у монаха оказались спички, порожняя фляга, несколько пустых жестянок и прочее походное снаряжение.

В последнюю очередь извлекли то, что монах прятал в своей сутане.

– Черт, что это такое? – спросил солдат, поднимая неизвестный предмет повыше.

Не меняя выражения лица, Масаго проговорил:

– Дайте сюда.

Солдат протянул ему находку. Масаго внимательно посмотрел: да, это был именно окаменевший зуб с заостренными краями. Агент подбросил его, взвесив на руке.

– Ты. – Он показал на монаха. – Ты, верно, Форд?

Монах едва заметно кивнул.

– Шаг вперед.

Монах слегка выдвинулся вперед.

Масаго поднял вверх руку, в которой держал огромный зуб.

– Значит, ты его нашел. Тебе известно, где динозавр.

– Это так, – ответил монах.

– Ты расскажешь мне, где он находится.

– У меня одного есть нужные вам сведения. И прежде чем я заговорю, вы ответите на мои вопросы.

Масаго вытащил из кобуры «беретту», направил на Форда:

– Говори.

– Да пошел ты.

Масаго выстрелил, пуля просвистела у Форда мимо уха. Монах даже не вздрогнул.

Агент опустил пистолет. Теперь ему стало ясно: этого не запугаешь.

– Убьете меня – никогда не узнаете, где динозавр. Никогда.

Масаго скупно улыбнулся.

– Ладно. Можешь задать один вопрос.

– Почему вы охотитесь за динозавром?

– В нем содержатся древние и чрезвычайно опасные частицы, вроде инфекционного вируса. Их можно использовать для создания биологического оружия массового уничтожения.

Масаго видел, как монах переваривает услышанное. Больше он сказать не мог упоминание фактов, противоречащих полученным солдатами инструкциям, не допускалось.

– Как называется ваше подразделение?

– Это уже второй вопрос.

– Тогда идите вы к чертям.

Масаго быстро шагнул вперед и ударил монаха кулаком в солнечное сплетение; тот мешком повалился на песок. Агент перешагнул через него. Тем временем монах, кашляя, поднялся на колени. Он пытался выпрямиться, судорожно зарываясь руками в песок, буквально утопая в нем.

– Так вот, мистер Форд. Я о динозавре – где он находится?

– Воды... пожалуйста...

Масаго вытащил из-за спины свою флягу, потряс ею, поддразнивая монаха.

– Вот скажешь, где динозавр, тогда дам.

Он отвинтил крышку и наклонился к дрожащему монаху, который едва мог стоять на четвереньках.

Форд метнулся по-змеиному, выдернул руку из песка – в ней неожиданно оказался пистолет. Не успел Масаго оказать сопротивление, как левая рука монаха уже сдавила ему горло. Затем Форд с силой, беспощадно рванул Масаго назад. Дуло пистолета уперлось представителю АНБ в ухо, дотянуться до своей «беретты» он не мог – руки оказались заломлены за спину.

– А теперь, – сказал Форд, обращаясь к военным и заслоняясь Масаго как щитом, – этот человек расскажет всем нам, что на самом деле происходит. В противном случае он умрет.

Часть шестая

Хвост дьявола

Конец наступил обычным июньским днем. Послеполуденная жара накрыла лес, словно одеялом, листья безжизненно повисли. На западе скапливались грозовые тучи.

Самка охотилась.

За деревьями она не заметила внезапную вспышку на юге. В бледно-голубом небе беззвучно расцвело, поднимаясь все выше, желтое свечение.

Лес настороженно молчал.

Пять минут спустя земля сильно задрожала, и хищница наклонилась вперед, чтобы сохранить равновесие. Не прошло и полминуты, как толчки прекратились. Она продолжила охоту.

Приблизительно через восемь минут почва вновь дрогнула, на этот раз закачавшись вперед-назад, а потом из стороны в сторону, словно на волнах. Тогда-то хищница и увидела

необычное желтое свечение, поднимающееся на юге над горизонтом. Огромные стволы араукарий теперь отбрасывали не одну, а две тени. Охотница смотрела, как небосвод затягивается ярко-желтой пеленой. Лес озарился светом, и бокам самки стало жарко, уже не от солнца, а от тепла, проникавшего с юга. Хищница прекратила преследовать добычу, насторожилась, однако беспокойства пока не испытывала.

Через двенадцать минут она услышала свист – будто бы приближался сильный ветер. Свист превратился в рев, и вдруг деревья пригнуло к земле, а лес наполнился громким треском ломающихся стволов. Нечто непонятное – не ветер, не звук, не давление воздуха, а все это одновременно – накатило на нее с огромной силой. Хищницу бросило наземь, и там на нее стремительно полетели листья, палки, ветки и стволы деревьев.

Она лежала в оцепенении, страдая от боли, пока не проснулись могучие инстинкты, приказывавшие ей встать, встать и драться. Хищница поднялась со спины, пригнулась, яростно щелкая зубами и рыча на ветки и листья, с ураганной скоростью несущиеся прямо на нее.

Буря, полностью опустошившая лес, медленно стихала. И в тишине возник, нарастая, новый звук – загадочное гудение, почти что пение. В небе промелькнула яркая полоска, потом еще и еще, они таяли ближе к горизонту, и в погубленном лесу раздавались взрывы. Скоро вспышки превратились в огненный дождь. Ничего не понимающие животные испуганно кричали, ревели, трубили – голоса эти поднимались над искалеченным лесом, словно звуки хора обезумевших от страха. Между вывороченными деревьями метались туда-сюда стайки небольших животных, а огненный дождь все усиливался.

Перед хищницей пронеслось стадо неосторожных целофизисов, и она сунула свою огромную голову туда, в самую гущу, принялась хватать и рвать их зубами, усеивая землю дергающимися, извивающимися конечностями, телами и хвостами. Хищница не спеша поедала куски добычи, порой сердито щелкая зубами на огненный дождь, который вскоре утих. Вместо него с неба посыпались мелкие камни. Она закончила есть и легла, отдыхая, не замечая ничего. Хищница не видела, как скрылось солнце и как небо из желтого стало оранжевым и, наконец, кроваво-красным, темнеющим с каждой минутой и излучающим жар отовсюду и в то же время ниоткуда. Сам воздух делался все горячее, постепенно достигнув такой температуры, какую хищнице еще не приходилось терпеть.

Мозг ее в конце концов осознал, насколько силен жар и до чего болит обожженная спина. Хищница поднялась и дошла до болота, окруженного кипарисами – там она обыкновенно валялась в грязи, – присела, перевернулась на спину, зарываясь в прохладную черную жижу.

Постепенно стемнело. Она расслабилась. Все было в порядке.

Марстон Уэзерс

1

Мелоди Крукшенк перевела файл, открытый на экране компьютера, в формат «html», подобрала нужные изображения, ввела заголовки и внесла последние изменения в коротенькую статью, которую написала в приступе лихорадочной активности. Она чувствовала себя разбитой, проведя без сна шестьдесят часов, но ее все еще поддерживал заряд возбуждения. Эта небольшая статейка станет одной из наиболее значительных научных работ за всю историю палеонтологии позвоночных и обязательно поднимет шум. Появятся скептики, противники и самозванные разоблачители. Может быть, Мелоди даже обвинят в мошенничестве, однако факты надежны, они все выдержат. И изображения безупречны. Кроме того, у нее еще остался один необработанный фрагмент образца, который она намеревалась предложить Национальному музею естественной истории или Гарвардскому университету – пусть их палеонтологи проведут независимое исследование.

Мелоди поместит статью в интернетовский «Дневник вице-президента», и тогда начнется светопредставление. Нужно, чтобы ее прочел лишь один человек, потом она будет

доступна всем и каждому, а жизнь Мелоди изменится бесповоротно.

Итак, работа завершена – или почти завершена. Палец Мелоди застыл над клавишей «Ввод» – оставалось только переслать статью по электронной почте.

Раздался стук в дверь, Мелоди вздрогнула и обернулась. Вход до сих пор был забаррикадирован креслом. Она посмотрела на часы: пять.

– Кто там?

– Уборка.

Мелоди со вздохом встала из-за стола, прошла к двери и отодвинула кресло. Она уже собиралась открыть, как вдруг замерла.

– Уборка?

– Я же сказал.

– Фрэнки?

– А то кто же.

Мелоди отперла дверь и с облегчением увидела такого знакомого Фрэнки, худющего и небритого. От него несло мерзкими сигаретами и еще более мерзким виски. Он вошел, шаркая ногами, Мелоди закрыла за ним дверь. Фрэнки принялся расхаживать по лаборатории, опорожнять мусорные корзины в огромный целлофановый мешок и нескладно насвистывать. Под столом Мелоди он взял корзину, переполненную банками из-под газировки и обертками батончиков «Марс», вытащил ее, ударившись при этом головой и рассыпав по столу несколько пустых баночек от «Доктора Пеппера». Остатки напитка забрызгали дисплей стереомикроскопа.

– Извиняюсь.

– Ничего страшного.

Мелоди нетерпеливо ждала, когда же он закончит. Фрэнки высыпал в свой мешок то, что еще оставалось в корзине, наскоро вытер стол рукавом, мимоходом толкнув микроскоп стоимостью в пятьдесят тысяч долларов. У Мелоди мелькнула мысль: и как только одни люди смогли выдумать цифры, а другим вот даже мусор толком не удастся вынести? Женщина выбросила эту мысль из головы. Думать так – значит злобствовать. Она никогда не позволит себе стать похожей на тех заносчивых ученых, с которыми ей приходилось иметь дело последние несколько лет. Мелоди всегда будет по-хорошему относиться к техническому персоналу, неуклюжим уборщикам и студентам-старшекурсникам.

– Спасибо, Фрэнки.

– Пока.

Фрэнки ушел, с шумом задев дверь своим мешком, и снова воцарилась тишина.

Мелоди со вздохом осмотрела стереомикроскоп. Капельки «Доктора Пеппера» забрызгали край дисплея, а немного жидкости, заметила она, попало на влажное предметное стекло.

Мелоди посмотрела в окуляры, желая удостовериться, что образец не поврежден. Его оставалось совсем мало, каждый фрагмент был на вес золота, особенно большую ценность представляли шесть или семь «венериных зеркалец», которые с таким трудом удалось извлечь из окаменелости.

Нет, все в полном порядке. Капелька «Доктора Пеппера» большой роли не играет: несколько молекул сахара едва ли могут причинить вред частице, пережившей 65 миллионов лет в земле и выдержавшей купание в 12-процентной фтористоводородной кислоте.

Вдруг Мелоди застыла. Похоже, зрение сыграло с ней шутку: одна из поперечин на «ручке» «венериного зеркала» внезапно шевельнулась.

Мелоди выжидала, разглядывая в окуляры увеличенные частицы. Мороз прошел у нее по спине. На глазах у Мелоди задвигалась другая поперечина, совсем как крошечный механизм, переключающийся с одной позиции на другую. Поперечины шевелились, и одновременно перемещалась сама частица. Мелоди смотрела, зачарованная и встревоженная, на остальные частицы, тоже начавшие передвигаться подобным образом. Все они пришли в движение, их поперечины работали там, в жидкости, словно маленькие винты.

Частицы до сих пор живы.

Должно быть, здесь все дело в сахаре. Мелоди полезла под стол и достала последнюю банку «Доктора Пеппера». Открыла ее, набрала в микропипетку совсем небольшое количество напитка, поместила каплю на край предметного стекла.

Частицы активизировались: крошечные поперечины, вращаясь, увлекали их туда, где концентрация сахара была выше.

Беспокойство Мелоди возросло. Она ведь не учла, что частицы до сих пор способны быть распространителями неведомой инфекции. Раз уж они живые, то наверняка в прошлом могли вызвать инфекционное заболевание – по крайней мере у динозавра.

В герпетологической лаборатории, расположенной дальше по коридору, один из смотрителей музея разводил партеногенетических ящериц для долговременного эксперимента. В той лаборатории имелся инкубатор с клеточными культурами, полученными в искусственных условиях. На примере клеточной культуры будет видно, способны неизвестные частицы заразить современную ящерицу или нет.

Мелоди вышла из минералогической лаборатории. Коридор пустовал: в воскресенье после пяти здесь вряд ли кого-нибудь встретишь. Дверь герпетологической лаборатории была заперта, однако ключ-карта Мелоди сработала, и за каких-то пять минут женщина достала чашку Петри, заполненную развивающимися клетками ящерицы. Мелоди принесла чашку к себе в лабораторию, под струей солевого раствора выделила несколько клеток и перенесла их на предметное стекло. Приникла к окулярам.

«Венерины зеркала» перестали двигаться к сладкой капле. Они повернулись, все разом, почти как стая волков, учуявших неизвестный запах, и устремились к новым клеткам. У Мелоди вдруг сдавило горло. Через несколько секунд частицы достигли группы клеток, окружили их, прикрепившись к клеточным мембранам своими длинными отростками, а потом резким молниеносным движением каждая частица проникла внутрь какой-нибудь одной клетки.

Поглощенная этим зрелищем, Мелоди ждала, что будет дальше.

2

Форд силой отвел человека в спортивном костюме к углублению в скале, там нагромождение камней сзади и сбоку образовывало прикрытие. Трое оставшихся солдат направили на Форда и его пленника винтовки. Сержант подал знак рукой, и солдаты с двух сторон стали наступать на Уаймана.

– Всем не двигаться и опустить оружие.

Командир сделал солдатам знак остановиться.

– Я уже сказал: или этот человек нам всем рассказывает, что происходит, или я его убиваю. Понятно? Вы же не хотите вернуться на базу, таща своего начальника в мешке для трупов, верно?

– В другом мешке будешь лежать ты, – негромко проговорил Хитт.

– Я для вас же стараюсь, сержант.

– Для нас?

– Вам тоже нужно знать правду.

Молчание.

Форд приставил пистолет к голове Масаго.

– Говори.

– Отпусти его, иначе я открою огонь, – тихо сказал Хитт. – Один...

– Подождите, – вмешался Том. – Мы американские граждане. Мы ни в чем не виноваты. Неужели вы для этого служите в вооруженных силах – чтобы убивать мирных американцев?

Сержант поколебался, впрочем, это было едва заметно. Потом произнес:

– Два...

– Послушайте, – продолжал Том, обращаясь непосредственно к сержанту, – вы не понимаете, что творите. Не нужно слепо подчиняться приказам. Подождите хотя бы, пока узнаете, в чем тут дело.

Сержант снова замялся. Двое других солдат посмотрели на своего командира, ища поддержки. От Хитта зависело все.

Он опустил винтовку.

Форд заговорил спокойно, вспоминая, как много лет назад его учили вести допросы.

– Вы лгали этим людям, верно?

– Нет. – Лицо пленника уже покрылось испариной. Тут кто угодно испугается.

– Нет, лгали. А теперь вы скажете правду, иначе я убью вас. И никаких повторных предупреждений, ничего. Я всажу вам пулю в голову, а со мной потом будь что будет.

Форд говорил совершенно серьезно, вот что было самое главное. Пленник это понимал.

– Ладно. Первый вопрос. На кого вы работаете?

– Я начальник подразделения ЛО480.

– Которое занимается?..

– Его учредили в 1973-м, после экспедиции «Аполлона-17» на Луну. Оно должно было изучать лунный образец, известный под названием ЛО480.

– То есть какой-то лунный камень?

– Да.

– Продолжайте.

Масаго сглотнул. С него градом катился пот.

– Это был осколок выбросов из кратера, известного под названием Ван Серг. В осколке содержались фрагменты метеорита, от удара которого возник кратер. В тех фрагментах находились частицы. Микроорганизмы.

– Что за микроорганизмы?

– Неизвестные. По-видимому, это инопланетная форма жизни. Они биологически активны. Их можно использовать для создания оружия.

– А какое к этому отношение имеет динозавр?

– В окаменевшем динозавре обнаружены аналогичные частицы.

Форд помолчал.

– Выходит, динозавра убили инопланетные организмы?

– Да.

– И все-таки при чем же здесь лунный камень? Я что-то совсем запутался.

– Возраст кратера Ван Серг составляет шестьдесят пять миллионов лет. И динозавр погиб шестьдесят пять миллионов лет назад в результате падения Чиксулуба.

– Чиксулуба?

– Это астероид, падение которого вызвало массовое вымирание динозавров.

– Дальше.

– Осколок того астероида послужил причиной возникновения кратера Ван Серг. Астероид, видимо, кишел инопланетными частицами.

– Какова цель проводимой вами операции?

– Очистка территории, уничтожение всех сведений об ископаемом и последующее извлечение ископаемого для ведения секретных исследований.

– Когда вы сказали «очистка территории», то имели в виду – от нас?

– Да.

– А говоря «уничтожение всех сведений об ископаемом», вы подразумеваете нашу ликвидацию, я прав?

– Мне нелегко смириться с необходимостью лишать американских граждан жизни. Но здесь серьезнейшим образом затронут вопрос национальной безопасности. На карту поставлено выживание нашего народа. Отдать жизнь за свою страну – достойный поступок, пусть даже вы умираете не по доброй воле. Порой этого нельзя избежать. Вы были агентом ЦРУ. Вы понимаете. – Он замолчал, впившись глазами в Форда. – Те инопланетные частицы

вызвали массовое вымирание динозавров. Попади они в дурные руки, может начаться другое массовое вымирание – вымирание людей.

Форд выпустил Масаго.

Тот отскочил и, тяжело дыша, попятился, затем выхватил «беретту». Встал чуть позади Хитта.

– Хитт, уничтожить этих троих.

Снова наступило долгое молчание.

– Вы не сделаете этого, – сказала Салли. – Теперь вы понимаете, что совершите убийство.

– Я жду исполнения моего непосредственного приказа, сержант, – тихо проговорил Масаго.

Никто не произносил ни слова. Никто не двигался с места.

– Хитт, вы лишаетесь командных полномочий, – сказал Масаго. – Рядовой Говицки, исполняйте приказ. Уничтожить этих людей.

Снова напряженная тишина.

– Говицки, я не слышу вашего ответа на полученный приказ.

– Есть, сэр.

Говицки поднял винтовку. Секунды шли.

– Говицки? – вопросительно произнес Масаго.

– Стойте! – вдруг вмешался Хитт.

Масаго прицелился Хитту в голову.

– Говицки! Исполняйте мой приказ.

Том сделал Масаго подножку, пистолет выстрелил в воздух, но никого не задело. Представитель АНБ перевернулся, вскочил, однако Хитт ловко ударил его в солнечное сплетение. Масаго тяжело рухнул на землю. Он лежал, согнувшись пополам, не в силах произнести ни звука.

Хитт ногой отшвырнул пистолет в сторону.

– Наденьте ему наручники, – печально проговорил сержант.

Говицки с Хиршем выступили вперед и через минуту защелкнули наручники у Масаго за спиной. Он задыхался и кашлял, катаясь по песку, из угла его рта сочилась тонкая струйка крови.

Все надолго замолчали.

– Итак, – сказал Хитт солдатам, – я беру на себя командование операцией. По-моему, этим троим нужна вода.

Говицки снял с плеча флягу, передал ее по кругу. Недавние пленники по очереди жадно припикивали к ней.

– Хорошо, – сказал Хитт, – теперь настоящее положение дел нам известно, однако операцию все-таки нужно завершать. Думаю, следует точно определить местонахождение динозавра. Это известно вам. – Он посмотрел прямо на Форда.

– Что вы собираетесь с нами сделать?

– Вас троих я отвезу в Уайт-Сэндс. Генерал Миллер решит, как с вами быть – здесь он командир, а не этот... – речь Хитта прервалась, сержант бросил взгляд на Масаго, – штатский.

Форд кивнул на огромный валун, высившийся в глубине пещеры.

– Динозавр сразу за тем камнем.

– Вы говорите правду? – Хитт повернулся к Говицки: – Присмотрите за ними, а я схожу и удостоверюсь.

Он исчез за валуном и вернулся несколько минут спустя. Сказал:

– Ну и дела. Ничего себе ящера.

Хитт повернулся к своим людям:

– Первый этап операции, по-видимому, завершен. Ископаемое обнаружено. Сейчас я вызову остальных членов группы, мы соберемся все вместе у вертолета, вернемся на базу,

явимся с донесением к генералу Миллеру, приведем с собой этих троих. Потом будем ждать дальнейших приказов. – Хитт обернулся к Масаго: – А вы, сэр, будете вести себя тихо и не станете нам создавать неудобств.

3

Вертолет на солончаковой равнине напоминал гигантское черное насекомое, сидящее на земле и собирающееся взлететь. Люди в молчании приближались к нему: Том, прихрамывая, шел без посторонней помощи, Салли поддерживал один из солдат. Шествие замыкал Хитт, впереди себя он вел Масаго.

Четверо членов группы, которых Хитт отозвал с занимаемых ими точек, присели с сигаретами в тени ближайшей скалы. Сержант жестом подозвал их к вертолету, и они поднялись, отбросив окурки. Вслед за солдатами в вертолет вошел Том. Хитт показал на длинные металлические сиденья вдоль стены.

– Доложите на базу о завершении первого этапа операции, – сказал сержант второму пилоту. – Сообщите, что я счел необходимым лишить штатское лицо Масаго права командовать операцией, а также обезоружить его.

– Есть, сэр.

– Я лично явлюсь с подробным донесением к генералу Миллеру.

– Да, сэр.

Один из солдат задвинул створку люка, вертолет взлетел. Том, сидевший рядом с Салли, облокотился о свернутую веревочную лестницу. Настолько вымотанным он не чувствовал себя никогда в жизни. Том оглянулся на Масаго. Тот до сих пор не произнес ни слова. Странно, лицо агента совсем ничего не выражало.

Вертолет поднялся над крутосклонной долиной и заскользил над вершинами плоскогорий в юго-западном направлении. Солнце докрасна раскаленным диском теперь висело над горизонтом, и, по мере того как вертолет набирал высоту, Тому удавалось разглядеть Навахское Кольцо, а за ним – Меса-де-Лос-Вьехос с группой каньонов, известных под названием Лабиринт. А уж совсем далеко виднелась извилистая синяя полоска – река Чама.

Когда вертолет неспешно поворачивал на юго-восток, Том краем глаза заметил внезапное движение. То был Масаго. Он успел встать и уже бежал к кабине пилотов. Том вскочил и бросился на него, однако Масаго, извернувшись, высвободился и со всего размаху ударил Тома скованными руками по голове. Несмотря на наручники, представитель АНБ сумел вытащить нож из чехла, висевшего у бедра, перекувырнулся через голову и влетел в открытую дверь кабины пилотов. Все остальные вскочили со своих мест, чтобы догнать Масаго, но вертолет вдруг накренился, и люди повалились вбок, а из кабины раздался булькающий вопль.

– Он собирается устроить аварию! – прокричат Хитт.

Вертолет с головокружительной быстротой устремился вниз, винт его вибрировал, издавая низкое гудение. Том с трудом поднялся на ноги, цепляясь за веревочную лестницу и пытаясь устоять: вертолет со свистом неся к земле, все быстрее и быстрее. В открытую дверь кабины Том мельком увидел, как второй пилот борется с Масаго, а мертвый первый пилот лежит на полу, залитый кровью.

Вертолет дернулся назад, и Том воспользовался этим рывком, чтобы самому попасть в кабину. Он ударился о приборную панель, очутился в кресле, нанес удар Масаго, попал по уху. Том неловко отклонился, и второй пилот, схватив Масаго за скованные руки, стукнул ими по панели, выбив таким образом нож. Тут вертолет накренился, Том с пилотом повалились на пол, и Масаго набросился на пилота, стал душить. Они катались по полу, скользкому от крови.

Том кинулся на Масаго, ударил его головой об пол, освободив второго пилота. Крикнул ему:

– К приборам!

Впрочем, вертолетчика и не нужно было подгонять. Он рывком вскочил на ноги, схватил штурвал, и летающая машина резко накренилась. Хвостовой винт взревел, машина замедлила ход, отчего людей чуть не вывернуло наизнанку, но второму пилоту удалось выровнять вертолет. Масаго все еще отчаянно сопротивлялся, выказывая почти нечеловеческую силу, но к Тому теперь присоединился Хитт, и вместе они прижали представителя АНБ к полу. Сквозь вой двигателей до Тома доносилось, как второй пилот вызывает аварийно-спасательную службу. Одновременно он пытался совладать с приборами.

Вдруг в ветровом стекле мелькнул, проносясь мимо, утес. Тут же вертолет со страшной силой тряхнуло, и раздался грохот, похожий на автоматную очередь, – обломки винта, словно шрапнель, пробили обшивку, и ворвались в кабину вместе с тучей мелких капель гидравлической жидкости. Второго пилота обломками прибило к стене, его кровь забрызгала разбитое ветровое стекло. Скрежетнул задевший о камень металл, потом последовало несколько секунд свободного падения, невесомости, и затем – сильный толчок.

И тишина.

Том словно выплывал из темноты, и ему понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить, где он. Да, в разбившемся вертолете. Том попытался шевельнуться и понял: его, лежащего на боку в углу кабины, засыпало обломками. Слово издали доносились крики, капанье гидравлической жидкости (или то была кровь?), чувствовался мерзкий запах авиационного топлива и сгоревших приборов. Все оставалось неподвижным. Том с усилием выбрался из-под обломков. В боку вертолета образовалась громадная дыра, и сквозь нее было видно, что они упали на крутой склон разрушенной скалы. Вертолет загудел и немного сполз вниз, вылетело несколько заклепок. Воздух медленно наполнялся дымом.

Том перелез через груды осколков и нашел Салли, которую завалило веревочной лестницей и брезентом. Том отгреб их в сторону.

– Салли!

Она пошевелилась, открыла глаза.

– Сейчас я тебя вытащу.

Том обхватил ее за плечи, потянул к себе, с облегчением видя, что она, похоже, просто оглушена.

– Том! – раздался голос Уаймана Форда.

Том обернулся. Форд выбирался из кучи обломков, по лицу его текла кровь.

– Горим, – выдохнул он, – пожар.

В ту же секунду послышался свист, и пламя охватило хвостовую часть вертолета, а людям в лицо дохнуло нестерпимым жаром.

Одной рукой Том обхватил Салли и понес ее к тому месту, где обшивка лопнула – по-видимому, то был единственный выход. Бродбент, сделав усилие, подтянулся на металлической скобе, взялся рукой за край отверстия и подтащил к нему Салли. Она вцепилась в искореженный металл, и Том помог ей вылезти наружу и забраться на корпус разбитого вертолета. До земли там было футов восемь. Том видел, что огонь быстро распространяется по хвосту, ползет вдоль дорожек разлитой гидравлической жидкости и постепенно поглощает вертолет.

– Можешь прыгнуть?

Салли кивнула. Том помог ей спуститься чуть ниже, и она прыгнула.

– Беги!

– А ты какого черта там торчишь? – закричала Салли снизу. – Давай быстро сюда!

– Форд внутри!

– Вертолет сейчас взорвется!

Но Том уже заглядывал внутрь – там раненый Форд пытался забраться в пробоину, держась за веревочную лестницу. Одна рука у него беспомощно висела.

Том лег на живот, пролез в дыру, схватил Форда за здоровую руку, вытянул вверх. Громадное облако черного дыма поднялось в воздух, как раз когда Бродбент окончательно

вытащил Уаймана, подтолкнул его кверху, а потом помог спрыгнуть.

– Том! Скорее вниз! – кричала Салли, поддерживая Форда, отползавшего от вертолета.

– Еще Хитт остался!

– Сейчас будет взрыв!

Из пробоины валил дым. Том нырнул внутрь и присел, поскольку внизу еще было чем дышать. Не поднимая головы, он подполз к тому месту, где в последний раз видел Хитта. Сержант без сознания лежал на боку в кабине пилота, среди обломков. Тома обдавало жгучими волнами жара. Обхватив руками туловище Хитта, он стал тащить его, однако ему не под силу было справиться со здоровяком военным.

Послышался глухой щелчок, что-то загорелось внутри вертолета. На Тома попеременно накатывали дым и жар.

– Хитт! – Он хлопнул сержанта по лицу. Тот закатил глаза. Том ударил еще раз, изо всех сил, и взгляд Хитта стал осмысленным.

– Вставайте! Бегите!

Том обхватил Хитта рукой за шею, попытался поднять. Сержант, прилагая немыслимые усилия, встал на ноги и тут же тяжело повалился на колени. Он тряс головой, с волос у него капала кровь.

– Проклятие...

– Скорее бежим отсюда! Пожар!

– Боже...

Хитт, похоже, наконец стал осознавать происходящее и был готов идти без посторонней помощи. Дым стал настолько густым, что Том почти ничего не видел. Он ощупью передвигался по полу, Хитт полз следом. Прошла целая вечность, прежде чем они достигли того места, где пробитая обшивка загибалась кверху. Том повернулся, схватил Хитта за руку, положил его мясистый кулак на металлическую скобу.

– Лезьте!

Воздуха уже не оставалось, и едкий дым словно осколками битого стекла царапал легкие.

– Лезьте, черт вас дер!

Сержант стал карабкаться, как зомби, по рукам его бежала кровь. Том лез следом, крича на Хитта, чувствуя усиливающееся головокружение. Слишком поздно, сейчас он потеряет сознание. Все кончено. Том почти разжал руки...

Но вот кто-то потянулся к нему, вытащил его из дыры, толкнул вниз. Том тяжело упал на песок, а через секунду рядом приземлился стонущий Хитт. Салли прыгнула рядом с ними – это она возвращалась на вертолет, чтобы помочь им.

Салли неловко поддерживала Тома и Хитта, которые, спотыкаясь и падая на четвереньки, старались отойти как можно дальше от горящего вертолета. В конце концов Том упал, кашляя и задыхаясь, не в силах больше передвигаться. Уже лежа на песке, но еще пытаясь ползти, он услышал глухой звук и ощутил внезапный жар – взорвались топливные баки, и разбитый вертолет загорелся весь, полностью.

Вдруг взорам людей предстало странное зрелище: из огня возник человек, обхваченный пламенем; руку он держал поднятой, в горящем кулаке сжимая пистолет. Со странной неспешностью человек замер, прицелился, сделал один выстрел, а потом его фигура опрокинулась, словно статуя, в пылающее пекло и исчезла из виду.

Том потерял сознание.

4

Ночь сгустилась над Манхэттеном, над Музеем естественной истории. Легкий ветерок шелестел листьями старых платанов, росших в музейном парке, и призрачные каменные горгульи на крыше безмолвно горбились на фоне темнеющего неба. В самой нижней части музея, в подвальном помещении, в минералогической лаборатории горел свет – там Мелоди

Крукшенк, ссутулившись, сидела над стереомикроскопом и наблюдала за делением группы клеток.

Процесс этот продолжался уже три с половиной часа. «Венерины зеркальца» вызвали удивительный темп роста клеток, инициировав их безудержное деление. Сначала Мелоди думала, что частицы каким-то образом вызывают появление опухоли наподобие раковой – скопления недифференцированных злокачественных клеток. Однако вскоре она поняла: эти клетки делятся не так, как раковые, и даже не так, как обычные клетки в составе клеточной культуры.

Получившиеся клетки *видоизменялись*.

Совокупность их начала приобретать признаки бластоцисты, или бластодермального пузырька, образующегося сразу после оплодотворения яйцеклетки. Деление продолжалось, и Мелоди увидела, как посередине бластоцисты появляется темная перетяжка. Постепенно она стала походить на «первичную полоску», развивающуюся у эмбрионов всех хордовых, – впоследствии из нее формируются спинной мозг и позвоночник растущего существа.

Существа.

Мелоди в полном изнеможении подняла голову. До сих пор она не задумывалась о том, чем именно является увеличивающийся в размерах организм – ящерицей или чем-то другим, и пока еще, на ранних стадиях онтогенеза, понять этого было нельзя.

Мелоди задрожала. Что, черт возьми, она творит? Будет настоящим безумием дожидаться результатов и выяснять какие-либо факты. Ее действия в настоящий момент не просто безрассудны, они опасны. Эти частицы требуется изучать в условиях биологической безопасности четвертого уровня, а не в открытой лаборатории, как сейчас.

Мелоди перевела взгляд с микроскопа на часы, но никак не могла сосредоточиться на циферблате. Она поморгала, протерла глаза, подвигала глазными яблоками вправо и влево. Мелоди устала страшно, чуть ли не до галлюцинаций.

Она снова заглянула в окуляры микроскопа, усиленно пытаясь сконцентрироваться. Шесть «венериных зеркалец» по-прежнему находились внутри увеличивающегося клеточного пузырька, задавая рост клеток, выжидая чего-то...

Мелоди понятия не имела, что это за частицы, в чем заключается их деятельность и как они функционируют. «Венерины зеркальца» – инопланетная форма жизни, занесенная на Землю астероидом Чиксулуб. Все происходящее слишком сложно, оно далеко за пределами ее понимания.

Мелоди отодвинула кресло и встала, слегка пошатываясь. Схватила за край стола, чтобы удержаться на ногах. У нее тряслись руки. Она стала размышлять над своими дальнейшими действиями. Огляделась вокруг и неожиданно наткнулась на бутылку 80-процентной соляной кислоты, стоящую в шкафчике с реактивами. Мелоди отперла шкафчик, сняла с полки бутылку, отнесла ее к вытяжному колпаку, распечатала и налила небольшое количество кислоты в неглубокий стеклянный поддон. С предельной осторожностью Мелоди взяла с предметного столика микроскопа предметное стекло, перенесла его к вытяжному колпаку и погрузила в соляную кислоту. Она слегка вспенилась и зашипела, мгновенно растворяя, разрушая жуткую каплю из растущих клеток, пока та, наконец, не исчезла без следа.

Мелоди вздохнула глубоко, с облегчением. Это был первый шаг – уничтожение развивающегося на предметном стекле организма. Теперь – уничтожить сами «венерины зеркальца», находящиеся в свободном состоянии.

Мелоди добавила к кислоте сильное основание, нейтрализовав ее и получив на дне поддона осадок соли. Зажгла под вытяжным колпаком горелку Бунзена и стала выпаривать раствор, держа поддон над горелкой. Через несколько минут вся жидкость испарилась, осталась корочка соли. Тогда Мелоди установила на горелке самый сильный огонь. Прошло пять минут, потом десять, и соль, раскалившись докрасна, начала растрескиваться – температура приближалась к точке плавления стекла. Ни одной разновидности углерода, даже фуллерену, не выдержать такого нагрева. В течение пяти минут Мелоди держала

пирексовый поддон над горелкой – та пылала уже вишнево-красным, – затем выключила газ и остудила горелку.

Оставалось сделать еще одну вещь, самую важную. Надо было дописать статью, добавив отчет об открытии, совершенном несколько минут назад. Мелоди открыла файл со статьей, за десять минут набрала два заключительных абзаца. В них самым сухим научным языком, на какой она только оказалась способна, описывались ее последние наблюдения. Мелоди сохранила статью, перечитала напоследок и осталась довольна.

Она мысленно корила себя за недостаточную осторожность. Что бы те частицы собой ни представляли, Мелоди теперь считала: они могут быть весьма опасны. Нельзя сказать, какое воздействие «венерины зеркальца» способны оказать на живой организм, на человека. Мелоди похолодела при мысли о том, не заражена ли она. Однако это было невозможно – частицы слишком велики, чтобы распространяться по воздуху, и вообще, не считая тех, которые Мелоди кропотливо извлекла из образца, они надежно заключены в камень.

Им шестьдесят пять миллионов лет, и все же их функциональность сохранилась.

Сохранилась.

Вот где на самом деле основная проблема. Каковы же функции частиц? Впрочем, даже если Мелоди и задастся этим вопросом, ясно, что для поисков ответа понадобятся месяцы, а может, и годы.

Она прикрепила файл со статьей к электронному письму, приготовилась отправить его, задержала палец над клавишей «Ввод».

И нажала на нее.

Глубоко вздохнув, Мелоди откинулась на спинку кресла, внезапно почувствовав себя опустошенной. С этим нажатием клавиши жизнь ее изменилась. Навсегда.

5

Том открыл глаза. Через кровать протянулись лучи солнца, где-то негромко работает компьютер, на стене – часы. Сквозь пелену боли, застилавшей глаза, Том сумел разглядеть Салли, сидящую в кресле напротив него.

– Ты очнулся! – Она вздрогнула, сразу взяла Тома за руку.

Он даже не думал поднимать гудящую голову.

– Что...

– Тебя положили в больницу.

Воспоминания разом нахлынули на Тома. Погоня в каньонах. Крушение вертолета. Пожар.

– Салли, а ты как?

– Намного лучше, чем ты.

Том оглядел себя и был поражен, увидев, что весь перебинтован.

– Так что со мной?

– У тебя всего-навсего сильный ожог, огнестрельная рана, в которую попала инфекция, сломанное запястье, переломанные ребра, сотрясение мозга, ушиб почки и обожженное легкое. Больше ничего.

– Сколько я пролежал без сознания?

– Два дня.

– А Форд? Как он?

– Он должен с минуты на минуту зайти тебя проведать. У Форда сломана рука, да еще несколько порезов, и привет. Он крепкий орешек. Тебе досталось больше всех.

Том застонал – голова у него не переставала гудеть. Туман понемногу рассеивался, и он почувствовал, что в углу сидит кто-то неприятный. Детектив Уиллер.

– Что он тут делает?

Уиллер встал, дотронулся до лба в знак приветствия, опять сел.

– Рад видеть вас в сознании, Бродбент. Не волнуйтесь, с нами у вас никаких

неприятностей нет, хоть им и полагалось бы быть.

Том даже не знал, что сказать.

– Я забежал узнать, как у вас дела.

– Очень любезно с вашей стороны.

– Я подумал, у вас, наверное, есть некоторые вопросы, и вы хотите получить на них ответы. Например, что мы выяснили насчет того, кто убил Марстона Уэзерса и похитил вашу жену...

– Да, у меня есть вопросы.

– А вы, в свою очередь, когда будете готовы, подробно обо всем расскажете мне.

Уиллер вопросительно поднял брови.

– Да, так будет вполне справедливо.

– Отлично. Того человека звали Мэддокс, Джимсон Элвин Мэддокс, он был осужден за убийство и, оказывается, работал на типа по имени Айэн Корвус, смотрителя нью-йоркского Музея естественной истории. Он выхлопотал Мэддоксу досрочное освобождение из тюрьмы. Сам Корвус умер в ночь похищения Салли, видимо, от сердечного приступа. Его смерть сейчас расследует ФБР, поскольку она наступила именно в ту ночь.

Том кивнул. Голова болела адски.

– Так как же этот Корвус узнал о динозавре?

– А он о нем в принципе не знал. До Корвуса дошли слухи, будто бы Уэзерс на пороге некой крупной находки, и он послал Мэддокса за ним следить. Мэддокс убил охотника за динозаврами и, судя по всему, забрал у него образец, который Корвус исследовал в музее. Какие-то материалы на эту тему совсем недавно появились в Интернете, буча поднялась небывалая, во всех газетах только об одном и пишут. – Уиллер покачал головой. – Окаменевший динозавр... Бог мой, я чего только не перебирал в уме: от кокаина до зарытого в землю золота, но о тираннозавре рекс в жизни бы не подумал.

– И что же будет с самим ископаемым?

Тому ответила Салли:

– По распоряжению правительства все Высокие Плоскогорья оцеплены, динозавра сейчас извлекают. Говорят, будет построена какая-то специальная лаборатория для его изучения, может, прямо здесь, в Нью-Мексико.

– А Мэддокс? Он на самом деле мертв?

Уиллер сказал:

– Мы нашли тело Мэддокса там, где вы его и оставили, – по крайней мере то, что уцелело от тела, после того как над ним потрудились койоты.

– А что насчет «Хищника» и всего прочего?

Уиллер откинулся на спинку кресла.

– С этим мы еще разбираемся. Похоже, тут замешано какое-то правительственное ведомство, вышедшее из-под контроля.

– Форд тебе обо всем этом расскажет, когда придет, – сказала Салли.

Тут словно по сигналу вошла медсестра, и у нее за спиной Том увидел грубое лицо Форда. Одна щека повязана, рука в гипсе и на перевязи. Он был уже в джинсах и клетчатой рубашке.

– Том! Хорошо, что ты пришел в себя. – Он приблизился и оперся о спинку кровати. – Как оно, а?

– Да вообще-то бывало и лучше.

Форд осторожно опустил крупным телом на плохонький больничный стул из пластмассы.

– Я связался кое с кем из моих старых приятелей по ЦРУ. Судя по всему, после недавних событий головы полетели только так. Ведь всплыло наплевательское отношение к человеческим жизням в ходе провальной операции. Секретное подразделение, которое ее проводило, расформировано. Правительственная комиссия расследует всю эту заваруху, но ты же знаешь, как такие дела делаются...

– Да уж.

– Есть еще кое-что, и в это верится с трудом. Один специалист из нью-йоркского Музея естественной истории завладел кусочком ископаемого, изучил его и опубликовал статью о результатах своих исследований. Настоящая бомба. Тираннозавр рекс погиб от какой-то инфекции, а ее занес астероид, который и вызвал массовое вымирание динозавров.

– Все, у меня, кажется, галлюцинации.

– Нет, кроме шуток, тот динозавр погиб от инопланетной инфекции. Так там по крайней мере написано. – Форд рассказал Тому, как «Аполлон-17» привез на Землю неизвестные частицы, замурованные в образце лунного грунта. – Когда ученые увидели, что камень кишмя кишит инопланетными микробами, его передали бывшему Разведывательному управлению министерства обороны, которое, в свою очередь, создало «черное подразделение» для исследования образца. В Разведывательном управлении новое подразделение назвали ЛО480, сокращенно от «лунный образец 480». Там частицы изучались последние тридцать лет. Одновременно подразделение прощупывало почву – а не всплывет ли что-нибудь еще, имеющее отношение к этой тайне.

– Все равно непонятно, как им стало известно про динозавра.

– Агентство национальной безопасности – настоящий монстр по части подслушивания. Подробности нам никогда не узнать, но, похоже, они перехватили какой-то телефонный звонок и тут же за него уцепились. В подразделении ЛО480 больше тридцати лет ждали, когда пройдет слух об инопланетных частицах, и там все было наготове.

Том кивнул.

– Как Хитт?

– Наверху, пока что валяется в кровати. Но настроение у него превосходное. А вот оба пилота погибли. Масаго и еще несколько солдат – тоже. Настоящая трагедия.

– А блокнот?

Уиллер встал, вытащил блокнот из кармана и положил на кровать.

– Вот, держите. Салли говорит, что вы дали слово и что вам несвойственно нарушать обещания.

6

Раньше Мелоди не приходилось бывать в кабинете Кушмана Пиэла, президента музея, и она почувствовала, как ее подавляет атмосфера привилегированности и исключительности самого этого места. Отовсюду веяло Нью-Йорком былых времен. Человек, сидящий за антикварным столом из розового дерева, лишь усиливал впечатление: у него был серый костюм от «Брукс Бразерс» и чуть поблескивающие седые волосы, зачесанные назад. Изысканная любезность президента вкупе с несколько самоуничижительной манерой речи выдавали его непоколебимую убежденность в собственном превосходстве.

Пиэл провел Мелоди к деревянному креслу в стиле шейкеров, стоявшему напротив отделанного мрамором камина, сам сел напротив. Достал из внутреннего кармана костюма экземпляр статьи Мелоди, положил его на стол. Рукой, густо испещренной мелкими жилками, аккуратно разгладил листки, легонько похлопал по ним.

– Что же, что же, Мелоди. Вы прекрасно потрудились.

– Спасибо, доктор Пиэл.

– Пожалуйста, зовите меня Кушманом.

– Хорошо, Кушман.

Мелоди оперлась на спинку кресла. Как можно удобно сидеть в кресле, в котором и аскету пуританину было бы жестко? Но Мелоди по крайней мере удавалось притворяться. Она чувствовала себя совершенно не в своей тарелке, однако ей казалось, что в конце концов это неприятное ощущение удастся перебороть.

– Ну-ка, посмотрим... – Пиэл заглянул в какие-то заметки, которые набросал на первой странице статьи. – Вы стали работать в музее пять лет назад, правильно?

– Да.

– Получив ученую степень в Колумбийском университете... И с тех пор выполняли работу высочайшего класса в минералогической лаборатории, будучи... техником-специалистом первой категории? – Пиэла, казалось, почти поразила незначительность ее должности.

Мелоди промолчала.

– Ну, похоже, самое время дать вам повышение. – Пиэл откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу. – У вас очень перспективная статья, Мелоди. Разумеется, она не лишена противоречий, и это неудивительно, однако Научный комитет внимательно ее изучил, и результаты, вероятно, выдержат проверку.

– Выдержат.

– У вас верная установка, Мелоди. – Пиэл негромко кашлянул. – Знаете, комитет считает, что гипотеза, согласно которой эти... э-э... «венерины зеркальца», возможно, являются инопланетными микроорганизмами, несколько незрелая.

– Это меня не удивляет, Кушман. – Мелоди сделала паузу, поскольку ей оказалось трудно называть его по имени. Надо бы привыкать, подумала она. Почтительная, стремящаяся угодить женщина-техник первой категории уже в прошлом. – Любой значительный шаг в развитии науки влечет за собой сложности. Я уверена, что гипотеза выдержит проверку.

– Безмерно рад это слышать. Конечно, я всего лишь президент музея, – тут он скромненько хихикнул, – и вряд ли мое положение позволяет судить о проделанной вами работе. Мне говорили, вы потрудились очень хорошо. Просто потрясающе.

Мелоди мило улыбнулась.

Он оперся на спинку кресла, положил руки на колени, вытянул их.

– У меня был разговор в Научном комитете, и мы считаем нужным предложить вам должность помощника смотрителя в отделе палеонтологии позвоночных. Это прекрасная должность, в перспективе вы станете штатным сотрудником, а со временем, если все пойдет хорошо, вас назначат на Гумбольдтовскую кафедру. Это место занял бы покойный доктор Корвус, будь он жив. Разумеется, ваш оклад соответственно увеличится.

Мелоди выждала, пока пауза станет неловкой, и лишь потом ответила:

– Это щедрое предложение. Я его оценила.

– Мы держим марку, – напыщенно ответил президент.

– Жаль, что я не могу его принять.

Пиэл развел руками. Мелоди помедлила еще.

– Вы нам отказываете, Мелоди? – У Пиэла на лице читалось недоверие, словно сама мысль о нежелании остаться в музее была абсурдна, уму непостижима.

Мелоди ровным голосом отвечала:

– Кушман, я пять лет просидела в подвале, выполняя для этого музея работу самого высокого уровня. Ни разу я не получила ни на грош одобрения. Ни разу я не удостоилась никакой благодарности, кроме небрежного похлопывания по плечу. Мне платили меньше, чем уборщикам, которые выносят из лаборатории мусор.

– Нет, конечно же, мы вас замечали... – Пиэл явно был в затруднительном положении. – Теперь все переменится. Позвольте заметить, наше предложение ведь тоже не раз и навсегда сформулировано. Вероятно, следует пересмотреть его в комитете и подумать, не можем ли мы сделать для вас больше. Должность штатного смотрителя... А вдруг? – Мимолетная улыбочка, подмигивание.

– Я уже отказалась от должности преподавателя Гарвардского университета.

Брови Пиэла взлетели от неподдельного изумления, которое он быстро скрыл.

– Бог мой, ну и шустрые они там. – Президент с трудом выдавил из себя смешок. – А можно поинтересоваться деталями их предложения?

– Меня звали на кафедру Монткриффа. – Мелоди старалась, чтобы губы не растянулись в улыбке. Ситуация ее чертовски забавляла.

– Кафедру Монткриффа? Что ж, это... просто исключительно. – Он прокашлялся, оперся на спинку кресла, быстро поправил галстук. – И вы им отказали?

– Да. Изучать динозавра я отправляюсь в Национальный музей естественной истории.

– В Национальный музей? – При упоминании о главном сопернике своего музея президент побагровел.

– Именно. В Вашингтон. Правительство планирует создать при Уайт-Сэндс специальную лабораторию, оборудованную в соответствии с требованиями биологической безопасности четвертого уровня. Там будет проходить изучение динозавра и «венериних зеркалец». Меня пригласили на должность заместителя директора по научным исследованиям и в связи с этим собираются назначить штатным смотрителем Национального музея. Возможность продолжить изучение динозавра имеет для меня немалое значение. Загадку «венериних зеркалец» еще предстоит разгадать, и сделать это хочу я.

– Таково ваше окончательное решение?

– Да.

Пизл поднялся, протянул руку и изобразил на лице бледную улыбку.

– Тогда, доктор Крукшенк, позвольте мне поздравить вас первым.

Благодаря воспитанию Пизл приобрел одно прекрасное качество, подумала Мелоди: он хорошо держался, когда проигрывал.

7

Домик – небольшое бунгало – стоял на живописной боковой улочке в городе Марфа, штат Техас. Пятнистая тень ложилась от огромного платана на газон, окруженный белым частоколом, с которого от жары сходила краска. На подъездной дорожке был припаркован «Форд-фиеста» 1989 года, а на двери переоборудованного гаража висела табличка со сделанной от руки надписью «СТУДИЯ».

Том и Салли оставили машину на улице, позвонили.

– Я здесь, – послышалось из гаража.

Они приблизились, дверь гаража поднялась, внутри обнаружилось симпатичное ателье. Появилась его хозяйка, одетая в белую мужскую рубашку огромного размера, заляпанную краской. Рыжие волосы женщины были подобраны наверх и перевязаны полоской ткани. Невысокая, живая и привлекательная, со вздернутым носиком и мальчишеским лицом, она имела задиристый вид.

– Я могу вам чем-то помочь?

– Я Том Бродбент. Это моя жена, Салли.

Женщина заулыбалась.

– Все правильно, Робби Уэзерс – это я. Большое спасибо, что приехали.

Они проследовали вслед за ней в удивительно милое ателье с окнами под потолком. Белые стены были увешаны пейзажами. Необычной формы камни, отшлифованные дождями куски дерева, старые кости и ржавые железки в художественном беспорядке лежали на столах у дальней стены.

– Садитесь. Хотите чаю? Кофе?

– Нет, спасибо.

Они сели на специально свернутый японский матрас, а Робби Уэзерс тем временем вымыла руки и, сняв повязку, тряхнула кудрявыми волосами. Подвинув деревянный стул, она присела напротив Тома и Салли. В ателье струился солнечный свет. Повисло неловкое молчание. Том не знал, с чего начать.

– Так, значит, – сказала Робби, глядя на него, – это вы нашли моего отца?

– Да.

– Я хочу, чтобы вы мне все рассказали: как обнаружили отца, что он говорил – все.

Робби, видимо, была женщиной деловой и прямодушной.

Том начал говорить. Он рассказал ей, как услышал выстрелы, как подъехал посмотреть,

в чем дело, и нашел на дне ущелья ее умирающего отца.

Робби, помрачнев, кивнула.

– А как именно он... упал?

– Лицом вперед. Ему несколько раз стреляли в спину. Я перевернул его, сделал искусственное дыхание, и он открыл глаза. – Том замолчал, сомневаясь, не слишком ли вдается в детали.

– Он выжил бы, если бы его вовремя вывезли оттуда?

– Нет. Раны были смертельны.

– Понятно.

Робби ухватила за край стула, и у нее побелели костяшки пальцев.

– Ваш отец сжимал в руке какой-то блокнот. Он велел мне взять его и отдать вам.

– Что именно он говорил?

Тому даже не пришлось вспоминать, настолько четко та сцена запечатлелась у него в мозгу.

– Он сказал: «Это для Робби... Для дочки моей... Обещай, что ей отдашь... Она узнает, как найти... Клад...»

– «Клад», – со слабой улыбкой повторила Робби. – Так он называл свои окаменелости. Никогда не говорил «окаменелость» – вечно боялся, вдруг кто присвоит себе его находку. Потому и изображал полусумасшедшего кладоискателя. Часто брал с собой явно поддельную карту сокровищ, чтобы люди думали, будто он какой-нибудь шарлатан.

– Да, теперь стало понятно то, над чем я долго ломал голову. В общем, я взял у него записную книжку. Он... уже умирал. Я сделал все, что мог, но у него не было шансов. Он только о вас и беспокоился.

Робби резко смахнула набежавшую слезу.

– Он сказал: «Это для нее... для Робби... больше ни для кого... Бога ради, только не в полицию... Ты должен мне обещать...» А потом добавил: «Скажи ей, что я люблю ее».

– Он действительно это сказал?

– Да. – Том не упомянул, что слова «ее» умирающий не выговорил, поскольку смерть наступила слишком быстро.

– А потом?

– Это были последние слова. Его сердце остановилось, и он умер.

Робби кивнула, склонила голову.

Том достал из кармана блокнот и протянул ей. Девушка подняла голову, вытерла слезы, взяла блокнот.

– Спасибо.

Робби начала смотреть блокнот с конца, пролистала пустые странички, задержалась на двух восклицательных знаках, улыбнулась сквозь слезы.

– Да, уж я знаю: с того момента, как отец нашел динозавра, и вплоть до смерти он был счастливейшим человеком на свете, это точно.

Она медленно закрыла блокнот, посмотрела в окно на залитый солнцем техасский пейзаж и медленно заговорила:

– Мама ушла от нас, когда мне было четыре года. Да и можно ли ее винить – каково быть женой человека, который таскает ее и ребенка по всему Западу, от Монтаны до Техаса, останавливаясь по пути в каждом штате? Он всегда искал нечто грандиозное. Когда я выросла, отец захотел, чтобы я ездила с ним, чтобы мы стали командой, но... Мне ничего этого было не надо. Я не желала разбивать палатки в пустыне и рыскать вокруг в поисках окаменелостей. Я хотела лишь жить в одном месте и дружить с кем-нибудь не по полгода, а дольше. Я во всем винила динозавров. Я их терпеть не могла.

Она достала платок, снова промокнула глаза, сложила платок на коленях.

– Я не могла дождаться, когда же поступлю в колледж и уеду от отца. Мне приходилось самой зарабатывать на жизнь: у него никогда не было ни цента за душой. А год назад он объявился и сказал, что стоит на пороге самой грандиозной находки, динозавра,

который затмит всех предыдущих, и что собирается найти его для меня. Я вспыхнула. Наговорила отцу лишнего, а теперь вот уже никогда не смогу взять свои слова обратно.

В комнате было очень светло и тихо. Салли обняла Робби.

– Мне ужасно хочется, чтоб отец сейчас был жив, – негромко добавила Робби и замолчала.

– Он писал вам письма, – сказал Том, доставая пачку. – Мы нашли их в жестянке, зарытой в песок совсем рядом с тем местом, где находится динозавр.

Робби дрожащими руками взяла пачку.

– Спасибо.

Салли сказала:

– Национальный музей устраивает торжественное открытие лаборатории, которую специально построили в Нью-Мексико для изучения динозавра. Они собираются дать динозавру имя. Хотите приехать? Мы с Томом собираемся.

– Ну... Не знаю.

– Думаю, вам нужно съездить. Динозавра хотят назвать в вашу честь.

Робби резко подняла голову:

– Что?

– Да-да, – сказала Салли, – сотрудники музея намеревались назвать динозавра в честь вашего отца, но Том их убедил, что мистер Уэзерс наверняка хотел дать динозавру имя Робби, ваше имя. Кроме того, это все равно самка тираннозавра рекс – говорят, они были крупнее и свирепее самцов.

Робби улыбнулась.

– Уж отец бы точно назвал динозавра моим именем, не важно, устроило бы меня это или нет.

– Ну и? – спросил Том. – Как, устраивает?

Наступило молчание, и наконец Робби улыбнулась:

– Да. Кажется, устраивает.

Эпилог

Хорнада-дель-Муэрто

Через четыре часа совсем стемнело. Она лежат в болоте, сжавшись, с полуприкрытыми глазами. Единственным источником света были огненные полосы, сверкавшие то тут, то там в кронах кипарисов. Болото наполнилось динозаврами и мелкими млекопитающими, они барахтались, бились, гребли, обезумев от страха, многие погибали и тонули.

Она очнулась. Без усилий насытилась.

Воздух стал горячее. Каждый вдох обжигал легкие и вызывал болезненный кашель. Она встала из воды, чтобы сразиться с мучительным пеклом, принялась хватать и рвать челюстями сам воздух.

Становилось все жарче и темнее.

Она продвинулась глубже, в толщу более прохладной воды. Кругом плавали мертвые и умирающие туши, однако хищница не обращала на них внимания.

С неба заструились грязные потоки черного дождя, покрывшего ее спину густой вязкой пленкой. В воздухе повисла густая пелена. За деревьями хищница видела красный свет. Страшный пожар опустошал нагорье. Она наблюдала, как огонь распространяется, треща в кронах огромных деревьев и меча на землю горящие ветки и снопы искр.

Пожар прошел, миновав болотце, в котором укрылась хищница. Немного остыл перегретый воздух. Она оставалась в воде, окруженная раздувшимися, гниющими мертвыми тушами. Дни сменялись днями. Настала полная темнота. Хищница ослабела, гибель ее была близка.

Подобного ощущения ей никогда еще не случалось испытывать. Она чувствовала, что смерть буквально разъедает ее изнутри, коварно, исподтишка выводя из строя все органы. Сошел чудесный, мягкий перьевой покров, окутывавший тело хищницы. Она почти не могла шевелиться. Дыхание ее участилось, но ей так и не удалось вполне насытиться кислородом. Жар обжег хищнице глаза, их заволокло пеленой, на них опустились распухшие веки.

Агония длилась много дней. Инстинктивно хищница сопротивлялась смерти, борясь с нею ежесекундно. С каждым днем боль становилась все сильнее. Хищница била себя по бокам, кусала, выхватывая куски собственной плоти и стремясь добраться до врага, засевшего внутри. С усилением боли ее ярость росла. Хищница вслепую пробивалась к твердой земле, с трудом держась на задних конечностях. Когда началось мелководье и вокруг не стало воды, выталкивавшей ее на поверхность, она споткнулась, упала. Хищница зарычала, забила, колотя лапами по грязи, хватая пастью тину, словно злясь на саму землю. Легкие ее постепенно наполнялись водой, а сердце уже из последних сил перекачивало по телу кровь.

Шел черный горячий дождь.

В биологической программе, сорок лет обеспечивавшей хищнице существование, случился сбой. У гибнущих нейронов наступила последняя бурная вспышка тщетной активности. Прочие клетки не реагировали, программирование нарушилось, страшный кризис был непреодолим. Напрасный рык потонул в корчах мокрого, страдающего тела. В левом полушарии ее мозга разразилась буря электрических импульсов, правая нижняя конечность раз десять бешено, конвульсивно дернулась и застыла неподвижно: когти растопырены, напряженные до предела сухожилия чуть ли не отстают от костей. Челюсти хищницы раскрылись, крепко захлопнулись, снова широко распахнулись. Так она и замерла – со злобно разверстой пастью.

Дрожь пробежала по всей длине ее хвоста, который забился оземь, весь, до последнего сегмента. Потом нервная деятельность прекратилась окончательно.

Программа была завершена. Черный дождь лил не переставая. Постепенно труп хищницы занесло жидкой грязью. Из-за сильной непогоды в горах поднялся уровень воды, и через день хищница оказалась похоронена в толще ила, лишенного органических примесей.

Ей суждено было пролежать в этой могиле шестьдесят пять миллионов лет.

Марстон Уэзерс

* * *

Фургон подпрыгивал на грунтовой дороге, стрелой пересекавшей пустыню Хорнада-дель-Муэрто в Нью-Мексико. Ровная и плоская, она напоминала поверхность океана, лишь далеко впереди чернела цепочка холмов. Фургон проезжал территорию ракетного испытательного полигона Уайт-Сэндс площадью в три тысячи квадратных миль.

Постепенно темные холмы приняли определенные очертания. На вершине центрального холма, давным-давно потухшего вулкана, в ряд выстроились радиомачты и антенны.

– Почти приехали, – сказала Мелоди Крукшенк, сидевшая на переднем сиденье рядом с водителем-военным.

Вскоре они миновали скопление обгоревших заколоченных зданий, обнесенных по периметру двойной оградой. За ними стояло новенькое строение, слабо поблескивающее гладкими титановыми панелями и окруженное надежным заграждением.

– Раньше там помещалось что-то вроде лаборатории по генной инженерии, – сказала Мелоди, – но после пожара ее закрыли. Смитсоновский институт, на базе которого работает Национальный музей, заключил договор об аренде части территории. Поскольку когда-то здесь уже были созданы условия биологической безопасности четвертого уровня, многое из того, что нам требуется, уже в наличии – по крайней мере лаборатории надежно укрыты от посторонних глаз. Они станут превосходным местом для изучения динозавра: по сей день

под защитой Уайт-Сэндс и в то же время доступные.

– Жить тут, наверное, одиноко, – заметила Робби Уэзерс.

– Ничуть! – ответила Мелоди. – В пустыне ощущается какая-то буддистская непорочность. И вообще, это же потрясающее место, здесь можно увидеть столько интересного: развалины древних индейских поселений, застывшие потоки лавы, пещеры с полчищами летучих мышей. Есть даже тропа, которую в незапамятные времена проложили испанцы. И потом – конюшни, бассейн. Я как раз начала учиться ездить верхом. Все лучше, чем Нью-Йорк и подвальная лаборатория без окон.

Фургон подпрыгнул, переезжая заграждение для скота. Охранник махнул рукой, пропуская приехавших. Они остановились перед зданием на посыпанной галькой площадке. Там уже теснились другие машины, вагончики телевизионщиков со спутниковыми «тарелками», джипы, «хамви» и прочие военные машины.

– Ну и понаехало гостей, – сказал Форд.

– А то. Мне сказали, открытие будет смотреть почти столько же людей, сколько смотрело Кубок мира. Миллиард.

Форд присвистнул.

Они выбрались из фургона и очутились в июльском зное, обычном для южных районов штата Нью-Мексико. Жар волнами поднимался от земли, словно она испарялась.

Вновь прибывшие прошли через парковку к белому зданию. Охранник придержал дверь, и Форд с Мелоди попали в просторный атриум, овеваемый кондиционированным воздухом. К ним приблизился человек в форме, с двумя звездами на погонах. Он протянул руку.

– Генерал Миллер, – представился человек, обменявшись рукопожатием с каждым. – Командующий ракетного испытательного полигона Уайт-Сэндс. Добро пожаловать. – Он кивнул Тому: – А с вами мы уже встречались, только вы тогда были в очень потрепанном виде.

– Простите, я вас, наверное, не запомнил.

Генерал широко улыбнулся и снова пожал Тому руку.

– Теперь вы выглядите чуточку лучше.

Группа репортеров, толпившихся в ожидании на краю атриума, бросилась вперед. Замелькали вспышки фотоаппаратов, камеры нацелились на вошедших.

– Доктор Крукшенк! Доктор Крукшенк! Правда ли, что... – Отдельные вопросы затерялись в общем гуле толпы наступавших корреспондентов.

Мелоди подняла обе руки вверх:

– Дамы и господа, пока никаких вопросов. После открытия состоится пресс-конференция.

– Один вопрос мисс Уэзерс!

– Приберегите его до пресс-конференции! – прокричала Робби, и через двери из вишневого дерева они прошли в сам лабораторный комплекс: длинный белый коридор, по бокам которого тянулись двери из нержавеющей стали. Свернув за угол, будущие герои пресс-конференции направились к противоположному концу вестибюля к еще одним дверям, двойным. За ними находилось помещение, напоминающее обычный конференц-зал. Ряды кресел стояли напротив стены, затянутой длинным белым занавесом. В помещении было полным-полно ученых в спецодежде, людей в серых костюмах – наверное, из правительства, зрителей и офицеров. Представители СМИ теснились за веревочным заграждением, и их это явно не устраивало.

– Он там? – спросила Робби, кивнув на занавес.

– Да. Вся лаборатория спроектирована так, чтобы можно было работать в условиях полной безопасности, в том числе биологической, четвертого уровня, и в то же время открыто, безо всякой секретности. Это самое главное. Результаты исследований будут публиковаться в Интернете, и все смогут о них узнать. Находка такого уровня... Она очень значительна, и это еще мягко говоря.

Мелоди здоровалась с разными людьми. Прибыли новые важные лица, и затем, после официального объявления, все заняли свои места.

– Ну, сейчас, – сказала Мелоди.

По залу пробежал шепот, когда она поднялась на возвышение и, волнуясь, перебрала в руках штук шесть карточек. Горели многочисленные телевизионные софиты, Мелоди несколько раз моргнула.

Наступила тишина.

– Добро пожаловать, – сказала Мелоди, – на новую палеонтологическую исследовательскую базу Смитсоновского института.

Зал разразился аплодисментами.

– Я доктор Мелоди Крукшенк, заместитель директора, и вы, я думаю, догадываетесь, для чего мы здесь собрались. – Она, немного нервничая, смешала карточки, которые держала в руках. – Мы собрались, чтобы продемонстрировать всем нечто, являющееся, несомненно, величайшей палеонтологической находкой. Мы также собираемся дать этой находке имя. Некоторые считают ее самым грандиозным научным открытием всех времен. Но прежде чем мы продолжим, я хотела бы воспользоваться моментом и упомянуть человека, которому эта невероятная находка принадлежит, – покойного Марстона Уэзерса. Всем вам известна история о том, как Уэзерс обнаружил ископаемое и как был убит. Немногие знали, что Уэзерс являлся, вероятно, величайшим охотником за динозаврами со времен Барнума Брауна и Роберта Стернберга, пусть он и применял несколько нетрадиционные методы. Сегодня Марстона Уэзерса представляет его дочь Роберта. Робби, встаньте, пожалуйста.

Раздался гром аплодисментов, когда Робби, краснея, поднялась и закивала.

– Я хочу поблагодарить еще нескольких человек. Прежде всего Тома Бродбента и Салли Бродбент, а также Уаймана Форда, не будь которых, динозавр никогда бы не увидел свет.

В зале зааплодировали еще громче. Том взглянул на Форда. Тот был уже не в коричневой монашеской сутане и сандалиях. Вместо этого – элегантный костюм, борода коротко подстрижена, непослушные волосы аккуратно зачесаны назад. На широкоскулом лице до сих пор заметен загар, приобретенный во время блужданий по пустыне, и лицо это все так же непривлекательно. И тем не менее Форд, похоже, оказался в своей стихии, он держался уверенно и непринужденно.

Мелоди сложила список лиц, которым объявляла благодарность. Собравшиеся в зале задвигались. Мелоди помолчала, снова перебирая карточки и взволнованно улыбаясь. Шепот прекратился.

– Филипп Моррисон, физик из Массачусетского технологического института, однажды заметил, что где-то еще во Вселенной жизнь либо есть, либо ее нет, но от обеих возможностей дух захватывает одинаково. Сегодня, находясь здесь, мы знаем ответ на этот величайший из всех научных вопросов. Да, где-то во Вселенной жизнь наверняка существует. На протяжении нескольких столетий возможное обнаружение жизни на других планетах было предметом научных построений, оно также будило воображение авторов научно-фантастических произведений – это видно из бесчисленных книг и фильмов. И вот теперь знаменательное событие свершилось. Но – надо же! – подтверждение явилось абсолютно неожиданным образом: инопланетные микроорганизмы нашлись в окаменелости! Фантасты успели продумать уже практически все возможные варианты великого открытия, кроме этого. Очередное доказательство – но задумайтесь, нуждались ли мы в нем? – того, что в нашей огромной и прекрасной Вселенной есть еще масса удивительного. Здесь, на палеонтологической исследовательской базе Смитсоновского института, мы сможем изучать новую форму жизни в надежных и безопасных условиях и в то же время не таясь, а, наоборот, делясь своими открытиями с миром ради блага всего человечества. Не будет никаких секретов, не будет ни малейшей возможности того, что этой находкой злоупотребят и она не пойдет на пользу людям. Кроме того, окаменелость расскажет нам очень многое о

динозаврах тероподах¹⁷, в особенности о тираннозавре рекс: об их анатомическом строении, клеточной биологии, об их жизни, питании и размножении. Наконец, мы узнаем гораздо больше о значительном событии, произошедшем шестьдесят пять миллионов лет назад: тогда с Землей столкнулся астероид Чиксулуб, который вызвал величайшую на нашей планете природную катастрофу. Уже известно, что загадочные инопланетные микроорганизмы, «венерины зеркальца», на Землю принес астероид и что они распространились в результате его падения, поскольку фрагмент того же астероида был обнаружен на Луне во время миссии «Аполлона-17». Из-за этих инопланетных микробов дни динозавров оказались сочтены. Те из них, которые пережили катастрофу, погибли от ужасной пандемии, от страшной чумы. Если бы не полное и окончательное исчезновение динозавров, млекопитающие бы никогда не поднялись на вершину эволюционной лестницы, и люди тоже никогда не появились бы. Можно сказать, эти организмы освободили Землю для нас с вами, поскольку после падения астероида и эпидемии произошел великий эволюционный взрыв, приведший к возникновению человека. – Мелоди сделала паузу и перевела дыхание. – Благодарю вас.

В зале загремели аплодисменты. Директор Смитсоновского института с бутылкой шампанского прошагал к возвышению и пожал Мелоди руку. Широко улыбаясь, он повернулся к присутствующим и к камерам.

– Я хотел бы попросить Робби Уэзерс подняться сюда.

На лице Робби просияла улыбка, обращенная Тому и Салли, и женщина прошла к возвышению. Там директор крепко взял ее за руку и передал ей шампанское.

– Свет, пожалуйста.

Позади загорелись лампы, осветив тяжелый занавес, которым был задрапирован дальний конец зала.

– Разрешите представить Робби Уэзерс, дочь Марстона Уэзерса, человека, нашедшего динозавра. Мы попросили ее руководить церемонией «крещения».

Раздались аплодисменты.

– Конечно, нельзя разбивать бутылку шампанского об ископаемое, однако мы можем по крайней мере выпить за нашего динозавра. И вот человек, который как нельзя лучше подходит для произнесения тоста. – Он обратился к Робби: – Не хотите ли сказать что-нибудь?

Робби подняла бутылку:

– Это тебе, папа.

Снова аплодисменты.

– Дробь, пожалуйста.

Из громкоговорителей зазвучала предварительно записанная барабанная дробь, и занавес на противоположном конце зала раздвинулся. Показалась ярко освещенная лаборатория за толстой стеклянной перегородкой. На металлическом столе лежала поразительная окаменелость, разделенная на пять участков и местами еще покрытая цементирующим материалом. Специалисты уже очистили большую часть черепа динозавра и разверстые челюсти, изогнутую шею, когтистые верхние и нижние конечности. Теперь еще больше, чем когда-либо, казалось, будто животное пытается вырваться из камня.

Директор поднял руку, и барабанная дробь смолкла.

– Настало время откупорить бутылку. Робби...

Робби возилась с пробкой, по-всякому пытаясь ее извлечь. Раздался щелчок, и пробка пролетела над головами зрителей, а из бутылки полилось шампанское. Послышались хлопки и одобрительные возгласы. Директор подставил бокал под струю, поднял его и сказал, обращаясь к ископаемому:

– Нарекаю тебя Робби, тираннозавр рекс.

¹⁷ Тероподы – группа двуногих плотоядных динозавров.

По залу прошел громкий гул одобрения. Из боковых дверей появились официанты. Они несли серебряные подносы, заставленные высокими бокалами с шампанским. Официанты пошли в зал.

– Тост! Тост!

Помещение наполнилось разговорами, смехом, звяканьем стекла – все поднимали бокалы за небывалого динозавра. В зале раздавались возгласы «За тираннозавра рекс по имени Робби!», в динамиках зазвучала тема из «Парка юрского периода» композитора Джона Уильямса.

Через несколько минут Мелоди присоединилась к Тому и остальным. Они чокались бокалами направо и налево.

– Ну и здорово же будет раскрыть наконец тайны этой окаменелости, – сказала Мелоди.

– Вы, наверное, об этом всю жизнь мечтали, – заметил Форд.

Мелоди рассмеялась:

– Я всегда была фантазеркой, но даже в самых смелых мечтах никогда ничего подобного себе не представляла.

– В жизни полно неожиданностей, а? – подмигнув, сказал Форд. – Когда я пришел в монастырь, я и подумать не мог, что в результате окажусь здесь.

– Не очень-то вы похожи на монаха, – ответила Мелоди.

Форд засмеялся:

– Не похож, похож не был и теперь уж никогда не буду. Охота за динозавром помогла понять, что созерцание и размышления не для меня. Монастырь в свое время мне очень помог, но проводить там всю жизнь я не стану.

– Чем собираешься заняться? – спросил Том. – Вернешься в ЦРУ?

Форд покачал головой.

– Займусь частными исследованиями.

– Что? Станешь детективом? Что скажет настоятель?

– Брат Генри от всей души одобряет мое решение. Говорит, он с самого начала знал, что мне никогда не сделаться монахом, однако я должен был осознать это сам. Вот и осознал.

– А чем именно ты будешь заниматься в качестве детектива? Выслеживать с фотоаппаратом неверных мужей?

Форд расхохотался:

– Вовсе нет. Моя деятельность будет касаться корпоративного и международного шпионажа, криптографии, криптоанализа, научных и технологических проблем. Примерно в этой же сфере я работал, когда был агентом ЦРУ. Кстати, я ищу напарника. – Он подмигнул Тому. – Как тебе такая работенка, а?

– Кому, мне? Я же ничего не смыслю в шпионаже.

– Ничего. Я знаю твой характер, и этого достаточно.

– Подумаю над твоим предложением.

Снова раздались возгласы – директор открыл новую бутылку и стал ввинчиваться в толпу репортеров, подливая им шампанского и выслушивая их жалобы. Динозавр лежал на длинном металлическом столе: шея вывернута, зубы оскалены, пустые глазницы смотрят на людское сборище. Форд обернулся к Мелоди:

– Не скажешь, что этот тираннозавр почил в мире.

– Ярость, ярость. А как же, ведь для него мерк весь свет, – негромко проговорила Мелоди.

Форд сделал маленький глоток шампанского.

– Пока вы говорили, Мелоди, мне пришла в голову довольно неожиданная мысль.

– Какая же?

Форд взглянул на чудище, потом – снова на Мелоди.

– Можно вас спросить: почему вы считаете, что «венерины зеркальца» живые?

Мелоди улыбнулась и покачала головой.

– В принципе формально они не подходят под используемое в настоящее время определение живого, поскольку у них нет ДНК. Однако по остальным признакам частицы являются живыми: они способны размножаться, расти, адаптироваться, питаться, совершать энергообмен и выделять отходы.

– Есть одна возможность, о которой вы, кажется, не подумали.

– Какая?

– Что, если «венерины зеркальца» – это механизмы?

– Механизмы? Машины микроскопических размеров? Но для чего они?

– Чтобы обеспечить исчезновение динозавров. Механизмы, сконструированные, чтобы направлять эволюцию, манипулировать ею. Машины, внедренные в астероид, который летел к Земле. Который, возможно, даже послали на Землю.

– Но зачем?

– Вы же сами сказали – чтобы сделать возможным появление людей.

После короткого молчания Мелоди смущенно засмеялась:

– Вот уж точно неожиданная мысль. Только у бывшего монаха могла возникнуть такая безумная идея.